

МИДСАММЕР
№ 41

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

РУНИЧЕСКИЙ КЛИНОК XVI ВЕКА
ДЕВЯТЬ ВЫСШИХ ЦЕННОСТЕЙ АСАТРУ
СТАТУИ И АМУЛЕТЫ ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВИИ

УНИКАЛЬНЫЙ КЛАД ИЗ ВИНЕЛЕВА
СИЛА РУН В ШВЕДСКИХ БАЛЛАДАХ
СКАНДИНАВСКАЯ КУХНЯ

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художница — Ольга Демидова ©
Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

**Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:**

А.А. Хлезову, И.Б. Губанову, О.А. Маркеловой,
Наталье Ганузиной, КИР "KATTHUND",
Евгению Папакулю, Юхану Эйдему Бергу,
Esgal, Александру Северову, Анне Блейз,
Дмитрию Даммеру, Тимофею Ермолаеву,
Grimmahugr Ormstunga, Василию Баринцеву,
Юлии Насоновой (Ulla SOL), группе Асатру
Урал, Т.Ф. Фадеевой, Виталию Кривоносу,
Светлане Юлиной, Ольге Демидовой, Kate
Vigdis, М.В. Вишневному, а также паблику
«Библиотека викинга».

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr
годорд Иггдрасиль

<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКЦИИ	3
НОВОСТИ	4
ЛЮДИ, С КОТОРЫМИ НАМ ПО ПУТИ	
Интервью: Михаил Вишневецкий Алексей ГЛАЗАЧЕВ	7
Интервью: Евгений Папакуль Анастасия ЗИМОВА, Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)	14
ИССЛЕДОВАНИЯ	
От власти бондов к средневековому государству И.Б. ГУБАНОВ А.А. ХЛЕЗОВ	19
Рунический клинок XVI века Александр СЕВЕРОВ	28
Магическая сила рун в шведских балладах о сверхъестественном Е.А. ПАПАКУЛЬ	31
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Руническая поэма и прочие надписи на стенах Старой Церкви в Бё Юхан Эйдем БЕРГ	34
ПЕРЕВОДЫ	
Святылища и культовые объекты древней Скандинавии: статуи и амулеты Квельдульф ГУНДАРССОН (с) Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)	37
Самое раннее в мире упоминание Одина: уникальный клад из Винелева Лисбет М. ИМЕР, Кристер С.К.ВАССХУС Перевод: О.А. МАРКЕЛОВА	43
Дорога в Хель Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL	47
A Book of Troth Эдред ТОРССОН. Перевод: Дмитрий ДАММЕР	56
Обряды жизненного цикла в древнескандинавской религии Бритт-Мари НЕССТРЕМ Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	58
СКАЗКИ	
Волшебные норвежские сказки	61
РЕКОНСТРУКЦИЯ	
Об использовании тканой тесьмы в качестве отделки в женском скандинавском костюме Эпохи Викингов Наталья ГАНУЗИНА	64
ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ	
Скандинавская кухня Василий БАРИНЦЕВ	67
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов Перевод: РАНХИЛЬД (Мария ЮЛИНА)	74
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Склока с Локи Юлия НАСОНОВА	77
Зачын (Forspjallsljóð), або Крумкачыная замова Одзіна (Hrafnagaldr Óðins) Пераклад: Яўген ПАПАКУЛЬ	83
ОДИН (ÓÐINN): Бог викингов. Миф и реальность Мария ЮЛИНА	86
ПУТЬ К БОГАМ	
Девять высших ценностей Асатру Себастьян БЕРГ Перевод: Анастасия ЗИМОВА	92
ТВОРЧЕСТВО	
Стихи Виталий Кривонос	94
Стихи Grimmahugr Ormstunga, Светлана Юлина	95
Арт Ольга Демидова	96

*Если у вас нету тётки,
То вам её не потерять(с).*

А если в вашей религии нет священных книг? Тогда и дров, чтобы разложить костер для еретиков, у вас тоже нет. Впрочем, как и самих еретиков. И в этом нам видится величайшее благо отсутствия прописных истин у последователей язычества. Каждый из нас сам себе закон, совесть — наш внутренний ориентир, честь — мерило осознанного выбора. Ведь при отсутствии директив любой выбор становится *осознанным*, ибо нет никого, кто подумал бы за нас, решил за нас и продиктовал, как надо. Мы свободны искать, познавать, практиковать, ошибаться и начинать все сначала. Но не это ли одновременно и величайшая беда современного язычества? Свобода приводит к изобретению пустой руны, к теории утарка, к курсам «открой в себе эриля» и активной продаже услуг по инициации в «рунную магию».

— *Что же из этого следует?*
— *Следует жить (с).*

Следует продолжать читать и перечитывать Эдды, саги, сказки, легенды, ходить по музеям, исследовать археологические находки, читать заслуженных авторов, ничего не принимать на веру, думать!

Искренне надеемся, что наш журнал будет вам в помощь на этом Пути. Ибо и заслуженных авторов, и сказок, и археологических находок на наших страницах в достатке. А этот номер так и вовсе посвящен и сделан во славу всемирного литературного наследия, в честь наших «священных несвященных» книг — Эдд. Вы когда-нибудь слышали, как звучит Эдда на белорусском? А молитва Тору на украинском? А уже видели новый русский перевод Lokasenna? Все это вас ждет прямо сейчас в новом 41 номере «Северного ветра». Более — не отвлекаем, ведь впереди столько всего интересного!

Редколлегия:
Ранхильд, Сигрид, Андвари, Анастасия

*Светлого благословенного Мидсаммера, друзья!
Мира в душе и мира во всем мире!*

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>
Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>
Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Картотека всех материалов:
<https://docs.google.com/document/d/1asV3vm8B814J2Sq3rVjATB0Bn0QHAlaIBI3Hr0CbA8/edit?usp=sharing>

Исследование древнего ДНК демонстрирует, что понятие «викинг» было скорее профессией, чем вопросом наследственности

Источник новости:

<https://www.science.org/content/article/viking-was-job-description-not-matter-heredity-massive-ancient-dna-study-shows>

Это была настоящая сага о викингах, написанная генами. В 2008 году во время строительных работ на берегу рядом с эстонским городком Салме рабочие нашли скелеты более 40 мужчин крупного телосложения. Их похоронили в районе 750 г. н.э. в двух ладьях с характерными для викингов оружием и инвентарем — очевидно, это был печальный результат неудачного набега. Анализ извлеченного из костей ДНК позволил добавить любопытную деталь: четверо мужчин, погребенных плечом к плечу с мечами в руках, были братьями.

Благодаря масштабным попыткам секвенирования ДНК викингов, которые проводят по всей Европе, поступают новые данные. Результаты, опубликованные в журнале *Nature*, демонстрируют процесс расселения викингов по Европе с их скандинавской родины и то, что люди иного происхождения также становились викингами. **«Эта важная новость полностью совпадает с тем, что сообщают археологи и историки,** — говорит Эрика Хагельберг, эксперт по древнему ДНК из университета Осло, не принимавшая непосредственного участия в исследованиях. — **Самое потрясающее — это небольшие детали из конкретных мест».** Эстонское погребение, к примеру, подтверждает, что команда корабля часто была сплоченной группой родом из одного селения или города. **«Мы никогда раньше не видели, чтобы четырех братьев хоронили вместе таким образом»,** — добавляет Кэт Джармэн, археолог, работающая для Музея истории культуры в Осло.

За почти десять лет группа под руководством генетика Эске Виллерслева из Кембриджского университета и университета Копенгагена собрала образцы со всей Скандинавии, датируемые эпохой викингов (с 750 по 1050 г. н.э.) наряду с более ранними и поздними образцами. В задачи группы также входил сбор человеческих останков из погребений в Европе и за ее пределами, отличающихся либо характерным для викингов погребальным

инвентарем либо методом погребения. **«Мы изучили фактически каждое захоронение, которое могло иметь отношение к викингам»,** — говорит Виллерслев. В итоге группе удалось секвенировать 442 генома викингов из погребений в Италии, Украине и затопленных поселений викингов в Гренландии.

В результате мы имеем множество драматических историй о перемещениях отдельных людей, например о двоюродных братьях, один из которых похоронен в Оксфорде, а другой в Дании, и отделяют их друг от друга сотни километров открытого океана. Новые генетические подробности в том числе помогают избавиться от предрассудков в отношении викингов. Оказывается, что скандинавы эпохи викингов, скорее всего, были темноволосыми, в отличие от народов, сегодня населяющих эти земли. Кроме того, на основе сравнения ДНК и археологических данных из индивидуальных погребений можно сделать вывод, что понятие «викинг» было скорее профессией, чем вопросом наследственности.

Обнаруженные на Оркнейских островах погребения в стиле викингов содержат останки, лишённые скандинавской ДНК, в то время как некоторые люди, погребенные в Скандинавии, имеют ирландских или шотландских предков. Несколько человек в Норвегии похоронили как викингов, однако генетически они были саамами, которые

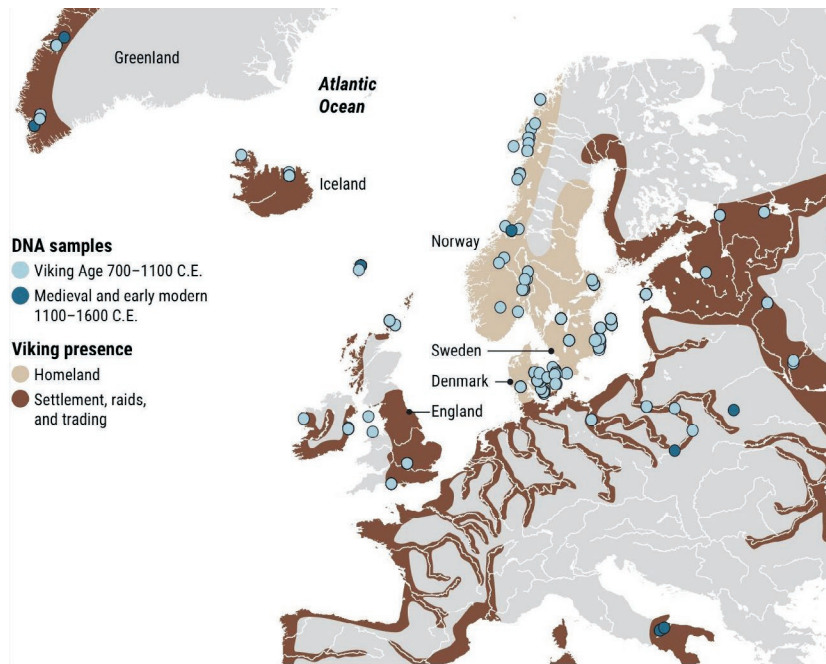
ближе к коренным народам Сибири и Восточной Азии, чем к европейцам. *«Идентичность здесь имеет не генетический или этнический характер, а скорее социальный, — рассказывает Джармэн. — Получить подтверждение этой идеи из ДНК оказалось очень вдохновляющим».*

Результаты исследований также позволяют поставить точку в давнем споре о географии набегов. На основании саг, написанных спустя несколько веков после первых походов, можно допустить, что викинги из определенных регионов предпочитали конкретные маршруты, но другие ученые считают, что навыки мореплавания делали викингов в равной мере успешными налетчиками и торговцами.

Вооружившись данными анализа ДНК, исследователи впервые смогли достоверно установить происхождение викингов, начиная от самых дальних мест их расселения до скандинавской родины. *«Мы наконец смогли проследить линии связей, которые предлагают письменные источники и которые историки считали спорными»*, — говорит один из исследователей, Сёрен Синдбек, археолог университета Орхуса.

Ученые обнаружили, что викинги, населявшие территорию современной Швеции, чаще плавали на восток, к странам Балтии, Польше и рекам России и Украины, а даны предпочитали запад, где сегодня находится Великобритания. Норвежцы в основном плавали в северную часть Атлантического океана, колонизируя Ирландию, Исландию и в конечном итоге Гренландию. *«Конкретно об этом мы не смогли бы узнать, опираясь на одни только археологические данные»*, — подчеркивает Виллерслев.

К удивлению исследовательской группы, признаков генетического смешения в самой Скандинавии оказалось крайне мало. Хотя несколько прибрежных поселений и островных торговых узлов действительно были очагами генетического разнообразия, в глубине материка скандинавское население оставалось генетически

стабильным — и изолированным — в течение многих веков. *«Мы легко можем отделить норвежца того времени от шведа или датчанина»*, — утверждает Синдбек.

Однако перед учеными возникают и новые вызовы. Один из соавторов исследования и археолог Национального музея Дании Йетте Арнеборг сообщает, что ДНК, восстановленное из погребений в Гренландии, демонстрирует смешение мужчин-скандинавов с территории современной Норвегии и женщин с Британских островов. При этом инвентарь и само захоронение выглядят полностью скандинавскими. *«Женщины имели британские гены, но археологические находки этого не отражают»*, — говорит она. — *«ДНК заставит нас задуматься о том, что там происходило».*

Нерешенные вопросы этим не исчерпываются. Из поселений викингов в обеих Америках не удалось получить кости для ДНК, поэтому национальная принадлежность первых европейских поселенцев на этих территориях остается загадкой. Что касается востока, то большее количество образцов прояснило бы роль викингов в образовании Киевской Руси, поскольку эта тема до сих пор «чрезвычайно политизирована», по словам Синдбека, а «данные ДНК могут помочь разрешить эти споры».

Перевод: Дмитрий ДАММЕР
По материалам www.science.org

Северная Традиция возвращается в шведские имена

Текст первоначально опубликован
в паблике Библиотека Викинга:
https://vk.com/biblioteka_vikinga

Сразу две любопытные, приятные ценителю скандинавской старины и взаимосвязанные новости пришли из Швеции.

1. Главное статистическое бюро Швеции опубликовало рейтинг самых популярных имён, которыми называли новорождённых шведов в 2022 году. На пятом месте среди имён девочек оказалась Фрейя (Freja). Имя богини любви и плодородия стремительно набирает популярность.
2. Одна интересная история, связанная с именами, произошла на острове Готланд. Там местная жительница через суд добилась права поменять фамилию на Andersdotri (то есть «дочь Андерса»). Женщина утверждает, что её отец, которого звали Андерс (Anders), всегда именно так называл её. Однако ранее Skatteverket (налоговая служба Швеции, которая в числе прочего занимается и регистрацией имён и фамилий) отказала женщине в праве на такое написание фамилии, разрешив только общепринятую в литературном шведском языке норму Andersdotter. Окончание -dotri (означающее «дочь») уникально и встречается лишь в гутнийском диалекте шведского языка, распространённом на островах Готланд и Форё. Этот диалект очень архаичен и близок к древнескандинавскому языку, на котором говорили в эпоху викингов. Суд города Кальмар встал на сторону женщины и разрешил ей носить фамилию Andersdotri, таким образом позволив сохранить и зафиксировать островное лингвистическое наследие. До этого в Швеции проживали всего-навсего две женщины, чьи фамилии имели это архаичное окончание -dotri. Героиня данной новости стала третьей его обладательницей в стране.

Источник: *Språktidningen*, номер 3/2023
Перевод: Анастасия ТИШУНИНА

Интервью: Михаил Вишневский

Беседовал: Алексей ГЛАЗАЧЕВ

Гость нашего нового номера — Михаил Владимирович Вишневский. Кандидат биологических наук, миколог, популяризатор науки и просто номер один по грибам в русскоязычном пространстве. Михаил Владимирович, добрый день, очень рады, что вы согласились на наше интервью!

В Как вы знаете, наш журнал посвящен культуре и истории стран Северной Европы и в том числе культуре викингов. Наверное, один из самых распространенных стереотипов о викингах состоит в том, что среди них были бесстрашные воины, берсерки, которые ели мухоморы или пили мухоморный отвар, были неуязвимы для копий и стрел, их все боялись, а они никого не боялись).

Вероятно, этот вопрос уже набил оскомину, но тем не менее не можем не спросить вас как ученого. Действительно ли викинги употребляли мухоморы для вхождения в режим берсерка, в состояние боевого транса? Если да, то сколько по времени мог бы длиться эффект и как долго воину пришлось бы отдыхать после приёма такого допинга? При этом знакомые нам люди, которые употребляли мухоморы в свежем, сушеном виде или в виде чая, по их рассказам, никогда не хотели

схватить топор и куда-то бежать, а скорее наоборот, посидеть, послушать и посмотреть на природу.

У красного мухомора есть несколько важных особенностей. Во-первых, он является отличным резонатором, усиливающим яркие особенности вашей психики. Например, если вы склонны к агрессии, то можно превратиться в реального берсерка. Во-вторых, мусцимол — главное психоактивное вещество мухомора — гасит электрическую активность мозга. На большинство людей это действует успокаивающе, усыпляюще, но при развитой психотехнике, наоборот, позволяет методом самовнушения вводить себя практически в любое требуемое состояние. В-третьих, мухомор обладает мощным обезболивающим действием и работает как энергобустер, многократно повышающий силы употребляющего, по крайней мере в первые 1–2 часа. Сочетание всех этих особенностей делает красный мухомор идеальным кандидатом на роль секретного ингредиента берсерков.

Если это был не мухомор, какое на ваш взгляд это могло быть растение? Существует версия, которую выдвинул Карстен Фатур, этноботаник из Словении, что это была белена черная (*Hyoscyamus niger*), можете ли вы прокомментировать эту гипотезу?

Действительно, для берсеркерства в качестве альтернативы иногда предлагаются белена или даже спорынья. Каждая из них, безусловно, использовалась для мистических ритуалов у разных народов (та же спорынья — у древних греков в составе волшебного напитка кикео-на, у северных европейцев — друидами). Тем не менее биохимические особенности белены и спорыньи таковы, что на их «молекулах» невозможно выстроить контролируемое боевое безумие, поэтому такие гипотезы не выдерживают критики.

В современном исландском языке мухомор называется *Berserkjasveppur*, что дословно переводится как гриб берсерка (<https://is.wikipedia.org/wiki/Berserkjasveppur>). Считается, что исландское название происходит от идеи, что викинги ели этот гриб перед тем, как отправиться в бой, чтобы впасть в неистовство. Это описание впервые появилось в статье шведского священника Самуэля Эдмана, опубликованной в 1784 году, в которой он пытается объяснить состояние берсерка. Однако ни в каких более ранних источниках не упоминается о таком употреблении мухоморов среди скандинавов. Можно ли сказать, что в данном случае была допущена ошибка, когда название для гриба возникло всего лишь из-за одной старой статьи?

Как говорится, рядом никто не стоял. Логично предположить, что культ берсерка был достаточно редким, об этом говорит всегда наблюдавшаяся низкая численность воинов этого типа и недобрая слава даже среди своих соплеменников. Представители такого культа должны были передавать знания о действующих веществах и психотехнике втайне. А к тайнам культа участники секретного общества в Средние и более ранние века всегда относились очень серьезно. Все это не способствовало распространению сведений о том, что и как берсерки едят перед вхождением в боевой транс. Я не исключаю, что Эдман просто угадал, посмотрев на сибирских шаманов, чем именно пользовались берсерки. Хотя, конечно, могу и ошибаться.

Художник: Kate Vigdis

§ Один из центральных образов скандинавской мифологии — это мировое древо, ясьень Иггдрасиль, соединяющий миры богов, людей, великанов, гномов, эльфов и других существ. Существуют ли у народов Евразии аналогичные мифы про мухомор как образ, связывающий верхний и нижний миры и мир людей?

Да, безусловно существуют. Мухомор — это космогонический объект для всех северных палеоазиатских народов. В молодом виде, в стадии «яйца», он олицетворяет «зародыш» Вселенной, перво-яйцо, из которого она и появляется. Взрослый гриб символизирует все миры и связь между ними. Клубень, находящийся под землей, — мир подземных жителей и духов, теней предков. Кольцо на ножке — срединный мир, где стоят горы и леса, текут реки, живут звери и люди. Шляпка с белыми точками — верхний, небесный мир, где живут духи и божества (белые точки — это звездное небо). Все миры, пронзая их, объединяет ножка, по которой с помощью духа мухомора-проводника может перемещаться дух шамана.

§ Один из немногих грибов наряду с зимним опенком, который можно собирать зимой это дрожалка оранжевая (про которую мы подробно писали в 36 номере СВ), также известная как масло троллей. Считалось, что если путник заблудился в лесу, то нужно бросить несколько грибов в огонь, чтобы тролли не учуяли твой запах и не съели тебя. Как вы думаете, какая реальная практическая польза от этого гриба может стоять за этим поверьем?

В данном случае ответить затрудняюсь. Похоже, что это чистая мифология. Единственное, что можно предположить, натягивая сову на глобус, — средство от чихания и кашля. Дрожалка — отличный адаптоген, снижающий вероятность сезонных

простудных заболеваний. Брошенная в огонь, она вместе с дымом становится частью ингаляции. Так что, если вы боитесь привлечь троллей чиханием и кашлем, бросайте в огонь дрожалку. Остается допустить, что огонь и дым тупые тролли, конечно, проигнорируют.

§ Известны ли вам в древних европейских культурах случаи поклонения грибам, их обожествления и мифологизации? Обряды с участием грибов? Могли бы вы привести какие-то интересные примеры?

Обожествление с поклонением и мифологизация — довольно разные вещи. Если первое, несомненно, со знаком плюс, то второе может быть совершенно разным. Если говорить о Европе, то безусловно стоит упомянуть древнегреческие Элевсинские мистерии, где спорынья использовалась в качестве компонента священного напитка кикеона. Спорыньей пользовались для мистических целей северные друиды

и скандинавские колдуны. Средневековые европейские ведьмы использовали красный мухомор как есть и в составе мазей, особенно для имитации полета на метле и участия в шабашах. В древней Европе многими народами Фенноскандии за ее лекарственные свойства обожествлялась чага.

§ Закончим с мифологией и перейдем к кулинарии. В нескольких последних номерах «Северного Ветра» мы публикуем наш собственный перевод шведской «Поваренной книги викингов», в которой рассказываем, чем питались древние северяне. Для нас это стало настоящим открытием, но среди множества блюд из мяса, рыбы, овощей и трав на столе викингов оказалось невозможно встретить блюда из грибов. С чем, на ваш взгляд, это связано? Почему люди, обитая в этих суровых краях, где явно не самые богатые урожаи зерновых, отказывались от еды, которая буквально растет под ногами?

Почти вся Европа, кроме ее восточной части, является традиционно микофобным регионом. Здесь отношение к грибам формировалось как к хтоническим объектам, персонажам мира мистического зла. Яркая иллюстрация — Зевс в некоторых преданиях народов юга Европы превращал сброшенных с неба противников в грибы. Конь Одина извергал желтую пену, которая на земле превращалась в мухоморы. Помимо негативной мифологии опасность отравления ядовитыми грибами и пугающая угроза изменения сознания энтеогенными грибами были хорошо известны северянам. Сочетание этих факторов и обусловило исключение грибов из повседневного меню. Их просто боялись.

§ В свое время, путешествуя по Финляндии, я был удивлен тому, что в ресторанах полностью как класс отсутствовали блюда из грибов. Но стоило пересечь границу с Карелией, как грибы вновь появлялись в меню. Конечно, Финляндия — это не совсем Скандинавия, но наши друзья, в том числе авторы статей и члены редакции нашего журнала, живущие в Швеции, в один голос говорят, что местные вообще не

собирают грибы, несмотря на их обилие. Единственное исключение — лисичка. Как вы считаете, почему лисичка удостоилась такой высокой чести?

Я предполагаю, что это следствие воздействия европейской моды. На протяжении нескольких столетий лисичка была одним из немногих грибов (включая трюфели, сморчки и шампиньоны), который позволяли себе собирать даже микофобные европейцы. Традиция собирать лисичку восходит к еврейским общинам средневековой Европы, поскольку, согласно толкованиям раввинов, лисичка — единственный кошерный гриб, так как «не имеет трефа» (не бывает червивой). Еврейская мода на лисички была заимствована сперва богатыми домами, а затем распространилась по всей Европе, добравшись до России примерно в XIX веке.

§ Михаил, немного отойдем от кулинарии и затронем биологию. А когда вообще к людям пришло осознание, что грибы — это не растения, не животные, а совершенно иные живые существа?

Это произошло в начале второй половины прошлого века. Микологи и биохимики поняли, что грибы концептуально отличаются по клеточному строению от растений и животных и заслуживают ранга собственно царства.

§ 19 сентября 1991 года два немецких туриста обнаружили в тающем леднике на высоте 3200 м между Австрией и Италией мумию человека. Этци (или Ледяной человек Этци), как его назвали ученые, предположительно умер от схватки с врагом около 5300 лет назад. Криминалисты сошлись во мнении, что Этци спасал раненого товарища и нес его на плече, но получил стрелу в спину. Данная находка вообще крайне интересная (достаточно вспомнить, что у Этци были найдены татуировки). Среди снаряжения Этци были найдены связки из двух видов трутовиков. Один из них — березовая губка (*Piptoporus betulinus*), обладающая сильными лекарственными свойствами, другой — трутовик настоящий (*Fomes fomentarius*), который входил в состав огнива. Также в его в поясе (а по версии некоторых

статей, и в его желудке) была найдена чага. Для каких целей Этци использовал чагу — загадка, но эта находка точно показала, что жители европейского континента используют чагу уже как минимум 5 тысяч лет. А как по вашему мнению, для чего Этци нес с собой чагу, учитывая, что в дальнем походе каждый грамм на счету и лишние вещи этот древний человек бы точно брать не стал?

Растущая на березах чага как лекарственный гриб использовалась народами северной и средней полосы Евразии с древнейших времен. Это подтверждает, например, один из вариантов ирландской легенды о Тир на Ног, «острове юных», стране вечной молодости. Тир на Ног расположен на горе Брандон, где в священной роще из двадцати берез живет богиня Бригида. Добравшимся до нее богиня вручает особый гриб, растущий в ее роще. Божественные грибы Бригид даруют съевшим их исцеление и бессмертие. Получившие их счастливицы остаются вечно молодыми и обретают способность к безграничной регенерации.

Помимо этого, чага не хуже трутовика обыкновенного служит трутом. Поэтому в случае Этци это мог быть гриб двойного назначения — и трут, и лекарство.

С *Это всё же не совсем европейская культура, но тем не менее на Алтае и на Чукотке (Пегтымель) обнаружены грибоголовые петроглифы. Как на ваш взгляд, почему в данном случае древние люди изображали у человеческих фигур не звериные головы, не птички, а именно грибы?*

В данном случае все действительно просто. «Грибоголовые» петроглифы отражают реальные мифы и мухоморные культы древней Чукотки о человекоподобных духах-мухоморах и мухоморных девушках. Грибоголовые духи являются проводниками шамана между мирами (слоями реальности), мухоморные девушки могут увести охотника в тундру, стать его женами и пр. Подобные грибоголовые петроглифы встречаются практически по всей Азии.

С *В ваших книгах («Всё о грибах», «Настольная книга грибника») вы упоминаете, что некоторые обычные съедобные грибы могут при определенных условиях стать галлюциногенными, например, такой привычным многим гриб, как дождевик. Также в одном из интервью вы говорили, что из-за изменений климата многие ядовитые грибы, не встречавшиеся ранее в средних широтах, начинают туда активно проникать, при этом они очень похожи на привычные съедобные. Существуют ли некие универсальные методы понять, что с грибами что-то не так, не пробуя их, и избежать отравления?*

Про дождевик вы поняли неверно. Я говорил о конкретном виде — дождевике белом (*Lycoperdon marginatum*) — который обладает реальными энтеогенными свойствами. Этот гриб начинает довольно активно распространяться в Европе. Обычные дождевики стать галлюциногенными не могут.

Что касается изменения грибной географии (в том числе ядовитых видов) — да, это новая реальность. Из-за глобального потепления многие виды грибов расширяют свой ареал. Со стороны Средиземноморья и Южной Азии к нам приходят новые ядовитые мухоморы, дубовики, шампиньоны, лепиоты и другие виды. Такие смертельно опасные грибы, как бледная поганка и галерина окаймленная все чаще и обильнее вырастают в северных регионах. К сожалению, не существует ни одного универсального способа, как отличить любой ядовитый гриб от любого съедобного, поэтому единственный выход — хорошо знать «в лицо» опасные грибы своего региона и не собирать любые грибы, которые вызывают хоть какое-то сомнение.

§ В последнее время в СМИ появляется много однотипных сообщений: в некоем городе некий человек отравился мухоморами, после этого он или попал в больницу или умер. При этом в своей книге «Его величество мухомор» вы пишете, что смертельная доза мухомора — это 3 кг, чего не может съесть, наверное, ни один человек. Как вы думаете, с чем связаны такие новости? Люди путают красный мухомор и пантерный? Мог ли обычный мухомор

стать более опасным? Или просто СМИ любят громкие страшные заголовки?

Это исключительно громкие заголовки СМИ. На сегодняшний день в России зафиксировано всего 4 случая смерти после приема мухомора. Все они связаны не с его токсическим действием, а с неадекватным поведением человека после приема слишком большой порции (завернулся в ковер и умер, захлебнувшись в рвоте; вышел в окно во время мухоморного транса и пр.).

Токсическое отравление красным мухомором — вещь практически нереальная. А вот пантерным можно травануться здорово: например, в прошлом году отмечено несколько случаев продолжительной комы, но опять-таки без смертельного исхода.

§ На вашем ютуб-канале <https://www.youtube.com/channel/UCQ6sXqXzEPzNHchaAvneisg> вы выложили интересное видео про сериал «Last of us» («Последние из нас». На планете наступил зомби-апокалипсис из-за того, что разум людей был захвачен грибом вида кордицепс) с точки зрения учёного-миколога. Общий посыл сериала понятен — если бы да кабы, да росли

во рту грибы... Тем не менее, как на ваш взгляд, может ли грибное царство создать проблемы для человечества в недалеком будущем?

Может, но не такого рода. Управление поведением или глобальные грибные эпидемии — проблемы скорее надуманные. Хотя эпидемию больничных дрожжей или массовые поражения плесенями иммунонекомпетентных людей вполне можно допустить. Реальная грибная угроза, которая представляется возможной в ближайшем будущем, — это бегство из культуры модифицированных дрожжей, плесеней и других грибов. Сейчас активно ищутся грибы — переработчики пластика, мусора, техногенных и городских отходов. Если они вырвутся за пределы лабораторий, то могут принести не меньше убытков, чем удравший из лаборатории Уханя коронавирус.

§ *В 1518 году в Страсбурге впервые была зафиксирована танцевальная чума или пляска святого Витта. Люди пускались в пляс и танцевали до изнеможения сутками напролет. Позже подобные спонтанные дискотеки прошли во многих других городах Европы. По одной из версий, причиной этого была обыкновенная спорынья, которая попала в муку. Как вы считаете, грозит ли человечеству повторение чего-то подобного в ближайшем будущем в связи с изменениями климата и появлением ядовитых грибов там, где они никогда раньше не росли?*

Танцевальная чума — довольно обыденное, связанное с действием спорыньи, явление. Аналогичными были спорыньевые бунты, спорыньевая «охота за разбойниками», спорыньевые крестовые походы и пр. Сейчас агротехника довольно надежно исключает массовое отравление спорыньей, хотя набирающая популярность пермакультура, которая отказалась от традиционных методов агрономии (севооборот, фунгициды и пр.) ставит под угрозу многих современных избыточно экоориентированных пользователей.

Что касается конкретно ядовитых грибов и изменения климата — это совсем ни при чем. Дело исключительно в самой спорынье.

§ *Немного шуточный вопрос, если позволите. Как вы можете прокомментировать мнение, что вся эволюция и история человечества — это процесс, запущенный и контролируемый грибами с одними им известными целями?*

В каждой шутке есть доля шутки. Эволюция человека как существа разумного, безусловно, была если не запущена, то поддержана энтеогенными грибами в его колыбели на просторах Африки еще два миллиона лет назад. Энтеогенные грибы помогли сформировать многие особенности мышления, их употребление привело к появлению религий, абстрактного искусства и пр. Что касается контроля человечества со стороны грибов — я не уполномочен разглашать подобную информацию.

§ *Ну и наш традиционный финальный вопрос: что бы вы хотели сказать, пожелать, наказать читателям «Северного Ветра»?*

Я благодарен за то, что вы проявили интерес к моим исследованиям. В наше время интерес к этнографии и мифологии активно перемещается из области общих интересов в область интересов узких специалистов. Это очень печально, поскольку именно в знании истоков кроются понимание нынешней ситуации и возможность прогнозировать будущее. Рад, что читатели «Северного Ветра» обладают живым умом и сохраняют любовь к старым традициям. Удачи на вашем пути.

Огромное спасибо за интервью!

Интервью: Евгений Папакуль

Беседовали: Анастасия ЗИМОВА,
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

*Белорусский филолог-скандинавист,
кандидат филологических наук,
автор полного перевода «Поэтической»
и «Прозаической» Эдд на белорусский язык*

Евгений, здравствуйте! Спасибо огромное, что согласились заглянуть в гости и ответить на наши вопросы. Наверняка наши читатели заметили, что, описывая ваши заслуги, мы не использовали ставшие уже традиционными термины «Старшая» и «Младшая» Эдда. А всё потому, что вы считаете их некорректными. Не могли бы вы, пожалуйста, пояснить почему.

Добрый день! Если не вдаваться детально во все перипетии и сломанные копья, связанные с тем, как же правильно называть сборники, можно выделить три ключевых подхода. Первая пара — уже упомянутые в вашем вопросе «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда». Такой подход в настоящее время считается устаревшим и неактуальным, т.к. оба сборника были созданы в XIII веке и имеют один источник происхождения, а потому разницу в 50 лет вряд ли можно использовать как обоснование для наименования. И по сути, данная терминология на сегодняшний день активно используется только в русскоязычном литературоведении. Например, в Швеции в книжном магазине вас не поймут, если вы попросите «Старшую Эдду». Проверял лично :)

Второй подход в отношении «Эдд» связан с их авторством («Эдда Сэмунда Мудрого» и «Эдда

Снорри Стурлусона»). Но и здесь есть один большой недостаток: если авторство Снорри, по крайней мере, частичное, сомнений не вызывает, то связь «Эдды» и легендарного Сэмунда ещё не доказана.

И, наконец, третий подход, который сегодня считается наиболее обоснованным и наименее спорным, — наименование сборников согласно организации художественной речи. Поэтому «Старшая Эдда» в западноевропейском и скандинавском литературоведении чаще известна как «Поэтическая», а «Младшая» — как «Прозаическая». Поэтому я всеми руками за третий подход и активно продвигаю именно его в публикациях и на лекциях.

В то же время важно понимать, что любое определение перед или после слова «Эдда» — условно. Тем более, помимо уже названных, есть ещё и «Лаувас-Эдда», «Длинная Эдда», «Меньшая Эдда» и «Апокрифическая Эдда». В связи с этим мы намеренно в белорусском издании разделили «Поэтическую Эдду» на два тома, что позволило оставить только «Эдду» как некое ключевое понятие, «брэнд», если хотите. И названия книг звучат следующим образом: «Эда. Песні пра багоў», «Эда. Песні пра герояў» и «Эда Сноры Стурлусана». Как по мне, идеально.

§ *Спасибо за разъяснения. А теперь всё-таки давайте вернёмся к самому началу и узнаем, с чего начинался и как складывался ваш путь в скандинавистику. Расскажите, пожалуйста, как и когда возник ваш интерес к культурному наследию северных германцев?*

Всё началось с песни. Услышал я однажды «Herr Holger» в исполнении шведской группы «Garmarna» и очень заинтересовался языком. Позже, в университете, у меня появилась возможность изучать шведский язык. Выбрал его из-за авторитета замечательного преподавателя — Ольги Ивановны Любецкой. Учился я очень старательно и после университета выиграл грант на участие в летних языковых курсах в Швеции. Это была моя первая поездка за границу, и она оставила незабываемые впечатления. Я сразу же влюбился в скандинавскую природу, особенно после равнинной Беларуси, да и прохладный климат мне нравится гораздо больше жары. Позже по учёбе и не только кучу раз возвращался в Швецию, даже имел двухнедельный опыт проживания в палатке за Полярным кругом, когда мы с друзьями ходили в горы. В Норвегии и Исландии я тоже бывал. Кстати, сейчас сам активно изучаю исландский язык и немного преподаю его.

§ *Относите ли вы свое мировоззрение к языческому, или ваш интерес к мифам и древнескандинавскому языку исключительно научный?*

Мой интерес, в первую очередь, литературный. Хотя и без научных изысканий не обходится, т.к. одних только ссылок с комментариями в «Эддах» необходимо было подготовить тысячи полторы. А мировоззрение у человека формируется всю жизнь, поэтому на данный вопрос я пока ответить не могу.

§ *Согласно Википедии, именно благодаря вам в научный обиход вошёл термин «диалог-подкуп» как отличительный признак структуры шотландских и шведских баллад. Не могли бы вы, пожалуйста, рассказать поподробнее, что означает этот термин.*

Во время работы над кандидатской диссертацией «Специфика шотландских и английских баллад о сверхъестественном в контексте

региональной литературной традиции» в качестве сравнения я использовал шведский контекст. И выяснилось, что шотландские и шведские баллады можно с уверенностью отнести к единому региональному литературному явлению, и, соответственно, у них большое количество общих черт. В том числе — наличие в структуре баллад диалога-подкупа, который встречается в двух контекстах:

1. Жертвы предлагают деньги или иные ценности их оппонентам (людям или духам природы), чтобы те сохранили им или их близким жизнь (шотландские баллады «Две сестры» и «Девушка Вилли», шведские «Две сестры» и «Оборотень»).

2. Оппоненты предлагают богатые дары героям баллады, чтобы те ушли с ними в их владения или стали их возлюбленными (шотландская баллада «Кемп Овайн», шведские «Водяной крадёт девушку», «Герр Магнус и русалка», «Герр Манне-лиг» и «Эльфийское путешествие»).

В некоторых случаях диалог-подкуп может занимать большую часть произведения, и его наличие указывает на хоровое исполнение произведения. Реплики героев баллады (предлагающего подкуп и отвечающего ему) в таком диалоге практически повторяются, и легко представить, как исполнители пели их поочерёдно.

§ *В одной из рецензий к вашей книге, «Эдды» называют общим достоянием всего человечества. Вы согласны с такой формулировкой?*

Безусловно. Это безоговорочные шедевры средневековой литературы, которые не только развлекают современного читателя, но и учат. «Поэтическая Эдда» — прекрасный во всех отношениях поэтический сборник о богах и героях. «Прозаическая Эдда» — своеобразная энциклопедия своего времени, которая даёт сведения о географии, истории, лингвистике, поэтике и даже анатомии с ихтиологией! Да и большинство советов, скажем, из «Речей Высокого» актуальны в любое время и в любой культуре, например:

*Розуму ў меру
кожнаму трэба,
ды не занадта;
сэрца бывае
радасным рэдка
у надта разумных.*

§ Известно, что первая попытка перевода отдельных эддических текстов на белорусский была предпринята Игорем Куликовым в 2017 году (в частности была переведена поэма «Völuspá» («Прароцтва Вяшчунні»), но именно вы взяли за полный перевод «Эдд» на белорусский язык. А как зародилась идея этого перевода?

Да, Игорь Куликов представил замечательный перевод. Сначала я сам планировал перевести только «Völuspá», но работа оказалась настолько увлекательной и захватывающей, что не смог остановиться. А идея, на самом деле, возникла спонтанно. Я настолько впечатлился шведскоязычным переводом «Поэтической Эдды» авторства Лаша Лённрота, что захотелось, чтобы эти песни звучали и на родном белорусском языке. Тем более, на большинство европейских языков «Эдды» уже переведены, поэтому обидную ситуацию с отсутствием «Эдд» по-белорусски необходимо было исправлять. Были и личные причины: хотел исполнить мечту моей очаровательной жены Маргариты почитать «Эдды» по-белорусски. И эту мечту я исполнил.

§ Вы начали работать над переводом в очень молодом возрасте, даже, можно сказать, юном по меркам учёных. Не страшно ли было приниматься за столь масштабную задачу?

Спасибо, очень приятно вновь побыть юным на четвёртом десятке:) Дело в том, что совпало очень много факторов. Когда началась пандемия, благодаря удалённой работе у меня появилось больше свободного времени. И я решил это время использовать с максимальной пользой. Опыт художественного перевода у меня был, шведский язык очень помог работать с древнеисландским, плюс к этому огромное желание, уже упомянутое время и силы. А по поводу масштабности: я считаю, что если и ставить перед собой задачи, то глобальные, на грани с нереальным. Тогда и результат будет впечатляющий.

§ Есть ли у белорусского языка какие-то индивидуальные особенности, затруднявшие или, наоборот, облегчавшие вашу работу по переводу столь древнего литературного памятника?

Очевидно, что мы очень отличаемся и культурой, и языком от средневековых исландцев. Одна из ключевых сложностей при переводе — то, что исландские слова гораздо короче белорусских. Например, у исландцев «gullhring», а у нас — «залаты пярсцёнак¹», два слога против шести, и это в именительном падеже, в большинстве остальных — семь. А для крайне строгих правил стихосложения длинные слова — непозволительная роскошь. Поэтому в каждом отдельном случае приходилось виртуозно лавировать между строгостью стихотворного размера и желанием сохранить максимальное количество деталей содержания. Ну а результат оценивать читателям.

§ И о трудностях перевода в целом. М.И. Стеблин-Каменский писал: «Правда, переводить на русский язык исландскую топонимику (то есть географические названия) нелегко. Приходится, например, употреблять одно и то же русское слово «холм» там, где в исландских названиях — разные слова, в зависимости от величины холма, крутизны его склонов, его растительного покрова и т. д. Исландский язык чрезвычайно богат обозначениями разных элементов ландшафта. Но даже если русское слово — это точный эквивалент соответствующего исландского слова, то все равно реальность, обозначаемая данным словом, для говорящего на русском языке будет не та, что для исландца. Так, хотя русское слово «песок» — это точный эквивалент соответствующего исландского слова,

1 Золотое кольцо (перевод с белорусского).

для исландца реальность, обозначаемая этим словом, — это песок базальтовый, то есть песок иссиня-черный, тогда как для говорящего по-русски она скорее — песок желтый или золотистый».

Вы смогли найти для себя какой-то выход из таких ситуаций?

Перевод реалий — отдельная сага. Один из самых ярких примеров — «Тула имён» из «Прозаической Эдды». Тула — особый жанр древнеисландской поэзии, представляющий собой поэтическое перечисление имён или названий (хейти) чего-либо или кого-либо. Здесь главную роль сыграло различие между древнеисландским и современным белорусским языками. Одной из особенностей поэтического древнеисландского языка является вероятно богатый ряд синонимов. Больше всего это относится к некоторым исландским реалиям: океану и обитателям этого самого океана. Вот и возникает вопрос: как перевести, например, шесть древнеисландских синонимов слова «лосось» на белорусский язык? И дело тут не в бедности нашего языка, а лишь в несоответствии реалий. Потому что, например, в свою очередь в исландском языке вряд ли найдётся столько же слов и выражений, связанных с болотистыми местами, как в белорусском. В таких случаях, чтобы не злоупотреблять заимствованиями или историзмами, некоторые разделы в «Тулах» приходилось несколько сокращать. Но эти сокращения минимальны и никоим образом не искажают представления читателей об этой части.

Главное в работе с реалиями — органично вписать отличительные культурные особенности в текст перевода так, чтобы они не звучали чужеродно. Это весьма сложная, но выполнимая задача.

С *Какая из песен оказалась наиболее сложной для перевода?*

Сложности — неизбежные спутники любого перевода. Я не могу выделить какую-то одну песню, но отмечу, что вся вторая часть «Поэтической Эдды» — «Песни про героев» — мне далась не с первого раза. Переведя две песни, я понял, что дело «не идёт», и взялся за «Прозаическую Эдду», что было абсолютно правильным решением. Потом я больше почитал про легенду о Сигурде и компании, посмотрел пару экранизаций, настроил себя на нужную волну — и тогда перевод наконец «пошёл».

С *А с какой из песен работать оказалось проще всего?*

Не скажу про проще, но интереснее всего мне работать со скальдической поэзией. Поэтому поэтические вставки в сборнике Снорри — one love forever. Не менее интересно было работать и с «Загадками Хейдрека», загадки оттуда я обычно загадываю на лекциях и презентациях.

С *Работая над переводом, ориентировались ли вы на уже существующие переводы «Эдд» на другие языки или, наоборот, целенаправленно от них отгораживались и работали только с древнескандинавским текстом?*

Работая над «Эддами», я перечитал не менее двадцати переводов на разные языки, ведь было бы попросту глупо намеренно отгораживать себя от такого объёма полезной информации, т.к. это помогает, в том числе, увидеть и то, как НЕ нужно делать. К сожалению, многие переводы XX века осуществлялись не с оригинала, а с англоязычного перевода Генри Адамса Беллоуса 1936 года, что выдают специфические ошибки. Я в своей работе за основу брал оригинальный текст на древнеисландском в редакции Гвюдни Йоунссона. Причём примерно половину времени моих трёхлетних стараний ушло на подготовку подстрочного дословного перевода, который потом нужно было облечь в художественную форму.

С *Есть ли какой-то отдельный сюжет или герой в «Эддах», к которому у вас особенно теплое отношение?*

Это однозначно Брюнхильд. Самый фактурный, многогранный и недооценённый герой (точнее героиня), которую стереотипно относят

к отрицательным. На самом же деле это самый сильный персонаж из всех «нифлунговских». В двенадцать она становится валькирьей, причём не по своей воле, затем ослушивается Одина, за что тот в гневе усыпляет девушку волшебным шипом. Потом Брюнхильд влюбляется в Сигурда, и пусть её обманывают, она остаётся непоколебимой до самого конца, а после смерти победителя Фафнира кончает жизнь самоубийством, чтобы воссоединиться с любимым. И ей это удаётся! К слову, оглядываясь назад, думаю, что «Песни о героях» правильнее было бы назвать «Песнями о героинях», т.к., особенно на взгляд современного человека, героини-мужчины в сборнике достаточно безлики и ни в какое сравнение не идут с Брюнхильд, Гудрун или Хервёр.

§ *Расскажите вообще про ваши критерии хорошего перевода. Первостепенная задача переводчика — это...?*

...сделать так, чтобы переводной текст читался естественно. Перевод, даже если это средневековый текст, нельзя перегружать архаизмами, историзмами и приторно возвышенной лексикой, он должен быть нейтральным, ведь стилизация под старину — худшее, что может сделать переводчик. Даже использование современного сленга в «Эдде» будет более оправданно, а такие примеры, кстати, есть.

§ *Есть такая гипотеза, что под именем Рига в «Песне о Риге» скрывается не Хеймдалль, а Один. Некоторые исследователи аргументируют её тем, что Риг приносит людям знание о рунах, а обречение рун всё-таки традиционно связывается с Одином. Ваше отношение к этой идее?*

Проблема в том, что про Хеймдалля мы знаем крайне мало, в отличие от Одина. И я уверен, что ответ на этот вопрос прячется в «Заговоре Хеймдалля», от которого до нашего времени сохранилось лишь две строки в «Прозаической Эдде»:

*Сын я матак дзевяці,
дзевяці я сёстраў сын.*

И только если исследователям когда-нибудь удастся найти весь текст, мы узнаем точно, кто же такой Риг.

§ *Что же всё-таки за тайное слово сказал Один на ухо мёртвому Бальдру?*

Учитывая, что от вёльвы Ангрбоды Один узнал всё про Рагнарёк и новый мир после, он мог утешить сына, сказав, что тот вернётся к жизни, когда земля вновь поднимется из моря. С другой стороны, не зря Один — бог мудрости. Поэтому он мог сказать и что-нибудь совершенно неожиданное, или вообще ничего, чтобы потом использовать этот «козырь» в своих целях (вспомним «Речи Вафтруднира» или «Загадки Хейдрекка»). В идеале, было бы лучше, чтобы эта тайна так и оставалась тайной.

§ *И последний традиционный вопрос-просьба: расскажите, пожалуйста, о ваших дальнейших научных и переводческих планах.*

В данный момент работаю над четвёртым томом «Эдды», который будет называться «Эда. Забытые песни». В него войдут поэмы, посвящённые рунам, самые известные скальдические драпы, некоторые поздние фальсификации и все десять *sagnakvæði* (исландские сказочные песни). Такой своеобразный том-дополнение, который завершит мой эддический проект, начатый ещё в 2019 году.

Также не теряю надежды издать уникальный сборник народных баллад «Каханне. Смерць. Пачвары» с текстами, переведёнными с шести скандинавских языков, даже мёртвого языка норн. Вёрстка уже готова, в процессе работа над иллюстрациями.

В более отдалённой перспективе — перевод на белорусский язык «Саги о Хервёре и Хейдрекке», «Саги о Греттире» и «Пряди о Торвальде Кодрансоне». Хотя, зная себя, не удивлюсь, если возьмусь за что-нибудь совершенно неожиданное. К примеру, прямо сейчас вместе с женой пишем юмористическое треш-фэнтези:)

*Руны ты знойдзеш,
з ведамі плашкі:
шмат важных знакаў,
шмат моцных знакаў;
Кемны ўявіў іх,
Хітры пабачыў,
выразаў Мудры.*

От власти бондов к средневековому государству

И.Б. ГУБАНОВ,
А.А. ХЛЕВОВ

ИСТОРИЯ Северной Европы и, в частности, Скандинавии, стоит несколько особняком в ряду историй сопредельных регионов. Ее яркой отличительной чертой выступает исключительно долгое существование архаических общественных институтов, практически не меняющихся на протяжении едва ли не трех тысячелетий. Сложившиеся на рубеже неолита и бронзового века (быть может, и в более раннюю эпоху) стандарты социального устройства в основных своих чертах не претерпели серьезных изменений и просуществовали вплоть до первой половины 2-го тыс. н. э., до высокого Средневековья по общеевропейской хронологической шкале. Высокая степень эгалитарности северного общества, отсутствие выраженных антагонизмов между социальными группами и слабая степень дифференцированности самих этих групп, замедленность процессов классовообразования и политогенеза — особенно на фоне стремительно прогрессирувавших в этом направлении в III–VIII вв. германских обществ, оказавшихся не только на континенте, но даже в Британии, — все это обеспечило принципиально иную хронологию и периодизацию северной истории. Вопрос о крайней условности понятия «эпоха викингов» применительно к самому скандинавскому обществу, о слабой приложимости к нему общеевропейских социоисторических клише и о необходимости особой оценки эволюционных и революционных событий северной истории уже ставился и, без сомнения, требует дальнейшей тщательной разработки.

Какой фактор в базовой социальной структуре обеспечивал скандинавскому обществу стабильность в течение столетий? Прорывное открытие по исторической социологии древнескандинавского общества совершили датские историки эпохи Просвещения и Великих сельских реформ в Дании, открывшие древнескандинавский одал. Первым мысль о древней свободе скандинавских бондов выдвинул П.Ф. Сум в книге «История датского земледелия и сельского хозяйства» («Historien af den danske Agerdyrkning og Landvæsen», 1771), посвященной периоду до смерти короля Харальда в 1080 г. Он основывался в ней на старой работе Ханса Гама «О старинном слове «господин»» («Om det gamle Ord Herremand», 1754), где указывалось, что на одном из северных диалектов понятие и слово «бонд» было почетным, означая мужа, имевшего дом и участок

с имуществом. Лишь потом оно деградировало до рабского смысла из семантического ряда типа *rusticus* или *colonus*. Другой датский историк и общественный деятель эпохи Просвещения Тюге Роте, подготовивший в 1770-х гг. четыре части своей фундаментальной работы «Влияние христианства на состояние народов Европы», подробно рассмотрел этот вопрос, исследовав источники по земельной общине от описания германцев у Тацита до материалов по этнографии североамериканских индейцев. Также ученый высказал предположение, что в Скандинавии исконно существовал одал, а у южных германцев — община. Общинный ежегодный передел земли старейшинами в мирное время и военными вождями во времена немирья действительно фиксируется у германцев на Рейне Юлием Цезарем в «Записках о галльской войне» (середина

1-го в. до н. э.). Возникает вопрос, насколько это явление было общим, насколько локальным и не было ли оно вызвано практикой массовых миграций, не будучи исконным для общества древних германцев. Мы весьма далеки от мысли, что христианство как таковое (если не понимать под ним более широко влияние цивилизации континентальной Европы) сыграло большую роль в крушении системы скандинавского одаля. Когда датский историк говорит, что в разрушении одалей большую роль сыграла концентрация крупной земельной собственности, он, скорее, меняет местами причину и следствие. Еще до начала формирования в массовом порядке крупной феодальной собственности в Скандинавии и, в частности, в Дании становой хребет общества бондов был сломлен властью с помощью тяжеловооруженных конных дружинников (вооруженных копьями, длинными щитами и в кольчугах) епископа Абсалона, разгромивших пешее народное ополчение бондов Сконе. Исходя из информации, содержащейся в законах второй половины XIII в., следует думать, что в это время подобная система сформировалась с некоторым опозданием в Швеции и Норвегии. Не очень важно, что первоначально главной формой эксплуатации крестьян были королевские налоги, а не феодальная рента. Важно, что только во второй половине XII столетия в Дании выделился господствующий класс в виде королевских и епископских дружинников, а профессиональное конное войско стало четко отделено от сельских производителей. Разумеется, с течением времени все большее значение приобретали феодальные земельные пожалования короны дружинникам и церкви и собственно феодальная эксплуатация населения. Однако следует отметить, что реальным поводом к выступлению бондов Сконе стало введение церковной десятины.

Главное, что следует сказать о втором этапе в развитии традиционного скандинавского общества, — что это уже общество, базирующееся на неделимой земельной хуторской собственности патрилокальной расширенной семьи, рода, — *amma (aett)*, — которая передавалась по мужской линии и называлась одалем. Родичи трех поколений жили под одной крышей длинного дома, как, например, Ньяль и его сыновья со своими женами и детьми в «Саге о Ньяле». Эти крепкие земельные

собственники могли выставить (по воле конунга или сами) народное ополчение — войско бондов, значительно превышающее по численности и силе дружины различных представителей родовой знати, в том числе самих конунгов. В полном соответствии с таким балансом сил в этот период и строились отношения между родовой знатью, в частности конунгами, и обществом бондов.

Возникает закономерный вопрос: когда сформировалась система неотчуждаемого одаля? По мнению многих археологов, хуторская система заменила сельские поселения приблизительно в середине 1-го тыс. до н. э. Однако такая хронология представляется нам сомнительной. В этом смысле чрезвычайно большое значение, как мы полагаем, имеет эволюционная типология жилища в архаической Скандинавии. Уже в раннем скандинавском бронзовом веке на смену небольшим жилым домам эпохи неолита приходит длинный дом каркасно-столбовой конструкции с центральными очагами. Причем важно отметить, что подобные дома уже в раннем бронзовом веке становятся массовыми, главными в поселениях. В частности, в норвежском Рогаланде около 1800 г. до н. э. жилища местного населения, занимавшегося по преимуществу овцеводством, представляли собой длинные дома около 20 м длиной, преимущественно трехнефные (иногда двухнефные), крышу которых поддерживали ряды столбов. Отапливались и освещались такие дома напольными очагами.

Также около 2000 г. до н. э. появляются большие длинные дома каркасно-столбовой конструкции, имеющие сильно удлиненную форму от 30 до 47 м длиной. Надо сказать, что дружинные постройки датских конунгов в Лейре и свейских конунгов в Уппсале начала VI в. н. э., открытые в начале XXI в., имеют примерно такие же размеры. Следует думать, что такие палаты в более позднюю эпоху служили центрами богатых усадеб представителей родовой знати — обладателей дорогого вооружения и роскошных украшений. Именно эти дома в вендельский период и эпоху викингов являлись подлинными центрами власти, социальных инициатив и влияния, местом общения и воспроизводства социальных связей.

Длинный дом каркасно-столбовой конструкции с напольными центральными очагами по оси бытует в Скандинавии и в римском железном

веке, и в вендельскую эпоху, и в эпоху викингов, как наглядно показали исследования Стена Теша в области Сконе в Южной Швеции, традиционно принадлежащей Дании. Широкое распространение варианты данной постройки приобретают на юго-западных побережьях Северного моря во второй половине 1-го тыс. до н. э. и в последующее время. Размер домов и число рядов опорных столбов варьируется за три тысячелетия, но сам тип длинного дома каркасно-столбовой конструкции как центра одаля остается неизменным вплоть до периода Средневековья, когда на смену древнескандинавскому длинному дому приходит столь же малый, как в эпоху неолита, дом феодально зависимых скандинавских крестьян. Таким образом, смена типов жилища в Скандинавии определенно соответствует смене типов общества: от общества влиятельных бондов, владельцев одалей и их центров — длинных домов, — к бедному, зависимому от своих феодальных господ и государства крестьянству эпохи Средневековья.

Есть все основания полагать одаль краеугольным камнем социальной структуры Скандинавии на протяжении весьма длительного времени. Исключительно интересный пример такого комплексного и системного домохозяйства переходного периода предоставляют нам недавние археологические и археоботанические исследования в Юго-Западной Норвегии. В частности, ферма Улланнхауг в Ругаланне, существовавшая в период с 350 по 600 г., является центром классического одаля, представляя собой как «ядро» в виде усадьбы, так и обширную хозяйственно-производственную периферию с развитой и сбалансированной агрикультурой, в которой были представлены пищевые, кормовые и технические растения.

Есть все основания полагать, что хронология бытования длинных домов специфической конструкции полностью отражает хронологию существования особого типа социально-экономической и правовой организации, свойственной Скандинавии и удивительно устойчивой на протяжении примерно тридцати веков. Отметим, что, с точки зрения человека этого общества и формата его исторической памяти, такая социальная система представлялась вечной, предустановленной и абсолютно неизменной. Именно поэтому любые попытки ее демонтажа воспринимались

обществом бондов крайне болезненно и агрессивно. Эта система обеспечивала высокую степень хозяйственной стабильности, но что еще более важно — она формировала особый тип мышления, по преимуществу определивший специфику общественного сознания скандинавских социумов соответствующих эпох.

Думается, крупные усадьбы родовитой знати также издавна существовали в Скандинавии в рамках системы одаля, вовсе не являясь чем-то инородным в хозяйственной системе свободных бондов. В таких крупных хозяйствах трудились преимущественно домашние рабы (трэли), вольнонаемные работники и свободные арендаторы. Очень важно, что преуспевшие на хозяйстве рабы (а таковых в подобных хозяйствах было очень много) зачастую получали землю в собственность и становились вольноотпущенниками, как о том свидетельствует описание усадьбы родича норвежского конунга Олава сына Трюгви Эрлинг в начале XI столетия в «Саге об Олаве Святом» «Круга Земного» Снорри Стурлусона:

«Erlingr hafði jafnan heima 30 þræla, ok umfram annat man; hann ætlaði þrælum sínum dagsverk, ok gaf þeim stundir síðan ok lof til at hvern er sér vildi vinna um rökr eða um nætr; hann gaf þeim akrlönd at sá sér korni ok færa ávöxtinn til fjár sér; hann lagði á hvern þeirra verð ok lausn; leystu margir sik hin fyrstu misseri eða önnur, en allir, þeir er nökkurr þrifhaðr var yfir, leystu sik á 3 vetrum. Með því fé keypti Erlingr sér annat man; en leysingjum sínum vísaði hann sumum í síldfiski en sumum til annarra féfanga; sumir ruddu markir ok gerðu þar bú í; öllum kom hann til nökkurs þroska».

«У Эрлинга в усадьбе всегда было тридцать рабов и, кроме того, всякая другая прислуга. Днем Эрлинг заставлял своих людей работать на него, а вечером или ночью он давал возможность тем из них, кто хотел, работать на себя. Он давал рабам землю, и они сеяли хлеб и снимали урожай. Эрлинг устанавливал размер выкупа, и многие рабы выкупали себя через полгода или год, а все, у кого было хоть сколько-нибудь удачи, выкупали себя через полтора года. На эти деньги Эрлинг покупал себе других рабов. Тех, кто становился свободным, он посылал на ловлю сельди или отправлял на другие промыслы.

Некоторые расчищали себе участки и селились там, и каждому он чем-нибудь помогал».
(перевод Ю.К. Кузьменко)¹

Перед нами, в сущности, своего рода социальный лифт. Нечто подобное, как известно, практиковалось в Римской империи, однако там потенциальные либертины-вольноотпущенники были по преимуществу выходцами из городской «фамилии». «Говорящие орудия» на виллах римской знати получили возможность в массовом порядке повышать свой социальный статус лишь в самом конце римской истории с развитием системы колоната и ставкой на мотивацию производителя сельскохозяйственной продукции. В скандинавском же варианте мы видим весьма гармоничное общество, где стимулирование несвободных работников в усадьбе социального авторитета носит массовый характер, срок подневольного труда исключительно мал, а отношения между бывшим хозяином и вольноотпущенником носят отпечаток вполне эффективного патронажа и своего рода социального партнерства. Наличие же земельных ресурсов для внутренней колонизации снимает до поры проблему перенаселения даже без эмиграции.

Таким образом, за счет вольноотпущенников пополнялся класс крепких бондов, и наличие крупных хозяйств вовсе не подтачивало систему одаля и не вело к закабалению бондов, а, напротив, порождало новые одали и новых крепких бондов. Их правовой статус, насколько можно судить, вряд ли отличался от такового других свободных бондов. Об этом, в частности, свидетельствует «Сага о людях с Песчаного Берега». Тут крепкий хозяйственник-вольноотпущенник, пользуясь покровительством вождя-жреца годи, на равных конфликтует с отцом годи, пользуясь поддержкой последнего.

Мощное народное ополчение бондов — собственников одаля — представляло собой грозную силу, способную противостоять дружинам военных вождей. В связи с этим стоит, вероятно, отметить, что наряду с объединительными тенденциями и усилением власти скандинавских конунгов в конце IX–X вв., ясно, что конунгам и другим представителям родовой знати ущемлять права вольных бондов было все еще достаточно опасно.

В противовес тенденциозной и, скорее, продиктованной политическими пристрастиями автора первой половины XIII столетия версии Снорри Стурлусона в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» «Круга Земного» об отнятии одаля у норвежских бондов, заслуживает особого внимания версия событий конца IX в. «Саги о людях с Песчаного Берега», в которой Харальд Прекрасноволосый по жалобе бондов посылает херсира Кетиля Плосконосого, чтобы он защитил их от пиратских набегов бежавших на острова Атлантики представителей родовой знати, прежде ущемленных конунгом.

Такая политика первого объединителя Норвегии выглядит вполне реалистичной. Его противниками естественным образом выступали представители родовой знати, локальные военные вожди (побежденные конунгом Харальдом в битве при Хаврсфьорде в конце IX в.), но серьезно ссориться с бондами в то время было бы подлинным самоубийством. Хотя, конечно, в определенной степени бонды были недовольны некоторым ограничением своих прав, впоследствии восстановленных, что и выразилось в знаменитой речи Асбьёрна из Медальхуса на Фростатинге в середине X в.

Конунгов выбирали во всех скандинавских странах. У данов, по Свену Аггесену, всеобщее собрание народа, на котором избирался конунг, происходило в XI столетии в Иссоре. Неудовольно конунга народ вполне мог сместить вооруженным путем и периодически прибегал к этой мере.

Поражения в битве с ополчением бондов и убийства норвежского конунга Олава Святого в битве при Стикластадире в 1030 г.² и датского конунга Кнута IV Святого, сына Свена II Эстридсена и внучатого племянника Кнута II Могучего в 1086 г. (описано первым историком Данием Свенном Аггесеном в Роскильдской хронике и других источниках) красноречиво свидетельствуют о соотношении сил между дружиной конунга и ополчением бондов в это время. Естественно, Свен писал через 100 лет после описываемых им событий, когда только что произошел переход к раннесредневековой государственности и,

¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995.

² Подробнее об этом с приложением текста «Саги об Олаве Святом» на древнеисландском языке и в переводе Ю. К. Кузьменко см.: Губанов И. Б. Власть конунга и власть бондов: традиционное общество в Скандинавии X–XII вв. по Снорри Стурлусону и Саксону Грамматику и его закат // Научный Вестник Крыма. 2018. № 6 (17). С. 1–31.

будучи высокопоставленным дружинником епископа Абсалона, знаменитого военачальника и приближенного конунга Вальдемара I, как и его коллега по историческому цеху Саксон Грамматик, первый историк Дании, был ярким выразителем интересов только что народившегося господствующего класса. Именно поэтому Свен здесь употребляет соответствующую негативную лексику в отношении народа, да и акценты в отношении того, что является нормой в его представлении, несколько смещены, но факты, вероятнее всего, указаны верно. Кнут был вынужден бежать и погиб вследствие мятежа бондов, после того как он попытался в непредусмотренном законом размере оштрафовать за дезертирство корабельное ополчение — громадный ледунг, собранный для отвоевания Англии. Некоторые историки предполагают, что конунг погиб в своей круглой древоземляной крепости Ноннеберг в Оденсе, сожженной народным ополчением, в 1086 г. Впрочем, согласно Саксону Грамматику и другим датским источникам, датский конунг Кнут IV Святой был убит копьем в церкви, где он пытался укрыться со своими сторонниками, несмотря на их яростное сопротивление.

Свен Аггесен пишет, что во время междоусобицы первой половины XII в. во время битвы с хорошо снаряженным народным ополчением области Сконе погиб сын конунга Николая Магнус. Жители Шлезвига убили бежавшего после этой битвы на корабле за земляные валы города самого конунга Николая в 1134 г., а захвативший власть жестокий конунг Эрик II — убийца своих родичей — был в 1137 г. поражен копьем на народном собрании неким человеком, которого звали Плог Черный (согласно «Саге о Кнютлингах», он отомстил за отца, убитого конунгом за то, что тот прекословил ему на тинге). Как нами отмечалось ранее, вероятнее всего, система одаля существовала уже в начале второго тысячелетия до нашей эры. Судя по замечаниям западноевропейских хронистов раннего Средневековья, система наследственных одалей, несомненно, уже существовала к началу эпохи викингов, так как именно эти независимые источники говорят о том, что в походы на Западную Европу за добычей и славой в IX в. отправлялись преимущественно младшие сыновья, не получавшие наследственной земли традиционно неделимого одаля,

которая переходила к старшему сыну. Так, например, хронист Гильом Жюмьежский пишет, что отец отправлял младших сыновей в викингские походы, оставляя одаля за старшим сыном, но закон был нарушен Рагнармом Лодброком.

Эта общественная система определенно пережила эпоху викингов, если придерживаться традиционной хронологии. Характерно, что в Дании даже середины XII в. конунги продолжали избираться на тингах Зеландии, Ютландии и Сконе. Тинги Ютландии и Зеландии могли поддерживать различных претендентов на престол датского конунга, что вызывало нередко острую внутриполитическую борьбу. Саксон Грамматик описывает выборы на тингах и междоусобицу середины XII в., когда жители Зеландии избрали конунгом Свена, а Ютландия — Кнута, и междоусобица продолжилась.

Возникает и следующий закономерный вопрос. Когда же произошел переход к третьему этапу, то есть к фазе средневековой государственности, положившей конец народоправству бондов и окончательно разделившей общество на профессиональных конных воинов (вооруженных господ) и ущемленных в правах крестьян, обязанных это сословие вооруженных господ кормить посредством прямых королевских налогов либо, что с течением времени получало все большее распространение, посредством феодальной ренты?

Источники, преимущественно первые историки Дании, дают ответ на этот вопрос. Только в конце XII столетия, около 1180 г., король Вальдемар I, опираясь на конную тяжеловооруженную дружину епископа Абсалона, разгромив ополчение бондов Сконе, восставших против взимания Абсалонем *церковной десятины*, сумел установить средневековую государственную систему с четким разделением на профессиональное войско господ и сословие землепашцев, с которого собирались королевские налоги и чье приниженное состояние характеризует восторженный почитатель епископа Абсалона Саксон Грамматик. Последний, в частности, пишет, что с тех времен «мужичье» уже не осмеливалось бунтовать против своих господ.

Окончательно сопротивление бондов было сломлено уже после смерти короля Вальдемара I, после так называемого третьего мятежа жителей

Сконе в 1182 г, когда сюда вновь вторглись из Зеландии дружинники епископа Абсалона. Протеже епископа Абсалона Саксон Грамматик выступает явным идеологом власти феодальных господ, противопоставляя благородную знать народу, или черни. Помимо совершенно немыслимого в эгалитарном обществе бондов, но весьма характерного для стратифицированного феодального общества словоупотребления Саксона Грамматика, следует обратить внимание и на то, что источником права здесь выступает власть, а не народ, как традиционно было присуще обществу бондов. Некогда вольные бонды под угрозой копий и мечей дружинников епископа были вынуждены «довольно громко, хотя и без особой радости в голосе» одобрить «своими криками каждое из предъявленных им решений», и народ «в дальнейшем больше не осмеливался высокомерно относиться к власти своих господ». (перевод А.С. Досаева)

Как видим, общество свободных бондов даже в наиболее прогрессивной из Скандинавских стран Дании сопротивляется попыткам установления подлинно государственных форм правления весьма долго. Вряд ли стоит воспринимать как политогенез попытки объединения Дании Гормом Старым, однако его преемники в этом преуспели. Вот почему мы можем говорить о формировании государственных структур в Дании применительно к последней трети и концу X в. И лишь в последней четверти XII в. сопротивление эгалитарных слоев общества попыткам навязать им аппарат управления и понизить их социальный статус было в основном сломлено.

Еще более растянутыми во времени были аналогичные процессы в остальных странах Севера. Вероятно, несколько позже, в середине — второй половине XIII столетия, происходит качественное усиление королевской власти в Норвегии, характеризующее формирование и в этом скандинавском регионе средневекового государства. Особенностью источникового фонда, как известно, является то, что ранняя история Норвегии отражена в текстах неизмеримо ярче и подробнее, чем история Швеции и Дании. Однако для XII–XIII вв. ситуация меняется. Здесь у нас нет такого репрезентативного повествовательного источника по событийной истории, какими являются хроники Саксона Грамматика, однако есть такой яркий законодательный памятник, как

единый свод законов в редакции короля Магнуса Исправителя Законов под названием «Ландслов» («Закон (всей) земли») 1270-х гг.

Самое яркое свидетельство новых, отнюдь не в традициях древнегерманской вольности, порядков тут — назначение королевскими чиновниками представителей на тинги. Такой порядок прописан в «Разделе о посещении Гулатинга». Таким образом, поездка на тинг, столетиями бывшая своего рода праздником народоправства и наиболее зримым выражением эгалитарного характера общества и его социального здоровья, превращалась на глазах в определенную повинность для назначенных властью бондов, хотя сами внешние обычаи тинга с судом-легреттой, заседающим на циркульно огороженном священном месте, как и многие нормы обычного права, остались прежними.

Таким образом, рассматривая ретроспективную социальную историю северогерманских обществ, мы можем проследить в ней две четко выраженные и весьма отличающиеся друг от друга фазы развития общественных отношений. Перечислим их.

Судя по тому, что длинный дом каркасно-столбовой конструкции, в котором проживала патрилокальная расширенная семья, владевшая одалем на протяжении поколений, появился еще в раннем скандинавском бронзовом веке около 1800 г. до н. э. и бытовал на протяжении трех тысячелетий, включая эпоху викингов (793–1066 гг.), представляется весьма вероятным, что традиционное древнескандинавское общество, в основе которого лежала прослойка свободных крестьян-бондов, непрерывно существовало все это время. Нет никаких прямых или косвенных свидетельств того, что скандинавские социумы в течение этого времени постигали какие-либо общественные катаклизмы, нет доказательств серьезных перемен ни в хозяйственной, ни в поселенческой, ни в иных традициях. Письменные источники, изобилующие подробной информацией, — во всяком случае, с начала походов викингов и особенно начиная с «века саг», — говорят о том, что это общество в своих главных чертах не менялось вплоть до 1179–1180 гг. в Дании и приблизительно до середины XIII столетия в Норвегии. Ключевым фактором этой стабильности было то, что сложилась система *одаля* — неотчуждаемой собственности

патрилокальной расширенной семьи, где эта земля передается по наследству по мужской линии из поколения в поколение. В норме три поколения родичей — глава одаля с женой и его взрослые сыновья со своими женами и детьми, а также многочисленные домочадцы и домашние рабы (*трэли*) — живут под одной крышей в длинном доме с центральными прямоугольными очагами по оси здания, представляющем собою, по существу, тот же дружинный зал, аналогичный палатам конунга или храму для совершения «пира жертвенной крови» (блотвейцлы). Конунг, располагающий традиционной, но, по сути, весьма ограниченной властью, которую уместнее называть авторитетом, имеет право собирать народное ополчение бондов. Это ополчение при иных условиях под руководством своих лидеров — сильных и богатых бондов — вполне способно противостоять дружине конунга и зачастую диктует ему свои условия. Конунгов выбирают на *тингах* — собраниях вооруженных мужчин округов, где преимущественно разбираются распри между коллективами родичей (назначается выплата коллективу родичей ответчика или тот, кто нарушил закон, объявляется изгнанником вне закона, которого каждый может убить).

Образование раннесредневековых государств там, где это четко зафиксировано источниками, в Дании — последняя четверть XII в., в Норвегии — не позже второй половины XIII в. Епископ Абсалон и король Вальдемар I после периода так называемых гражданских войн, опираясь на профессиональное тяжеловооруженное конное войско (вооружение — кольчуга, конический или полусферический шлем с широким наносником, большой миндалевидный щит конника с заостренным низом и прямым верхом, копье и меч), одерживают победу, в частности, в Дании над ополчением бондов области Сконе в 1179–1180 гг. и разоружают их. Теперь бондам предписаны только земледельческие работы, налоги в пользу короля и повинности в пользу новых феодальных господ. В XIII столетии норвежские короли устанавливают законы, по которым представители на тинг назначались королевскими чиновниками (об этом говорится в «Ландслове» Магнуса Исправителя Законов в Норвегии 1270-х гг.). Естественно, этот переход в кардинально другую общественную

реальность был отнюдь не одномоментным, но растянутым во времени, а точнее, поэтапным. Бонды постепенно из поколения в поколение утрачивали те или иные элементы своих традиционных прав и свобод. В то же время каждое новое поколение правителей, как светских, так и духовных, постепенно и неуклонно усиливало давление на народные массы, все более противопоставляя себя обществу. Ключевым в этом процессе, безусловно, было формирование королевских и епископских дружин нового типа — конных, хорошо вооруженных (в полном соответствии с магистральными тенденциями развития военного дела феодальной Европы) и достаточно многочисленных. Еще более важно, что эти дружинники не отождествляли себя с массой пока еще вполне свободных бондов, связывая свое благополучие с военной и административной службой конунгу и, следовательно, не имели с этой массой прямой социальной связи. В Скандинавии стали происходить процессы, которые в полной мере апробировала континентальная Европа в VI–X столетиях. Социально-экономические условия этого без преувеличения эпохального перехода к подлинному средневековому государству, государству как таковому, вызревали, безусловно, постепенно и исподволь. Однако по историческим меркам этот процесс был очень быстрым. Еще в середине XII в., как свидетельствуют Свен Аггесен и Саксон Грамматик, конунгов выбирали на тингах Зеландии, Ютландии и Сконе, а уже в 1180-х гг., по красноречивым свидетельствам Саксона Грамматика, разбитые конной дружиной епископа Абсалона бонды Сконе не осмеливались открыто выступать против своих господ.

Такая стремительная эволюция была, вероятно, своего рода платой за замедленное развитие, за удивительно долгую социальную стагнацию Скандинавии. В силу стечения ряда обстоятельств (что является темой отдельного исследования) Северная Европа очень рано, на рубеже неолита и бронзового века, сформировала свою социокультурную модель, обладавшую несомненными преимуществами. Они заключались, в первую очередь, в высоком уровне стабильности и, если угодно, социальной защищенности рядовых членов общества. Достаточно крупные объединения людей, связанных кровным

родством, владели одалями, устойчивыми и надежными (насколько можно говорить о надежности в столь архаическую эпоху в принципе) комплексными ландшафтными ресурсами, обеспечивавшими относительно стабильное материальное существование на длительную перспективу. Однако помимо жизнеобеспечивающей функции одаля создавал прочное ощущение личной стабильности у рядового члена общества, что отражалось на коллективной психологии самым положительным образом. Именно консервация этих порядков, апробированных в раннем бронзовом веке и продемонстрировавших свою эффективность, обеспечила населению региона свой, особый путь исторического развития. Надо понимать при этом, что внутренняя структура такого общества бондов была той самой средой, из которой в итоге выходили многочисленные германские племена, участвовавшие в Великом переселении народов. По всей видимости, «споры» одаля несли с собой, надо полагать, все или почти все германские племена. Его разложение, стремительное и временами трагичное, фиксируется порой источниками. Самый показательный пример, вероятно, — это франкский аллод и то, что с ним происходило во времена «Салической правды». Определенная изоляция Скандинавии в сочетании с консервацией архаических обычаев, обусловленной специфическими условиями ведения хозяйства в специфическом же ландшафте, предопределили устойчивость существования одаля, который устраивал население всегда, а социальных лидеров — довольно долгое время. Несмотря на попытки объединения стран Севера военно-политическими средствами в первые непрочные протогосударства, конунги типа Харальда Прекрасноволосого минимально участвуют в традиционной системе, по сути, производя механическое соединение регионов без вторжения в уклад жизни своих подданных — старых и новоприобретенных. И только неумолимая логика социального прогресса и необходимость формирования новых страт общества, в частности, прослойки конных воинов, конкурентоспособных на европейском уровне, заставляет власть в Северных Странах в XII–XIII вв. пойти на окончательное решение вопроса существования как одаля, так и самих свободных и независимых бондов. ◆◆

Литература:

1. Агишев С.Ю. Земский закон (Ландслов) Магнуса Исправителя Законов: утраченное единство? // *Vox Mediae Aevi*. 2015. № 2–3. С. 49–74.
2. Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI — VIII вв. до н.э. СПб: Нестор-История, 2004. 496 с.
3. Байок Дж. Исландия эпохи викингов. М. Астрель, 2012. 912 с.
4. Возгрин В.Е. Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от средневековья до современности. СПб: Крига, 2019. 816 с.
5. Губанов И.Б. Власть конунга и власть бондов: традиционное общество в Скандинавии X-XII вв. по Снорри Стурлусону и Саксону Грамматику и его закат // *Научный Вестник Крыма*. № 6 (17). 2018. С. 1–31.
6. Губанов И.Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб: Изд-во МАЭ РАН, 2016. 230 с.
7. Губанов И.Б. Общество древних скандинавов под микроскопом: «Сага о Людях с Песчаного Берега» как этнографический источник. Взаимоотношения конунга с бондами и родовой знатью, взаимоотношения годи и их тинговых, культ и верования у скандинавов IX — X вв. н. э. // *Научный Вестник Крыма*, № 5 (23) 2019. С. 1–26.
8. Гуревич А.Я. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье // *Средние века*. 1956. Вып. 8. С. 70–96.
9. Гуревич А.Я. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тыс. н.э. в свете данных археологии и топонимики // *Советская археология*. 1960. № 4. С. 218–233.
10. Гуревич А.Я. Походы викингов. М., Наука 1966. 184 с.
11. Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
12. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 288 с.
13. Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII-XII вв. М.: Наука, 1964. 330 с.
14. Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 331 с.
15. Сага о йомсвикингах / Пер. с древнеисланд., ст., коммент. Ю. А. Полуэктова; лит. Обработка пер. М. П. Соболевой; научн. ред. Ю. К. Кузьменко. М.; СПб: Альянс-Архео, 2018. 592 с.
16. Саксон Грамматик. Деяния данов: В 2 томах. Т. 1. Книги I-X / Пер. с лат. яз. и комм. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко М.: SPSL-Русская панорама, 2017. 1124 с.
17. Снорри Стурлусон. Круг Земной. Издание подготовили: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Научно-издательский центр Ладомир, Наука, 1995. 688 с.
18. Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII вв. СПб: Евразия, 2015. 336 с.
19. Хлевов А.А. Начало походов викингов — о правомочности формулировки // *Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб: МАЭ РАН, 2018. С. 17–26.
20. Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // *Археологический сборник Гос. Эрмитажа*. 1977. № 18. С. 79–81.
21. Arbman H. *the Vikings*. L: Thames & Hudson, 1962. 262 p.
22. Armstrong Oma K. *Scheep, dog and man. Multi-species becomings leading to new ways of living in Early Bronze Age longhouses of Jærer, Norway 1800–1500 B. C.* // *Liv Helga Dommasnes, Doris Gutsmedl-Schumann, Alf Tore Hommedal (Eds.). the Farm as a Social Arena*. Münster — New-York. 2016. pp. 23–52.
23. Brøndsted J. *Nordische Vorzeit. Bd. III. Eisenzeit in Dänemark*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1963. 257 p.
24. Christensen T. *Lejre beyond the legend — the archaeological evidence* // *Siedlungs- und üstenforschung im südlichen Nordseegebiet*. No. 33. Rahden; Westf. 2010. pp. 237–254.
25. Hachmann R. *Die Goten und Skandinavien*. Berlin: De Gruyter, 1970. 584 p.
26. Hagen A. *Studier I jernalderens gårdssamfunn* // *Universitets Oldsaksamlings skrifter*. Oslo. 1953. № 4. pp. 163–180.
27. Iversen R. *Big-Men and Small Chiefs: the Creation of Bronze Age Societies* // *Open Archaeology*. 2017. 3. pp. 361–375.
28. Ljungkvist J., Frölund P. *Gamla Uppsala — the emergence of a centre and a magnate complex* // *Journal of Archaeology and Ancient History* (F. Herschend et al. eds.). 2015. № 16. pp. 1–29.
29. Møllerop O.J. *Gård ok gårdsamfunn I eldre jernalder* // *Stavanger Museums Årbok*, 1957. pp. 79–83.
30. Müller-Wille M. *Bäuerliche Siedlungen der Bronze- und Eisenzeit in Den Nordseegebieten* // *Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 198 p.
31. Nordal S. *the Historical Element in the Icelandic Family Sagas*. W.P. Ker Memorial Lecture 15. Glasgow: Jackson, Son, and Co., 1957. 35 p.
32. Randsborg K. *the Viking Age in Denmark: the formation of a state*. L: Duckworth, 1980. 206 p.
33. Rindal B. *Plant remains from Ullandhaug, an iron age farm site from the migration period in southwest Norway* // *AmS-Varia*. Stavanger, 2011. № 53. pp. 53–63.
34. Sawyer P. *the age of the Vikings*. L: E. Arnold, 1962. 286 p.
35. Short W. *Icelanders in the Viking Age. the People of the Sagas*. Jefferson: McFarland & Company, 2010. 283 p.
36. Stenberger M. *Öland under äldre järnaldern*. St: Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademiens förlag, 1933. 306 p.
37. Stenberger M., Klindt-Jensen O. *Vallhagar, a migration period settlement on Gotland/Sweden*. 2 Vol. Copenhagen: Ejnar Munksgaards forlag, 1955. 1205 p.
38. Tesch S. *House, farm and village in the Köpinge area from Early Neolithic to the Early Middle Ages* // *Lars Larsson, Johan Callmer, Berta Stjärnquist (eds.). the Archaeology of the Cultural Landscape. Field Work and Research in a South Swedish Rural Region*. Vol. 19. (Acta archaeologica Lundensia; vol. 19). Lund: Almqvist & Wiksell International, 1992. Pp. 283–344.
39. Tesch S. *Houses, farmsteads and long term change. a regional study of prehistoric settlements in the Köpinge area, in Scania, Southern Sweden*. Lund: Bloms Boktryckeri, 1993. 232 p.

Рунический клинок XVI века

Александр СЕВЕРОВ

Статья первоначально опубликована в публице *Викинг*:

https://vk.com/public_ivikingu

КРАЙНЕ интересным артефактом является меч Томаса Мюнцера. Это не просто меч. Это коса, переделанная под меч, на которой выгравирована надпись из 89 рунических символов. Оружие датируется первой третью XVI века. На всякий случай напомним, что Томас Мюнцер был активным деятелем немецкой Реформации, его последователи выходили из беднейших кругов общества позднесредневековой Германии и, как правило, были крестьянами. Тем не менее армия Мюнцера наводила ужас на всю Тюрингию в ходе Крестьянской войны в течение двух лет, пока в 1525 году Мюнцер не потерпел поражение и не был обезглавлен. К слову, Мюнцер был ярким сторонником не только протестантизма, но и его апокалиптического ответвления. Я уже обращал внимание на роль антагонизма католицизма и протестантизма в развитии и формировании современных представлений о Скандинавии эпохи викингов и более раннего периода (https://vk.com/@public_ecumene-norseville?anchor=vikingi-kak-menyalsya-obraz).

Теперь более подробно об оружии. Поскольку Мюнцер возглавлял крестьянское ополчение, то с вооружением, как понимаете, было туго. В результате, своему вождю крестьяне преподнесли лучшее, что могли — лезвие от косы с приделанной к нему рукояткой от меча или даже османского симитара. На фоне прочего вооружения крестьян (молотилки и вилы, в большинстве) такой своеобразный меч, действительно, выделялся. Однако как оружия его боевые качества сомнительны. Меч-коса

Schwert Thomas Müntzers Neg. Nr. PD 142 729

Мюнцера напоминает по форме саблю, и действительно, заточка есть на выгнутой стороне «клинка». Однако это одновременно и самая толстая часть «клинка», в то время как обух выходит нехарактерно для клинкового оружия истончён, т.к. когда-то режущая кромка была именно там. Сомнительно, чтобы это оружие когда-то участвовало в бою и когда-либо было чем-то большим, чем просто декоративным и символическим элементом. Как бы ни хотелось крестьянам, но ничего более внушительного они себе позволить не могли.

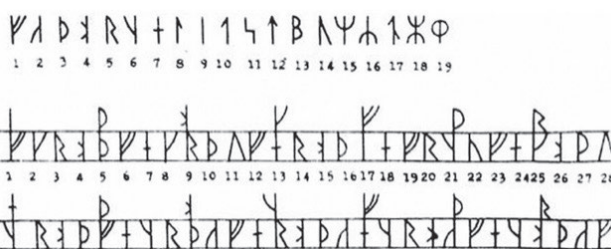
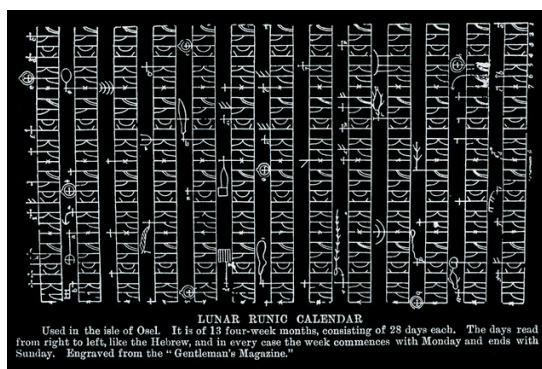
Это вынужденное решение, впрочем, указывает на однозначный факт — сельские кузнецы могли функционально переделать крестьянский инвентарь в оружие, но самостоятельно изготавливать оружие, в особенности, клинки, такие мастера не могли. Надо полагать, что данная невозможность обусловлена степенью квалификации мастеров

Рунические календари имели различную длину. Тот, что мы видим на мече Мюнцера, укорочен, он имеет два ряда по 28 рун, в которых 6 рун повторяются 9 раз. Как правило, рунные календари более обширные, в них 52 недели разложены на 52 повторения первых 7 рун Младшего Футарка. Руны соответствуют своему дню недели в зависимости от года, постоянно смещаясь.

В основе рунических календарей лежит 19-летний цикл, аналогично Метонийскому циклу, применявшемуся в Античной Греции, или 19-летним циклам древних Индии и Китая. Руническая календарная система не знала високосных лет. Две линии символов «скользили» друг относительно друга и смещались друг относительно друга каждый новый год. Новое соотношение рунических рядов определялось в первую полную луну после зимнего солнцестояния. Как правило, это 24–25 декабря, т.е. Йоль или же Рождество Христово, в аграрном календаре играющее ту же роль.

Рунические ряды с клинка меча-косы Томаса Мюнцера

Также существуют ещё 19 символов, которые символизируют 19 золотых чисел Метонийского цикла. И их же мы видим на клинке Мюнцера; как и в других рунных календарях, здесь эти 19 символов состоят из 16 рун Младшего Футарка и 3 дополнительных символов. Каждый из 19 символов обозначает один из годов 19-летнего цикла. В итоге получаем замысловатую и скользящую систему, которая считается по схеме: «В год под такой-то руной неделя начинается с такой-то руны». Например: в год под руной Райдо неделя начинается с руны Феу. На следующий год, через 364 дня (ровно столько дней в рунном календаре), у вас будет год под руной Кано, в котором неделя будет начинаться под руной Хайал, потому что полная луна выпала именно на эту руно внутри именно этого года цикла. И так далее. Позднее для обозначения чисел от 1 до 19 стали использовать пентимальные цифры. Но вот вам 3 дополнительных руны Младшего Футарка:

ƿ — руна арлауг (arlaug) использовалась для числа 17

D — руна твимадр (tvímaður) для числа 18

W — руна бельгтор (belgthor) для 19.

Собственно, это было единственное назначение данных символов. Насчёт значения их названий судить что-либо однозначно сложно. Например, арлауг можно перевести как «Источник пыли», что крайне невнятно. А вот бельгтор может значить «Увядающая часть» или «Увядающее намерение», что, в общем-то, перекликается с ролью символа как заключительного в 19-летнем цикле. Яснее всего название твимадр — «двоемуж», «двойной человек», «сиамский близнец».

Магическая сила рун в шведских балладах о сверхъестественном

Е.А. ПАПАКУЛЬ

В данной статье анализируются сюжеты шведских народных баллад о магической силе рун как отличительной особенности скандинавской балладной традиции. Помимо детального анализа трёх произведений в статье также рассматривается одна шотландская баллада, сюжет которой позаимствован из Скандинавии, однако магическая сила рун заменена в ней волшебным свойством растения.

Ключевые слова: Скандинавия, руны, магия, баллады, адаптация сюжета.

Руническая тематика встречается в средневековой скандинавской литературе — эддической и скальдической поэзии, а также сагах — достаточно часто. Известны и произведения, целиком посвящённые рунам: норвежская и исландская рунические поэмы [1]. В то же время и в более поздний период, несмотря на практически полное вытеснение рун из повседневной жизни, данная тема не исчезла из литературы и фольклора полностью. Одним из таких примеров является жанр народной баллады. Так, в балладах о сверхъестественном упоминаются различные виды магии: волшебная сила музыки, имени, различные виды колдовства. Безусловно, суеверия такого рода в балладной традиции различных народов универсальны, однако, например, мотив использования рун в магических целях является исключительно скандинавским. О силе рун повествуют 3 шведские баллады: «Riddar Stigs runor» («Руны рыцаря Стига»), «Riddar Tynne» («Рыцарь Тиннэ») и «Sömnrunorna» («Руны сна»).

Сюжет сохранившейся в двух версиях шведской баллады «Riddar Stigs runor» (впрочем, от второй версии дошло лишь две строки) встречается также в датской, исландской и норвежской традициях. Впервые баллада была опубликована в начале XVI века. В ней говорится о том, как рыцарь Стиг, служивший при дворе конунга,

пытается при помощи силы рун соблазнить бедную девушку Керстин, но случайно руны оказывают воздействие на дочь конунга Аделин. Рыцарь в ужасе запирается в доме своей матери. Аделин пытается прийти к нему ночью, но он её не выпускает. Утром девушка жалуется отцу по поводу своей неразделённой любви, и тот посылает за Стигом и приказывает ему жениться на Аделин. Видя, что не стоит опасаться гнева конунга, Стиг с радостью «...tager giärna Stältz Adelin...» («...берёт в жёны благородную Аделин...») [2, с. 18].

В тексте баллады Стиг «...kastade Runor till Lijten Cerstin» («...бросает руны к бедной Керстин»). В данном случае под рунами необходимо понимать небольшие деревянные плашки или каменные бруски с нанесёнными на них рунами, как, например, в 142 строфе «Речей Высокого» из «Поэтической Эдды»: «Руны ты знойдзеш, // з ведамі плашкі...» [3, с. 57].

Гадание на таких предметах было широко распространено в Скандинавии. Занимались созданием таких «рун» особого рода ремесленники, знающие и умеющие превращать обыкновенный предмет в оберег или средство для предсказания будущего. В Скандинавии такие ремесленники были известны как рунические мастера. Также следует отметить, что ещё в XVI веке руны в качестве оберегов наносили на домах, амбарах, надгробных камнях и даже на алтарях и церковных окнах по всей Скандинавии [4, с. 61–66]. Но главное то, что иметь дело с магической силой

рун могли лишь немногие. Недаром в знаменитой исландской «Саге об Эгиле» есть такие строки: «Skalat maðr rúnar rísta, // nema ráða vel kunni [5, с. 169] («Никто не должен вырезать руны, // если хорошо в них не разбирается»).

С волшебной силой рун мы также встречаемся в шведской балладе «Рыцарь Тиннэ», впервые напечатанной в 1679 году. Так, в произведении рыцарь Тиннэ, отправившись однажды на охоту, встречает под зелёной липой дочь волка Улле («Olle ville vargens dotter»), которая в некоторых версиях одновременно является и дочерью гнома («Ulfva lilla, Dvergens dotter»). В это время она проводит магический ритуал: «slår ett Runa slag» («ударяет по рунам», то есть бросает руны), после чего начинает играть её золотая арфа («Gullharpan»). Сила музыки имеет такую силу, что птицы перестают петь, животные и даже рыбы в воде замирают на месте. Привлечённый прекрасной музыкой рыцарь Тиннэ влюбляется в девушку. Причём его чувство очень сильное, ибо он «med Runnerne binda» («связан рунами»). Но девушка предупреждает его, что: «Kommer min Fader och Fästeman // Visserligen slåår dhe Eder I hjähl» [2, с. 391] («Если придут мой отец и жених, // они тебя сразу убьют»).

За всем этим наблюдает жена волка Улле («Olle ville vargens Fruu»). Ей становится жалко влюбившегося по вине её дочери рыцаря, которого может постигнуть смерть, и она решает ему помочь. Рыцарь спускается с женой волка вглубь горы, где она читает «dhe Runeböcker fem» («пять книг с рунами») и говорит, что в них написано, что он не сможет быть с её дочерью. Но рыцарь может посвататься к её пленённой в Исландии племяннице. При этом жена волка предупреждает, что и та девушка: «... är så vähl utaf Christen blodh // Och kommit utj Bärget här inn» [2, с. 392] (Не христианской крови // и родом из этой горы»).

После этого жена волка даёт рыцарю новую кольчугу («en brynja nu») и прекрасный меч («ett full-godt svärdh»), который пригодится ему в борьбе с семью исландскими воинами («the Iselandhs kiämpar sjuu»), охраняющими её племянницу. В итоге Тиннэ одерживает победу и освобождает из плена прекрасную девушку. В конце он благодарит дочь волка: «Taska vill iag Olle ville vargens dotter, // Som hade migh med Runnerne bundit; // Hade hon sådant icke giordt, // Then Jungfrun har iag aldrig vunnit. // — Styrer vähl the Runor» [2, с. 392]

(«Я благодарен дочери волка Улле, // которая связала меня рунами; // если бы она этого не сделала, // я никогда бы не заполучил молодую девушку. // — Следуй рунам»).

Баллада «Riddar Tynne» явно выделяется из всех шведских баллад о сверхъестественном количеством волшебных мотивов. Здесь мы сталкиваемся и с силой рун, и с силой музыки. Судьба рыцаря уже заранее была описана в пяти рунических книгах, хранящихся в недрах горы, именно поэтому в припеве, повторяющемся после каждого четверостишия, говорится «styrer vähl the Runor» («следуй рунам»). Уникальны и сверхъестественные существа произведения, объединяющие в себе черты оборотней (король волков — «en kongh öfver alla villa vargar», — его дочь и жена выглядят, как люди), гномов (прямое упоминание об этом в некоторых версиях) и так называемых королей горы (либо троллей, ибо данные существа населяют гору). Такое смешение мифологических мотивов (волки-оборотни, живущие в горе) является уникальным для шведской балладной традиции.

Ещё одна шведская баллада (распространённая также в Дании и Норвегии) о магической силе рун — «Руны сна». Она, как и предыдущая, впервые была напечатана в XVI веке. В данной балладе мотивом использования рун является не любовный приворот, как в «Рунах рыцаря Стига», а колдовство (долгий сон). Так, в балладе говорится о молве, что одна девушка могла спать со многими мужчинами, но при этом оставаться невинной. Об этом услышал сын короля Англии («kungens Son af Engelandh») и отправился к девушке. Она соглашается спать с ним, но когда стелет постель, то рисует на простынях руны. Как только юноша садится на кровать, он тут же засыпает. Он спит так в течение трех дней, а затем его будит девушка. Юноша пытается подарками добиться её расположения, но она ему отказывает.

Несмотря на то, что среди богатого массива англо-шотландских баллад о сверхъестественном руны не упоминаются, сходная тема сохранения невинности, но связанная не с магической силой рун, а с иным видом колдовства, раскрывается в шотландской балладе «Broomfield Hill» («Холм Брумфилд»), дошедшей до нас в нескольких версиях. Смысл её сводится к тому, что однажды рыцарь поспорил с девушкой по поводу того, что ей не

удастся сходить на холм Брумфилд и вернуться невинной. Девушка просит помощи у ведьмы, и та рассказывает ей об особом ритуале, согласно которому девушке необходимо девять раз обойти холм кругом и, когда рыцарь уснёт, обсыпать его цветами раkitника: «And aye the thicker that ye do strew, // the sounder he will sleep» [6, с. 132] («И чем больше ты его разбросаешь, // тем крепче он будет спать»).

А чтобы, проснувшись, он узнал о её присутствии, девушке необходимо оставить возле него свои кольца и брошь. Когда рыцарь просыпается, он спрашивает у своего коня и сокола (в некоторых версиях ещё у гончей и своего отряда), почему его не разбудили, когда девушка была здесь, но все ему отвечают, что не смогли этого сделать, как ни старались. После этого рыцарь пытается догнать девушку, но ему это не удаётся. В некоторых версиях рыцарь говорит, что если бы он проснулся, то переспал бы с девушкой, а после этого её судьба не интересовала бы его, даже если бы несчастная умерла, и её тело склевали птицы. Девушка слышит это и в слезах убегает.

Таким образом, в данном случае правильнее будет говорить не столько об оригинальности сюжета баллад, повествующих о рунах и их магической силе, сколько об оригинальности тематики. Ведь, по сути, сюжет баллад «Руны сна» и «Холм Брумфилд» одинаков: девушка сохраняет невинность благодаря тому, что усыпляет мужчину. Различие лишь в способе усыпления (руны или магический ритуал). По всей видимости, сюжет перекочевал из Скандинавии в Шотландию, где со временем руны, вера в магическую силу которых была не настолько распространённой, как в скандинавских странах, были заменены на ритуал с цветами раkitника. Этот цветок растёт на склонах холмов по всей Шотландии и Ирландии. Он издревле считался мощным защитным растением. Развешанный в углах дома, он защищал от злобы. Настой растения, которым обрызгивали вокруг дома, мог остановить призраков и других сверхъестественных существ. Также им часто украшали свадьбы. Раkitник могли связывать в пучки и сжигать, и этот дым очищал воздух и давал благословение окрестности. Его использовали даже для умирения ветра, когда растение сжигали и закапывали золу в землю. Кроме того, пепел раkitника использовался для лечения водянки,

а его сильный запах, считалось, помогал приручить диких лошадей и собак. В данной балладе говорится о его снотворном свойстве.

О раkitнике также есть упоминания в валлийской мифологии. Так, согласно четвертой части Мабиноги, из его цветков, а также цветков таволги и дуба появилась женщина по имени Блудуэдд (*Blodeuwedd*) [7, с. 127].

Таким образом, мотив использования рун встречается не только в средневековой скандинавской литературе, но и в более поздних произведениях, например, в народных балладах. Среди шведских баллад к «руническим» можно отнести три произведения: «Руны рыцаря Стига», «Рыцарь Тиннэ» и «Руны сна». Также в данном контексте уместно рассмотреть и шотландскую балладу «Холм Брумфилд», сюжет которой полностью повторяет шведскую «Руны сна». Единственное существенное отличие заключается в том, что главного героя усыпляют не при помощи рун, а благодаря цветку раkitника, что говорит о заимствовании сюжета из Скандинавии с последующей адаптацией.

ЛИТЕРАТУРА

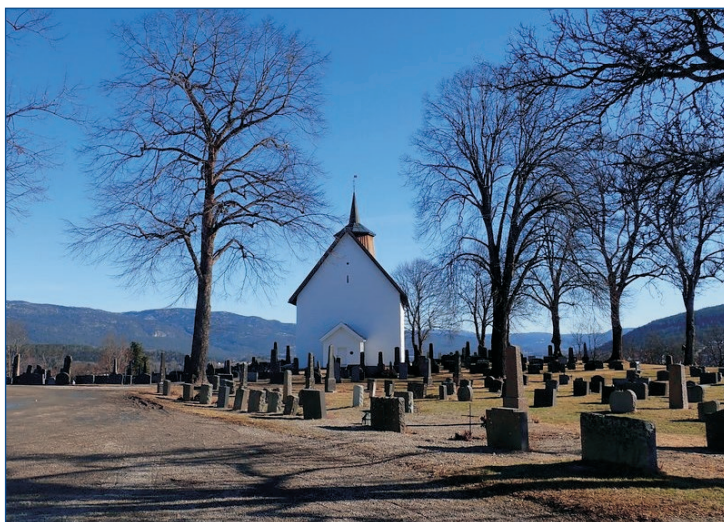
1. *Руны, багі і песні — Пераклады — Taubin* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://taubinpoetry.com/translations/papakul-runy>. — Дата доступа : 30.04.2023.
2. *Jonsson, B. Sveriges medeltida ballader, utgivna av Svenskt visarkiv. Naturmytiska visor : I 9 band / Bengt R. Jonsson (huvudred.) [och andra]. — Stockholm : Almqvist & Wiksell international, 1983. — B. 1. — 495 s.*
3. *Эда. Песні пра багоў / уклад., пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля. — Мінск : Галіяфы, 2021. — 312 с.*
4. *Вебер, Э. Руническое искусство / Эдмунд Вебер. — СПб. : Евразия, 2002. — 75 с.*
5. *Witchcraft and Magic in Europe : in 6 vol. / Karen Jolly (chief editor) [etc.]. — London : the Athlone Press, 2002. — V. 3 (The Middle Ages). — 296 p.*
6. *The English and Scottish Popular Ballads : in 8 vol. / Francis James Child [Electronic resource]. — Boston : Little, Brown and Company, 1860. — V. 1. — 334 p. — Mode of access : <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=moa&idno=ABF2062.0001.001&view=toc>. — Date of access : 17.01.2023.*
7. *Oxford English dictionary. — 6th edition. — London : Oxford University Press, 2007. — 3804 p.*

Руническая поэма и прочие надписи на стенах Старой Церкви в Бё

Юхан Эйдем БЕРГ
(Johan Eidem BERG)

СТАРАЯ церковь в городке Бё построена в XII веке. Церковь, в отличие от многих средневековых сельских церквей Норвегии, построена из гранита и выполнена в романском стиле. После реформации гранитные стены были выкрашены в белый цвет и многие настенные рисунки закрашены как пережитки католицизма, а рядом была построена новая церковь. Тем не менее осталась узнаваемой, хотя и нечитаемой, греческая надпись.

Городок Бё находится на восточном краю губернии Телемарк. В былые времена Бё был важным торговым центром, так как мимо него проходили речные маршруты, по которым из горных районов сплавляли дерево, мясо и точильные камни. Хотя сам район церкви не богат курганами и прочими археологическими находками, на окраинах Бё есть множество курганов и оборонительных сооружений V-X веков. Поэтому наличие столь старой церкви в таком маленьком городке объясняется именно важностью городка в Средние века.

Старая церковь в Бё имеет два уровня плюс чердак с колокольней. Церковь разделена на два зала: в первом находятся два этажа скамеек, а во втором находится алтарь и первые ряды нижнего этажа скамеек. Скамейки и алтарь церкви относятся к XVII веку. Позади алтаря священники в былые времена оставляли свои подписи, самая старая из которых относится к 1726 году. Подобная традиция была в соседнем городке Sauherad, где священники в церкви (тоже XII века) вместо подписей рисовали чертей.

Однако церковь в Бё интересна в первую очередь не своим убранством, а руническими сграффито, особенно рунической поэмой. Эта поэма вырезана на деревянной выемке в правой стене у алтаря. По сути, поэмой эту надпись назвать можно лишь условно, так как на самом деле надпись скорее

В той же выемке, что и поэма, нацарапаны знаки, в том числе руноподобные, но они не поддаются расшифровке. Вероятно, это просто подписи людей, посещавших церковь в Средние века. То же самое касается и другой выемки на противоположной стене, где из рунических надписей можно прочесть разве что «Þórer Kalfr ræst runâr þesar alsuântant guð bæini firi honom» (Торир Телёнок вырезал эти руны, всемогущий Бог да поможет ему) и «Martæn prestur a beta søkhus» (Мартэн священник владеет этим храмом), причём вторая надпись, будучи незамеченной работниками церкви из-за своей плохой сохранности, ныне почти вся закрыта спинкой скамьи. ⋮

Дополнительная информация

1. R. Øystein 2014 *Telemarks historie før 1814*
2. R.I. Page 1999 *The Icelandic rune-poem*
3. K. Püttsepp 2003 *Kjærlighet på pinne — Vertshusinnskrifter fra norske middelalderbyer*
4. J.E. Knirk 2017 *Love and Eroticism in Medieval Norwegian Runic Inscriptions*
5. L.M. Enoksen 2011 *The history of runic lore*
6. <https://app.raa.se/open/runor/inscription?id=fb324e44-eb10-4f09-a7b1-a0767f993cab>

Благодарим Тимофея ЕРМОЛАЕВА
и сайт norroen.info
за возможность публикации статьи

Квельдульф ГУНДАРССОН (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)
[https://
northern.thesaurusdeorum.com](https://northern.thesaurusdeorum.com)

Святилища и культовые объекты древней Скандинавии: статуи и амулеты

«Миф и религия Севера», Глава 12

В своем описании храма в Упсале Адам упоминает три статуи, изображающие Тора, Водана и Фрикко. Последнее имя вызывало некоторые сложности, но исследователи сошлись во мнении, что это одно из имен Фрейра (см. Wessén 1924, 183 и далее). О форме этих статуй известно немного, но, по крайней мере, и в сообщениях христианских миссионеров, и в исландских сагах нередко упоминается, что все три изваяния стояли вместе (см. Grimm 1900, I.113). По словам Беды Достопочтенного («Церковная история народа англос», III.22), статуи богов бывали и каменными, и деревянными, а из исландских источников явствует, что храмовые изваяния — *trégoð* («деревянные боги») и *skurðgoð* («резные боги») — делались в основном из дерева.

В «Саге о людях с Песчаного Берега» сообщается, что в капище на Мысе Снежной Горы статуи богов стояли вокруг жертвенника (*stalli*) в той части здания, которую автор сравнивает с хором в христианских церквях. Изваяния, стоявшие в исландских капищах, упоминаются и в некоторых других текстах; соответствующие описания стоит принять к сведению, но относиться к ним надо с осторожностью. В «Саге о людях с Килевого Мыса» (глава 2) о капище Торгрима говорится: «Посредине там стоял Тор, и с двух сторон — остальные боги», — но не исключено, что автор саги находился под влиянием рассказа Адама Бременского о храме в Упсале. Еще менее надежный источник («Сага о Хёрде и островитянах», глава 19)

содержит упоминание о южноисландском капище, посвященном богине Торгерд Невесте Хельги, в котором стояло множество статуй (подробнее о Торгерд см. Schröder 1941, 48 и далее).

Норвежские описания идолов более многочисленны, но едва ли более достоверны, и многие из них отмечены печатью христианских фантазий. Снорри («Сага об Олаве Святом», глава 112) описывает статую Тора из Центральной Норвегии, богато украшенную золотом и серебром, огромную, полую и стоящую на подставке; каждый день этому идолу подносили четыре караваев хлеба и мясо. Один из людей святого Олава, выбрав подходящий момент, ударил дубиной по статуе и разбил ее на куски. Изнутри стали выскакивать жабы, змеи и крысы, откормленные до размеров котенка. Схожее описание содержится в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (глава 59). Оно, по крайней мере, достаточно древнее, пусть и апокрифическое.

В версии «Саги об Олаве сыне Трюггви» из «Книги с Плоского острова» приводится рассказ об изваянии Фрейра в Трандхейме — рукотворном «деревянном муже» (*trémaðr*). Утверждается, что идол этот на самом деле не был Фрейром, что бы там себе ни думали язычники. Когда бог-конунг Фрейр умер в Швеции, шведы вырезали из дерева двух «мужей» и поместили их в курган Фрейра, чтобы те составляли ему компанию. Позже одно из этих изваяний выкопали и привезли в Трандхейм, где ему поклонялись как богу.

Более интересная история связана с другой шведской статуей Фрейра, возможно, из Упсалы. Она приводится в «Пряди об Эгмунде Битом

и Гуннаре Пополам». Гуннар, бежавший из Норвегии в Швецию, находит пристанище в доме или капище Фрейра, предавшись под защиту Фрейровой «жены». Беглецу дают место в церемониальной процессии: ему поручают вести лошадь, запряженную в повозку, в которой идол Фрейра и его «жена» объезжают страну, чтобы предотвратить неурожай. Устав идти пешком, Гуннар забирается в повозку; тут статуя Фрейра оживает и нападает на него. Борьба дается Гуннару нелегко, но, в конце концов, он вспоминает о конунге Олаве сыне Трюггви и о могущественном боге, которому тот поклоняется. Как только Гуннар дает себе слово принять христианскую веру, демон, оживлявший статую, выскакивает и убегает; остается лишь пустой деревянный истукан.

Исследователи отмечали, что у этой истории есть параллели в других традициях (Kristjánsson 1956, lxi; Krappé 1928–1929, 226 и далее), но все же она сохранила и некоторые подлинные воспоминания о шведском культе Фрейра — о деревянном изваянии бога плодородия, которое торжественно возили в повозке по всей стране, чтобы

обеспечить богатый урожай (см. также Grimm 1900, l.213, 251 и далее). Кроме того, поражает воображение сам идол Фрейра, описанный в этом тексте, — суровый и замкнутый, но вполне способный и говорить, и сражаться.

Не все изображения богов находились в храмах. Скальда Халльфреда, который был любимцем Олава сына Трюггви, обвинили в том, что он хранит у себя в кошеле фигурку Тора, вырезанную из слоновой кости, и втайне ей поклоняется («Сага о Халльфреде Трудном Скальде», глава 6). У Ингимунда Старого, поселившегося на севере Исландии, был серебряный амулет с изображением Фрейра («Сага о людях и Озерной Долины», глава 10).

Амулеты такого рода, возможно, назывались *hlutir*. Ни одна из больших статуй богов не уцелела, но некоторые маленькие изображения сохранились. Среди них — бронзовая статуэтка бородатого мужчины, сидящего на стуле и держащего в руках предмет, похожий на молот. Эта статуэтка из Исландии датируется X веком и, возможно, изображает Тора. Еще одна фигурка подчеркнуто

Статуэтка из Рэлинге (Сёдерманланд, Швеция), изображающая Фрейра или другого бога плодородия. Напоминает приведенное у Адама Бременского описание статуи Фрикко (Фрейра) из храма в Упсале.

Бронзовая статуэтка из Северной Исландии (рубеж IX—X вв.), предположительно изображающая Тора

Подвеска из золотой фольги, предположительно изображающая бракосочетание Фрейра и Герд

Серебряный молот Тора из Сконе (Швеция, рубеж IX—X вв.), украшенный филигранным орнаментом и рельефным изображением головы с клювом и пронзительными, как у Тора, глазами

Серебряная подвеска из захоронения в Бирке (Швеция): распятие высотой около 4,1 см, обладающее некоторыми чертами сходства с амулетами в виде молота Тора

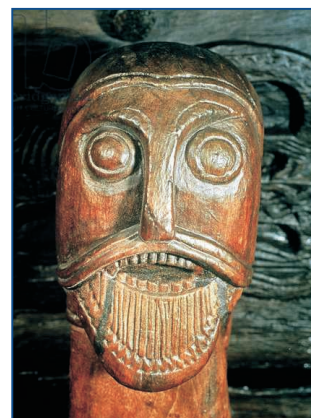
Серебряная подвеска длиной около 5 см из Южной Исландии. По всей вероятности, изображает молот Тора, замаскированный под христианское распятие

эротического характера была найдена в Рэлинге, на юго-востоке Швеции; предполагают, что это изображение Фрейра. Не исключено, что это миниатюрное подобие большого итифаллического идола Фрикко (Фрейра) из храма в Упсале. На брактеате из Фрёйсланна (юго-западная Норвегия) — одном из многочисленных золотых и серебряных брактеатов, имевших, как выясняется, религиозное значение, — по-видимому, изображено священное бракосочетание Фрейра и Герд. Кроме того, в Швеции, особенно в области Бирки, найдено множество металлических фигурок, в виде молота Тора, которые можно было носить как подвески на одежде или хранить в кошеле (Palme 1959, 97 и далее).

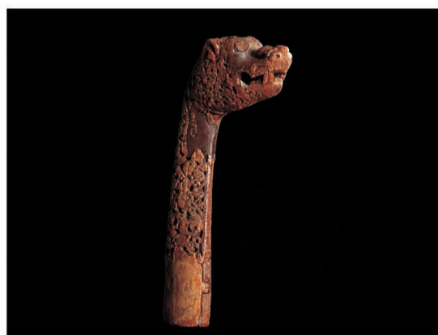
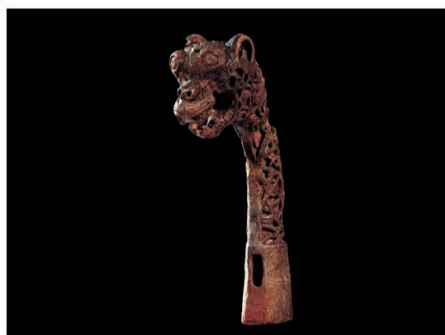
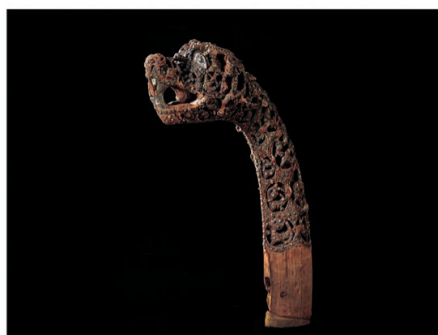
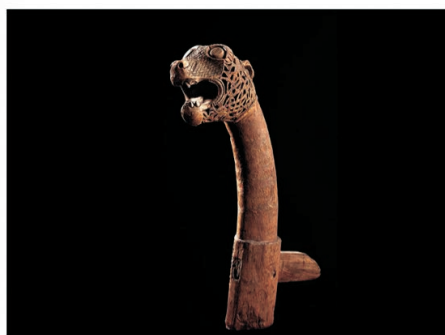
Среди содержимого погребальных кораблей из Осеберга и Гокстада в изобилии представлены образцы художественной резьбы по дереву, и многие из этих резных фигурок наверняка имели религиозное значение. В «Большой саге об Олаве сыне Трюгви» упоминается резное изображение Тора на носу боевого корабля. Схожим образом, изображения богов вырезали на столбах храмов и, вероятно, других построек, а также на столбах скамей и спинках стульев («Сага о названных братьях», глава 23). Такие резные столбы считались одушевленными. Когда Торольв по прозвищу Бородач

Резная деревянная голова человека, украшающая повозку из знаменитого норвежского захоронения в Осеберге, IX век

с Мостра приплывает к берегам Исландии и бросает за борт столбы почетной скамьи, на одном из которых вырезан Тор, они устремляются по волнам к суше и приводят Торольва к тому месту, где ему предстоит поселиться («Сага о людях с Песчаного Берега», 4).

Излюбленные темы резчиков по дереву и художников позднего языческого периода — сцены из жизни богов. Несмотря на отсутствие письменных свидетельств, не приходится сомневаться, что подобная тематическая резьба украшала не только жилые дома, но и храмы. Что касается жилых домов, то Олав Павлин, в конце X века построивший себе дом в Хьярдархольте (Западная Исландия), украсил стены

Деревянные столбы с зооморфным орнаментом и резными головами животных из захоронения в Осеберге (IX век). Возможно, такие изображения предназначались для защиты умершего от злых духов

Изображение на камне из Хуннестада (Сконе, Швеция) — сцена из мифа о погребении Бальдра (великанша, едущая верхом на волке со змеями вместо поводырей)

Мемориальный камень позднеязыческого периода из Сёндер-Киркебю (Дания). Руническая надпись: «Пусть Тор освятит эти руны». В верхней части — изображение ладьи со щитами на бортах

и балки резными изображениями мифологических сцен («Сага о людях из Лососьей Долины», глава 29). Известный скальд Ульв сын Угги описал эти сцены в «Хвалебной песни о доме». На одной из стенных панелей изображалось огненное погребение Бальдра; в композиции присутствовали Фрейр (верхом на вепре) и Один (верхом на своем жеребце в сопровождении валькирий и воронов). На другой панели был представлен поединок Тора с Мировым Змеем. Сохранились фрагменты еще более раннего стихотворения, в котором поэт восхваляет богато украшенный щит, полученный в подарок, и описывает изображенные на нем мифологические сцены (резные или живописные).

Сцены из мифов изображали и в резьбе по камню; некоторые из самых искусных образцов относятся уже к концу языческого периода или даже ко временам, когда христианские верования сосуществовали и смешивались с языческими — как это наверняка происходило в умах мастеров XI века, которые работали в Камберленде и на острове Мэн и изображали Тора и других языческих богов бок о бок с христианскими символами. Сцены из жизни богов представлены и на многих резных камнях языческого периода, обнаруженных в Швеции и, в особенности, на острове Готланд.

Живописные и резные изображения богов, возможно, и не воспринимались как идолы, но определенно вызывали к себе почтение — наподобие того, каким пользуются христианские иконы. Эти изображения свидетельствуют, что художники представляли себе богов похожими на людей. Но культовое значение имели не только антропоморфные фигуры. В этой главе уже отмечалось, что жертвы приносили водным источникам, водопадам и деревьям. Христианское законодательство Норвегии запрещало держать в доме шест (*staf*), предназначенный для поклонения (*Norges gamle love*, I.383; Mogk 1913–1915, II, 311 и далее); возможно, эта практика была связана с культом столба почетной скамьи (*öndvegissúla*). Законы шведского Упланда запрещали также поклоняться камням и скалам. Из «Пряжи о Торвальде Путешественнике» явствует, что поклонялись не самому камню, а божественному покровителю, который в нем обитал.

Почитали и некоторых животных. Флоки, исследовавший Исландию до начала колонизации, принес жертвы трем воронам, которые должны были указать ему путь («Книга о занятии земли», глава 2). Хакон Великий (ум. 995) был крещен по принуждению и при первом удобном случае вновь обратился в язычество. Он принес богатые жертвы, после чего прилетели два ворона и стали

*Деревянная резьба на двери ставкирки в Урнесе (Норвегия).
Возможно, здесь изображен олень, объедающий листву Мирового древа*

громко каркать, показывая, что Один принял жертвоприношение («Сага об Олаве сыне Трюггви», глава 27). Снорри упоминает одного норвежского конунга, который приносил жертвы корове (*blét kú eina*) и брал ее с собой во все походы («Сага об Олаве сыне Трюггви», глава 64); ср. также в «Саге о Рагнаре Меховые Штаны»:

Конунг Эйстейн был могущественный, злобный и всё же умный, и было у него много людей. Он жил в Упсале. Он был ревностный язычник, и в то время в Упсале совершалось столь много жертвоприношений, как нигде в Северных Странах. Они очень верили в одну корову, которую называли Сибилья. Ей очень поклонялись, и никто не мог противостоять её мычанию. И поэтому конунг привык, когда ожидалась вражеская армия, чтобы эта самая корова шла перед полками, и столь великая мощь дьявола содействовала ей, что недруги его сходили с ума, когда слышали её, и бились сами с собой, потеряв осторожность¹.

В «Пряди о Тидранди и Торхалле» (глава 3) упоминается бык, прозванный Вещуном (*Spámaðr*). В некоторых источниках сообщается о почитании священных вепрей (*sonargeltir*): люди приносили клятвы на их щетине («Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда», прозаическая часть после строфы 30; ср. также главу 10 «Саги

о конунге Хейдреке Мудром»). Наибольшим почетом пользовались кони (жеребцы), мясо которых служило церемониальным угощением на жертвенных пирах. Бранд из Северной Исландии держал коня по имени Факси («гривастый») и «верил» в него (*hefði átrúnað á Faxa*) («Сага о людях из Озерной Долины», глава 34), а герой «Саги о Хравнкеле» делил своего коня с Фрейром (глава 3) (см. Liestøl 1945, 59 и далее). В «Книге с Плоского Острова» (I.291) упоминается норвежская конюшня, посвященная тому же богу.

Воронам, коровам и быкам, коням и вепрям поклонялись не ради них самих — точно так же, как Кодран из «Пряди о Торвальде Путешественнике» поклоняется не самому валуну, а обитающему в нем духу. Ворон, указывающий путь мореплавателю, символизирует или воплощает Одина или другого бога и уделяет человеку от его мудрости. Священные кони древних германцев, упомянутые Тацитом, почитались как посредники богов: их ржание и фыркanye толковали как божественные знамения («О происхождении германцев...», глава 10). Божество могло обитать даже в фаллосе мертвого коня (см. «Прядь о Вельси»): этот объект чтили и называли богом, потому что в нем заключалась сила бога плодородия.

Рассказы такого типа, хоть и дошедшие до нас в основном от христианских авторов, помогают понять, как язычники воспринимали идолов и другие культовые объекты. Если идол в подобных историях движется, выражая благоволение

¹ Глава 9, пер. Т. Ермолаева.

или гнев, язычники полагают, что в него «вселилось» божество (хотя христиане утверждают, что это демон, которого язычники принимают за бога).

Статуя становится вместилищем бога отчасти потому, что ей оказывают знаки почтения и приносят жертвы. Примером этому служит эпизод из «Большой саги об Олаве сыне Трюгви»: на острове у побережья Норвегии жил некий Рауд, который содержал капище, посвященное Тору. Рауд был «очень усердным жертвователем» (*hinn mesti blótmaðr*) и с помощью обильных жертв наделил статую Тора силой (*magnaði*). После этого устами идола стал говорить «демон» (*at feandinn mælti vid hann or skurgodinu*); кроме того, статуя обрела подвижность и ходила вместе с Раудом по острову. В истории о Кодране (из «Пряди о Торвальде Путешественнике» и «Саги о крещении Исландии») «демон», обитающий в валуне, может обеспечивать процветание и предсказывать будущее благодаря жертвам, которые ему приносят. Когда ему перестают оказывать почтение и окропляют валун святой водой вместо жертвенной крови, «демон» теряет силу: так, он приходит к Кодрану во сне уже не в пышных нарядных одеждах, как обычно, а в рваной меховой куртке. Иными словами, как только прекращаются жертвоприношения, валун становится непригодным для бога, и тот уходит, опечаленный и обнищавший. ❖

ЛИТЕРАТУРА

1. Grimm 1900 = Grimm, J. *Teutonic Mythology*, 4 vols. Tr. by James Stallybrass, 1900.
2. Krappe 1928–1929 = Krappe, A.H. *Acta Philologica Scandinavica*, III.
3. Kristjánsson 1956 = Kristjánsson J. (ed). *Íslenzk Fornrit IX*, 1956.
4. Liestøl 1945 = Liestøl, A. *Maal og Minne*, 1945.
5. Mogk 1913–1915 = Mogk, E. // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, 1913–1915.
6. *Norges gamle love* = *Norges gamle love*, ed. R. Keyser and P.A. Munch, etc., 1846–1895.
7. Palme 1959 = Palme, S.U. *Kristendomens genombrott I Sverige*, 1959.
8. Schröder 1941 = Schröder, F.R. *Ingunar-Freyr*, 1941.
9. Wessén 1924 = Wessén, E. *Studier till Sveriges hedna mytologi*, 1924.

Это самые старые известные на сегодняшний момент примеры написания слова «Один», что указывает на то, что уже в 400-ые годы этот скандинавский бог стоял в центре культа.

Лисбет М. ИМЕР¹,
Кристер С.К. ВАССХУС²

Самое раннее в мире упоминание Одина: уникальный клад из Винелева

Древние золотые медальоны, обнаруженные археологами-любителями, содержат самое раннее в мире упоминание имени бога Одина.

В декабре 2020 года двое закадычных друзей — археологов-любителей — отправились прогуляться с металлоискателем по полю в Йеллинге.

Они и не подозревали, что своими находками, сделанными на той прогулке, они буквально вписали страницу в историю Дании — и задали нам самую трудную задачу, которая вообще когда-либо стояла перед нами как соответственно рунологом и языковедом.

Клад из Винелева (Vindelev-skatten), как окрестили эту находку, составляет 800 грамм чистого золота и является одним из крупнейших золотых кладов, найденных в Дании в недавнее время.

Он поражает нас не только древним красным золотом, но и тем, что в нём обнаружены брактеаты, на которых есть руны.

А этими рунами записана история Дании.

На 100 лет старше самой ранней до сих пор находки

Два из этих брактеатов содержат весьма длинные надписи, в которых фигурирует имя Одина — верховного бога-аса.

Датируются эти брактеаты пятым веком и, таким образом, являются наиболее ранними в мире примерами упоминания имени Одина — во всяком случае, на данный момент.

До сих пор самой ранней надписью, в которой фигурирует Один, была надпись из южной Германии.

У большого захоронения в Нордендорфе была обнаружена фибула, датируемая второй половиной шестого века, а имя этого бога было вырезано на её задней стороне.

Чтобы найти имя Одина в Дании, придётся перенестись в первую половину восьмого века, то есть уже на «порог» Эпохи викингов: тогда мы встречаем имя Одина на фрагменте человеческого черепа из Риббе. В этой надписи Один призывается как один из трёх богов, могущих помочь обладателю данного амулета против болезни.

Имя Одина известно в рунических надписях по всему миру и встречается в т.ч. в ряде континентальных и древнеанглийских письменных источников, например, в «Происхождении лангобардов», «Sächsisches Taufgelöbniß» (Древнесаксонский обет при крещении) и «Nigon Wyrta Galdor» (Заклинание девяти трав).

В данной статье мы расскажем, в чём состоит исключительная уникальность клада из Винелева и почему рунические надписи на древних брактеатах оказались для нас самой сложной задачей.

¹ Лисбет М. Имер — рунолог и старший научный сотрудник (seniorforsker) Национального музея
² Кристер С.К. Вассхус — Ph.D. Института лингвистических, литературных и эстетических исследований (Institut for lingvistiske, litterære og estetiske studier)

Золотые подвески

Раскопки, предпринятые музеем г. Вайле, показали, что в тех местах, где нашли клад, был расположен хутор, состоявший из нескольких «длинных домов» и изгороди.

Значит, клад, очевидно, принадлежал местному аристократу или конунгу, который и закопал его в доме или рядом с домом.

В пятом и шестом веках у богатых аристократов или мелких конунгов в ходу были золотые украшения-подвески, с помощью которых они демонстрировали свой статус и богатство.

Мотив изображений на этих украшениях, называемых брактеатами, был навеян римскими императорскими медальонами. На многих брактеатах представлен некий мужской персонаж в профиль, иногда в сопровождении четвероногого животного, очевидно, коня.

Более 1000 брактеатов в Северной Европе

- Во всей Северной Европе обнаружено более 1000 брактеатов, из них более 200 с надписями.
- Абсолютное большинство рунических надписей на брактеатах с языковой точки зрения лишено смысла.
- Обычно высота рун — 2–3 мм, места для надписей мало.
- В основном надписи состоят из коротких священных слов или искажённых копий утраченных надписей, имевших значение.

Источник: Лисбет Имер и Кристер Вассхус

Это Один?

На протяжении многих лет учёные спорили, кем являются персонажи, изображённые на брактеатах: Один ли это, или конунги, князья или аристократы.

Рунические надписи на Винелевских брактеатах, скорее всего, указывают на последнее.

Возможно, брактеаты отдавали важным союзникам. У Саксона Грамматика упоминается легендарный конунг Фроде, у которого была золотая нашейная цепь, которую он мог использовать для вознаграждения.

Эта цепь была составлена из нескольких звеньев, перемежающихся изображениями конунгов. Такие цепи с брактеатами обнаружены во многих местах в Дании.

Длинная руническая надпись, содержащая имя Одина

Один из Винелевских брактеатов совершенно уникален и весьма ценен для исследования.

Он содержит длинную руническую надпись, весьма хорошо выполненную и обладающую языковым значением.

Надпись идёт по кругу вокруг изображения на брактеате, представляющего в профиль лицо конунга с роскошной причёской. Перед его лицом изображены свастика и полукруг — возможно, они символизируют солнце и луну.

Под лицом находится четвероногое животное, очевидно, конь, с ярко выраженной сбруей, а изо рта у него что-то торчит. Ухо коня направлено к раскрытому рту конунга.

Мотивы изображений на брактеатах наносились на матрицы (штампы) из бронзы, а затем штамповались на золотых пластинах. Таким образом можно было изготавливать несколько брактеатов с одним и тем же мотивом. Надпись, которая на данном брактеате идёт справа налево, изначально была нанесена на матрицу слева направо.

Истёрто и написано без пробелов

Хотя сами руны хорошо выполнены и легко поддаются прочтению, понять текст проблематично.

Происходит это, во-первых, по той причине, что брактеат сильно потёрт, так что руны на

некоторых важных местах почти исчезли. А во вторых, надпись непрерывная.

То есть она написана без пробелов и без каких-либо знаков, указывающих, где заканчивается одно слово и начинается следующее.

Вдобавок, языку, представленному на брактеатах, уже более 1500 лет.

По следам охотника

Первая часть текста на брактеате особенно трудна, потому что состоит частично из слов, не известных нам по другим источникам, а частично — из слов, которые, похоже, не укладываются в рамки истории развития языка.

Открывается надпись предположительно словом *hostiōz*, которое может означать «жертвенные животные». В таком случае это латинское заимствование — а это означает, что слово *hostia* было взято из латыни в прагерманский язык.

Последующее длинное словосочетание, очевидно, содержит заявление о том, что кто-то помогает охоте или охотнику.

А может, мы здесь сталкиваемся с личным именем или прозвищем *Jaga*, — а оно могло восприниматься и как игра слов с глаголом «*at jage*» — «охотиться».

Медальон конунга?

Больше всего мы уверены в последней части надписи. Она гласит: *iz Wōd[a]nas weraz*, что можно перевести как «он — человек Одина».

Но кто же этот «человек Одина»? Он мог быть охотником, вероятно, носившим имя (прозвище) *Jaga*.

Но кто же этот охотник или *Jaga*?

Нам известно, что Саксон Грамматик называл изображения на брактеатах «конунгами», а также нам известно, что брактеаты воспроизводят изображения римских императоров.

Значит, эту надпись можно толковать как представление изображённого персонажа, являвшегося конунгом.

Этот конунг характеризуется как «человек Одина», что указывает на то, что его власть легитимирована богами, а может, это также говорит нам о том, что он — глава культа в данном обществе.

Длинная надпись на другом брактеате из Винелевского клада — плохо сделанная копия красиво выполненной надписи.

Ещё одна Винелевская надпись с именем Одина

Судя по всему, эта длинная надпись была скопирована на один из других брактеатов, но в гораздо худшем исполнении.

На этом брактеате также представлен конунг в профиль — с роскошной причёской и над конём, ухо которого направлено ко рту конунга.

Перед лицом конунга расположены те же самые символы, как и на первом брактеате, и вдобавок к ним три точки, видимо, символизирующие звёзды.

Как изготавливается брактеат

Берётся тонкая круглая золотая пластинка (bractea) и штамп (матрица) из более твёрдого материала, например, бронзы.

На этом штампе вырезается изображение и надпись — то есть при помощи одного и того же штампа можно изготавливать брактеаты в неограниченном количестве — во всяком случае, пока штамп не сломается.

Таким образом, брактеат из Винелева с плохо выполненной надписью изготовлен при помощи того же самого штампа, что и брактеат из Больбро — то есть они братья-близнецы, а наш брактеат с именем Одина только похож на них — он как бы их двоюродный брат, изготовленный при помощи другого штампа.

Надпись идёт по кругу вокруг изображения на брактеате, и некоторые из знаков в ней — явно руны, в то время как другие лишь напоминают их или представляют собой стёртые длинные штрихи.

Похоже, будто создатель матрицы для этой надписи не совсем понимал текст, а скопировал лишь внешний вид знаков — насколько у него получилось.

А существует ли священный текст с таким значением?

Смысл этой надписи совершенно определён — был таким же, как на первом брактеате, но есть одна деталь, не позволяющая интерпретировать её как прямую копию первой.

Дело в том, что имя Одина там написано другим способом, и к тому же похоже, будто писавший перепутал местами две руны: хотел написать *woranas*, но вместо этого написал *rowa(nas)*.

Две руны, обозначающие звуки /w/ и /r/, выглядят почти одинаково, так что перепутать их немудрено, особенно, когда высота рун всего 2 мм.

Это значит, что когда-то существовала и третья надпись с тем же содержанием, что и на этих двух брактеатах.

Видимо, это был очень важный, а может быть, священный текст, который хотели копировать многие.

Для конунга могло существовать много веских причин, чтоб преисполниться силой и магическими способностями Одина.

Два почти идентичных брактеата, изготовленных при помощи одного и того же штампа. Но один из них найден в Винелеве, в Ютландии, а другой — в Больбро, на острове Фюн.

Разрешение одной старой загадки

Длинная завершённая надпись на брактеате из Винелева — ключ к ряду неразрешённых загадок железного века.

Она показывает, что Один — очень древнее божество, известное уже в пятом веке, и что изображения на брактеатах скорее надо интерпретировать как конунгов, чем как самого этого бога.

А также это ключ к пониманию того, что не поддающиеся прочтению надписи на брактеатах изначально обладали смыслом.

Также надо отметить забавную деталь: у брактеата из Винелева с плохо выполненной надписью есть «близнец» из Больбро на окраине Оденсе, изготовленный при помощи той же самой матрицы.

Брактеат из Больбро был найден в 1852 году и с тех пор хранился в фондах Национального музея.

То есть в последние 170 лет в экспозиции Национального музея находилась очень древняя надпись с упоминанием Одина, но об этом никто не знал до самого обнаружения клада из Винелева.

Лисбет М. Имер (Lisbeth M. Imer) и Кристиан С.К.Вассхус (Kristen S. K. Vasshus) публикуют научную статью о рунических брактеатах из Винелева в международном научном журнале «NOWELE» (North-Western European Language Evolution), который выйдет в свет в апреле — мае 2023.

Клад из Винелева будет экспонироваться на выставке датских кладов «Охота за историей Дании» (Jagten på danmarkshistorien) до конца 2023 года. Брактеат из Больбро входит в состав постоянной экспозиции национального музея.

Оригинал статьи взят с датского научного портала [videnskab.dk](https://videnskab.dk/kultur-samfund/verdens-aeldste-odin-fundet-i-vindelev): [https://videnskab.dk/kultur-samfund/verdens-aeldste-odin-fundet-i-vindelev/](https://videnskab.dk/kultur-samfund/verdens-aeldste-odin-fundet-i-vindelev)

Перевод с датского О.А.Маркеловой
Фото: Арнольд Миккельсен. Национальный музей

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод: ESGAL

Дорога в Хель

ПЕРЕВОДЫ

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40 номере «Северного ветра».

Погребальный корабль

Археологические материалы не могут дать ничего для устранения разрыва во времени между корабельными погребениями, воздвигавшимися в Готланде в начале Железного века, и могилами, содержащими захороненные или сожжённые останки кораблей, о которых у нас есть данные из Скандинавии примерно 500 г. н.э. Всегда есть вероятность, что более ранние корабли делались без заклепок, как, впрочем, и в случае с экземпляром, добытым из болота,¹ и поэтому могли не оставить никаких следов, когда дерево сгнило или сгорело; если это было так, то погребальные корабли могли вернуться на Север раньше, чем нам это известно. С другой стороны, Линдквист² осторожно предположил, что найденные в ранних могилах заклепки не обязательно корабельные, но с большей вероятностью остались от больших сундуков, сожжённых или захороненных вместе с покойником. Он не признавал чётко выраженных примеров погребальных кораблей прежде самых ранних вендельских могил, которые датирует приблизительно 600 г. н.э.

Могила в Венделе³, конечно, представляют яркий пример погребальной ладьи. Два из четырнадцати захоронений находятся в слишком плохом состоянии, чтобы можно было сказать что-то определённое, но, безусловно, все

кроме одного содержат в себе корабли. Весьма разочаровывает отсутствие реальных человеческих останков; во многих случаях они полностью отсутствуют, возможно, потому, что могилы были ограблены, в то время как другие могилы содержат лишь несколько фрагментов человеческих костей. Что-либо напоминающее скелет содержат только могила номер IX, предположительно датированная десятым веком, где были найдены останки сидящего на стуле мужчины, и одна из самых ранних могил, номер XIV, где оставалось достаточно, чтобы показать, что вождь в полном доспехе также сидел в корме корабля рядом с конём. Это могила, которую Линдквист считает самой древней из всех, датируется 600 г. или чуть ранее. Хотя человеческие останки мизерны, могилы содержат большое количество костей животных. Найдены обычные домашние животные — овцы, крупный рогатый скот, свиньи, какие-то из них лежали внутри корабля, другие вне его; сохранилось очень много скелетов лошадей, особенно в ранних могилах, где иногда встречается ряд их, выстроенный по правому борту с головами, направленными к носу судна. Попадают большие и маленькие собаки, несколько ястребов и, по крайней мере, одна утка и один гусь. Воины, похоже, были обеспечены всем их оружием, а в передней части корабля находились котлы, кухонная утварь и т.д. В могиле XIV покойника явно намеренно снабдили пищей, потому что

1 Nordiske Fortidsminder, in, I, p. 72 f. («Hjortspringfundet»).

2 Lindqvist, Fornvånnen, 1921, p. 100 f.

3 Stolpe and Arne, La Nücropole de Vendel (Stockholm, 1927), p. 8 f.

вместо обычно целых скелетов животных найдены остатки сустава, бедро и голова овцы.

Также останки животных обнаруживаются в могилах кремированных королей в Уппсале, хотя, исходя из размера и формы найденных заклепок, Линдквист утверждает,⁴ что там не могли сжечь ни одного корабля. Мёртвые, чей прах покоится в этих могилах, предстают сожжёнными в грубой хижине или погребальной камере, слева есть отчётливые следы сгоревших дотла опорных стоек. Линдквист указывает, что существует поразительное сходство между этими находками и обычаями установки погребальных камер на захороненных в земле кораблях, как в случае трёх громадных ладей эпохи Викингов, раскопанных в Норвегии.

Эти три корабля, из Осеберга, Гокстада и Туны, отмечают кульминацию практики погребальных кораблей, и, к счастью, характер почвы и достаточно позднее время их открытия, позволившее перенести их и научно восстановить, сохранило для нас кое-что из их содержимого. Все три подверглись грабежу, но в Осебергском и Гокстадском кораблях осталось достаточно сопровождающих предметов, чтобы дать представление о богатстве и разработанной церемонии похорон. Прежде чем над кораблём и его содержимым был насыпан большой погребальный курган, на каждый корабль установили грубо сколоченную из дерева погребальную камеру.

В Осебергском корабле⁵ находился богатый сопровождающий инвентарь, хотя наиболее ценные сокровища, в частности, ювелирные изделия и украшения похороненной там женщины, должно быть, расхитила группа грабителей. От их внизания больше всего пострадала погребальная камера, но кое-что из её содержимого уцелело. Там нашли сундук с дикими яблоками и зерном и ещё множество небольших предметов, таких как железные зажимы, расчески и подобное; разбросанные обломки одной или, возможно, двух кроватей с большим количеством мягкого материала, который, скорее всего, служил покрытием кровати или висел на стене; четыре резных столба в виде голов животных, красивых и сложных по исполнению; множество вёдер, одно с дикими

яблоками; и табурет и оборудование для ткачества. Надстройку корабля оснастили как хорошо оборудованную кухню с посудой, точильным камнем и т.п. В носовой части находились различные предметы из снаряжения корабля, такие как трап, бочки и крепления для тюков, а также изысканная повозка с уложенной сверху кроватью и четверо саней. Повозка, исходя из её положения, должна быть одним из первых объектов, внесённых на судно, её и трое саней искусно и тщательно изготовили, они, возможно, предназначались для церемониального использования и были заняты в похоронной процессии, когда тела доставляли на борт. На корабле были найдены останки многих животных, в корме лежало тело быка, в передней части корабля — четыре собаки, а рядом с ними куча конских скелетов, показывающая, что убиты были, по крайней мере, десять животных. Головы лошадей и собак отделили от тел, в то время как голову быка обнаружили, как ни странно, установленной на большом спальном месте в носовой части корабля.

Ладья стояла в кургане пришвартованной к большому камню, и прежде чем засыпать землей, внутрь и вокруг неё набросали множество других камней. Однако контрастируя с этим некоторые весла стояли в рабочем положении, хотя другие лежали также к востоку от погребальной камеры и не составляли полный набор. Вопрос, кем была умершая женщина, для которой подготовили этот великолепный антураж, остаётся без ответа. Кости в могильной палате безжалостно разбросали разбойники.⁶ По-видимому, там были положены две женщины, одна, чей скелет полный, за исключением некоторых костей правой руки и левой руки, находилась в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами. От другой осталось несколько костей; части черепа, предположительно, принадлежат более молодой женщине, ей между двадцатью пятью и тридцатью. Недостача костей рук и руки первой женщины, может объясняться тем, что грабители унесли их вместе с кольцами и браслетами, их украшавшими, но была ли вторая украшена столь богато, что было забрано практически всё тело, — вопрос, на который, похоже, мала вероятность получить ответ. Так же невозможно сказать, является ли одна из двоих служанкой,

⁴ Lindqvist, *Fornvånnen*, 1921, pp. 100 f., 187 f.

⁵ *Osebergfundet* (Brugger, Falk, *Shetelig: Christiania*, 1917), 1, p. 17 f.

⁶ *Osebergfundet*, 1, p. 147 f.

обслуживавшей хозяйку, или это было двойное захоронение членов одной и той же семьи. Не найдено узнаваемых следов одежды, за исключением подошвы обуви, которую могли уронить разбойники, ещё пары обуви в погребальной камере и одной сандалиии в носовой части.

В Гокстадском корабле⁷ не осталось богатых предметов кроме экземпляра саней, которые, возможно, использовали в похоронах. Там нашли деревянные элементы оснастки корабля, в том числе украшенный орнаментом румпель, несколько кухонных сосудов, большой медный котел, среди несколько бронзовых пряжек и украшений с одежды покойного сохранилось нечто, что представляется игровой доской. Останки скелета указывают, что погребен был мужчина, по крайней мере, пятидесятилетнего возраста или старше, страдавший от хронического ревматизма, должно быть, превратившего его к моменту смерти практически в калеку, и высказывалось предположение, что его можно идентифицировать с Олафом Гейрстатским, правителем Вестфольда, умершим от «болезни ног» (*fötverkr*) около 840 г.⁸ При похоронах убили, по крайней мере, двенадцать лошадей и множество собак, их поместили в кургане вне корабля, зато внутри были найдены останки павлина. Интересной особенностью этого захоронения является, по-видимому, умышленное повреждение некоторых предметов перед помещением в ладью, что не может быть отнесено к делу рук грабителей погребальной камеры. В частности, сани были разбиты на разбросанные по кораблю фрагменты.

Третий погребальный корабль из Туны,⁹ раскопанный еще в 1867 году, сохранился очень плохо. Корабль содержал кремационное погребение, и, похоже, что внутрь могильной камеры были заложены лошади. Из отчета об этих находках представляется, что погребение было мужским, но практически ничего не сохранилось. Могилы ограбили, как и две вышеописанные.

Использование погребальных камер на этих трёх кораблях, где, как мы знаем по Осебергскому, могли быть установлены кровати для отдыха мёртвых, контрастирует с Вендельскими могилами, в

практике которых, по-видимому, мёртвого воина устанавливали в корме в вертикальном положении; возможно, действительно существовала практика хоронить женщин таким образом. Однако то, что Осебергский корабль не был единичным случаем, подтверждается находками из Туны из местечка Алсике,¹⁰ где были раскопаны несколько могильных ладей эпохи Викингов или несколько более ранних, и находки во многом похожи на могильник Венделя, среди них были найдены и останки женщины; к сожалению, структура захоронений очень плохо сохранилась, земля была много раз потревожена, так что детализировать индивидуальные могилы невозможно. Насколько может быть установлено, покойники лежали или сидели в своих кораблях, как и в Вендельских могилах.

Линдквист очень хочет установить связь между погребальной камерой в обсуждавшихся выше трёх больших кораблях и примитивными камерами на деревянных столбах из могил в старой Упсале, где, по-видимому, мёртвых подвергали сожжению. Помимо всего прочего, личные вещи возле тел, кухонная утварь в надстройке судна и множество убитых животных — некоторые внутри судна и другие вне его — характерны также для вендельского и тунского захоронений, хотя усекования глав животным представляется новой практикой.

Помимо собственно Скандинавии, где в далёком 1906 г. Шетелиг¹¹ разбил на четыре формы ряд захоронений, содержащих корабли, есть сведения о той же практике в землях, колонизированных норвежцами и шведами в эпоху Викингов. Обожжённые сосуды находят в могилах в Финляндии с седьмого века;¹² они свидетельствуют о наличии шведских поселений на территории северной России,¹³ несколько погребальных кораблей были обнаружены и в Исландии, хотя ни одна из этих могил не имеет такого размаха и сложности, как описанные ранее. Как ни странно, о погребальной ладье из Дании данных мало, хотя в 1935 г. в Лэдби на острове Фюн возле Оденсе было раскопано богатое погребение в корабле.¹⁴ Некото-

7 N. Nicolaysen, *Laugskipet fra Gokstad* (Christiania, 1882).

8 *Ibid.* p. 70.

9 Montelius, «Högsättning i skepp under Vikingatiden», *Svensk fornminnesfören tidskrift*, VI.

10 «*Stolpe, Tuna-fyndet*», *Ymer*, 1895, p. 219 f.

11 *Shetelig, Viking Club Saga Book, IV*, 1906, p. 326 f.

12 *Hackrnan, Om likbränning i batar... i Finland* (Finskt Museum, 1897).

13 *Arne, La Suède et l'Orient* (Uppsala, 1914), pp. 32—33.

14 E. M. Hardy, *Mariner's Mirror*, XXV, a, April (Review of original report).

рые детали напоминают крупные норвежские захоронения, так как в корабль поместили скелеты одиннадцати лошадей и несколько собак с их амуницией. Тело пропало без вести, и, вероятно, было утрачено множество богатейших и интереснейших сопутствующих вещей, ведь даже кусок бронзового сочленения для собачьего поводка оформлен в стиле орнамента Эллинге, процветавшего в начале десятого века. В Бретани около 1909 г. был раскопан большой курган, содержащий могилу вождя, сожжённого в своём корабле,¹⁵ и включавший большое количество сопровождающих предметов и отдельные кости животных; думается, судя по человеческим останкам — плохой сохранности — что там могло быть захоронено двое лиц. Меньший погребальный корабль, в котором обнаружили останки лошади, был найден на острове Мэн в 1928 году.¹⁶ Однако в целом поселения викингов на Британских островах, к сожалению, дали очень мало примеров погребальных ладей, и лишь небольшое количество могил на Гебридских островах и Оркнейях содержат заклепки, указывающие на сожжённые или погребённые в них корабли.¹⁷

Однако в юго-восточной Англии найдены экземпляры погребальных ладей более раннего периода. Первым открытием стал корабль, захороненный в кургане у Снейп Коммон возле Олдборо.¹⁸ Когда в 1862 году здесь была раскопана группа курганов, в ненарушенной почве под крупнейшим из них нашли остатки обшитой внахлест лодки около 48 футов длиной. К сожалению, внутри больше не обнаружили ничего, кроме двух клубков того, что посчитали человеческими волосами, фрагментов кубка из зелёного стекла раннего англо-саксонского стиля и золотого кольца позднего Римского периода. Стекло и кольцо делают вероятным датирование ранним Англо-Саксонским периодом, и поэтому погребение относят к шестому веку или даже пятому. Поэтому он остался в гордом одиночестве, ведь на Британских островах нет сведений о других погребальных кораблях ранее эпохи Викингов. Однако летом 1939 года такая ранняя датировка была в значительной степени подтверждена впечатляющим

открытием, сделанным в Саттон Ху, недалеко от Вудбриджа в Суффолке. На высоком участке земли над рекой Дебен стоял ряд курганов, и в 1938 году два меньших были раскопаны, тогда обнаружилось, что в одном имеются следы лодки от 18 до 20 футов длиной с округлой кормой. Внутри остались только несколько золотых обломков, видимо, предметы были удалены. Второй курган содержал кремированные останки, которые можно соотнести с объектами предположительно шестого или седьмого века, но их недостаточно, чтобы сделать какие-либо определённые выводы. Третий, и самый большой из группы, курган был вскрыт летом следующего года и обнаружил поистине удивительную находку — англо-саксонской погребальный корабль королевского размаха.¹⁹ Судно вытащили из реки в полукилометре оттуда и опустили в его последнее пристанище сверху, как гроб; хотя дерево сгнило, можно было отчетливо прочесть контур, это была обшитая внахлест лодка для тридцати восьми гребцов длиной 85 футов. Погребальную камеру поместили посередине корабля и построили довольно грубо из дубовых досок и с двускатной крышей, возможно, покрытой дёрном. Попытки ограбить курган счастливо провалились из-за глубины, на которой был погребён корабль, и повреждение содержимого было вызвано лишь падением крыши погребальной камеры много лет спустя после погребения, когда вес песка стал для неё слишком тяжёл. Таким образом, у нас есть почти уникальная возможность наилучшим образом изучить погребальный корабль в довольно хорошем состоянии и не тронутый человеческой деятельностью со дня, когда его поместили в землю.

Сопровождающие предметы были найдены лежащими на полу камеры, хотя, возможно, некоторые могли висеть на стене, пока та не рухнула. Там оказалось огромное количество очень разнообразных объектов. Некоторые представляют собой часть церемониального убранства короля; там был, например, умбон могучего щита, слишком огромного для обычного использования; большой железный предмет, декорированный бычьими головами — возможно, переносной факел, предназначенный для втыкания в землю или другое символическое устройство

15 Chatellier and Pontois, *Viking Club Saga Book*, VI, 1909, p. 123 f.

16 Kermodé, *Journal of Society of Antiquaries*, 1930, p. 126 f.

17 *Ibid.* p. 133.

18 Smith, *Victoria County History of Suffolk*, p. 325.

19 *Antiquity*, March 1940, «The Sutton Hoo Ship-burial».

для горящего пред королем огня; и великанское точило, с каждого конца украшенное странными человеческими головами, вырезанными в виде барельефа. Там было также оружие: меч в ножнах, великолепный шлем с бронзовым забралом, изукрашенный золотом и серебром, большой железный меч с широким лезвием, железный топор и несколько других мечей и ангонов, стрелы и наконечники копий, вставленные в ручку бронзовой чаши. Была также какая-то кольчуга в очень плохом состоянии. Среди других сокровищ оказались девять серебряных чаш, семь из них прекрасно сохранились; две серебряные ложки и несколько рогов в серебряной оправе, раздробленные после обрушения постройки, но всё ещё опознаваемые; большое серебряное блюдо византийского производства, с более мелким под ним; шесть бутылок из тыквы; серебряные ковши и маленькая миска; и два круглых бронзовых подвеса, возможно, упавшие с крыши. Там была также деревянная кадка и три бронзовых котла и железные снасти для их установки. Наконец, было то, что можно назвать личными вещами: небольшой музыкальный инструмент, таинственный маленький лоток из ценных пород дерева, украшенный гранатами, две богатых золотых застёжки в технике перегородчатой эмали, которые, возможно, были предназначены для плеч кирасы, золотая застёжка от кошелька, две пряжки, несколько золотых бляшек, наконечник ремня и другие небольшие предметы подобного рода. Все эти украшения, за исключением самих больших пряжек, лежали в положении, предполагающем, что прежде они висели на стенах. Среди массы остатков текстиля и кожи были найдены большая кожаная сумка с серебряной ручкой и ещё одна поменьше и, наконец, сорок золотых монет Меровингов, вывалившихся из кошелька.

Наиболее важные из сопровождающих предметов и всё личное снаряжение размещались в западной части погребальной камеры. В восточном конце стояли котлы и различные бытовые сосуды, в то время как предметы типа посуды и рога лежали посередине. Можно было ожидать нахождения тела в западном конце камеры, но абсолютно никаких следов человеческих останков не обнаружено, и нет признаков обгоревших костей или какого-либо сосуда, куда могли сложить кремированные останки; положение пряжки,

шлема и т.д. не создает впечатления, что они могли быть размещены на мёртвом теле. Это не первый случай находки загадочно пустой могилы; в нескольких вендельских могилах не было человеческих останков, и ничего не было найдено в датском погребальном корабле на Фюне или в корабле с раскопок в Снейп Коммон.²⁰ Однако в этих случаях могилы либо были вскрыты разбойниками, либо по иным причинам находились в столь плохом состоянии, что не позволяли сделать определенных выводов, было там тело или нет. В могилу в Саттон Ху, однако, никто не входил со времени, когда её закрыли при похоронах, и исследовавшие её археологи уверены, что человеческие останки не могут исчезнуть бесследно. Высказывалось предположение, что курган могли возвести как кенотаф в память короля, погибшего в море; и так, возможно, могло быть и для других могил, загадочно оставшихся без поселенцев, в Скандинавии известно много примеров такой некогда бытовавшей практики. Несомненно, одним из точно установленных примеров является описание кургана Фарманнов в Норвегии, по-видимому, возведённого в качестве памятника одному или нескольким членам королевской семьи Вестфольда, к которой принадлежал конунг Харальд Прекрасноволосый. Брюгге в своей описи захоронений упоминает и другие примеры курганов в Скандинавии, в которых не найдено человеческих останков.²¹ В одной из могил христианского периода, раскопанных в поселении викингов в Гренландии, была обнаружена изрезанная рунами палочка, которую, судя по всему, захоронили вместо умершего человека, чьё тело осталось погребённым в море.²²

Г-н Филлипс отметил, что ещё один пример тщательно разработанного погребения времен Саксона Грамматика — могила Брумфальд — судя по описаниям, свободна от человеческих останков, поскольку имеющиеся там углерод и сажа хотя и могут свидетельствовать о возможной кремации, скорее всего, являются следами сгнивших деревянных ворот. Ещё одной приводящей в недоумение особенностью захоронения Саттон

20 Похоже, что масса, принятая за человеческие волосы, может быть шерстью какого-то животного (Phillips, *Antiquity*, op. cit. p. 6).

21 A. V. Brügger, *Af.n.O.* 1921, p. 117 f.

22 P. Norlund, *Viking Settlers in Greenland* (Cambridge, 1936), p. 51 f.

Ху является грубый глиняный сосуд, который, по видимому, помещался над крышей погребальной камеры и предположительно предназначался для возлияний.

Особенности находок позволяют датировать могилу началом седьмого века. Нумизматы, исходя из признаков монет, определяют дату из середины века или, во всяком случае, после 630 г. Но такая поздняя датировка крайне маловероятна, поскольку мы знаем, что христианство было окончательно установлено в Восточной Англии в 640г., а захоронение данного типа должно требовать возвращения языческих обычаев, для чего у нас нет доказательств. Если принять дату между 600 и 640 гг., представляется вероятным, что кенотаф, если это кенотаф, принадлежит Редвальду, правившему Восточной Англии примерно с 593 по 617 гг. и единственному из королей, получившему титул Верховного короля Британии, который принадлежал ему несколько лет до смерти. Это предложение Чадвика²³ поддерживается изображением Бедой Достопочтенным короля как человека, который никогда не отказывался полностью от своих языческих верований, и вероятностью, что расположенный всего в четырех милях от этой группы курганов Рендльшам был резиденцией Редвальда. Кажется возможным, что король с известной склонностью к старой вере, более того, которого пережила с энтузиазмом его поддерживавшая жена, и был человеком, в честь которого насыпан курган; и это оказывается ещё более вероятным в свете факта, что к концу своего правления он, должно быть, стал самым богатым королём в Англии.²⁴

Курганы в Саттон Ху, два из которых содержат погребальные корабли, с очевидностью образуют часть захоронения, которое уходит корнями в языческий период, и чья главная могила чудом осталась нетронутой. Раскопки оставшихся курганов могут пролить свет на датировку сокровища. Но мы, несомненно, имеем здесь пример развитой традиции захоронения в корабле в англо-саксонский период в королевстве Восточной Англии, соответствующей времени Вендельского могильника в Швеции. Кроме того, возведённая здесь над кораблем погребальная камера обеспечивает параллель с более поздними захоронениями в

ладьях эпохи Викингов и, вероятно, также с погребальной камерой, следы которой остались в Уппсальской могиле. Курганы у Снейпа, где был найден другой погребальный корабль, указывают на второе кладбище чуть дальше вдоль восточного побережья Англии; если для этого погребения верно предположили более раннюю дату, то у нас на Британских островах есть погребения в кораблях столь же ранние, как любое из описанных до настоящего времени в Скандинавии. Указание Шетелига на тесные культурные связи между Англией и Скандинавией, подтверждаемое сокровищами из Саттон Ху и сходством между ними и объектами вендельских могил, вероятно, станет ещё более ясным, когда находки будут отреставрированы и изучены после того.

Наши сведения о погребальных ладьях можно кратко сформулировать следующим образом: могилы, сделанные в виде кораблей, мы находим на Севере в начале Железного века; затем следует длинный разрыв на время, когда были общеприняты могилы с трупосожжением и позже, согласно римской моде, с трупоположением; и затем, как кремационные, так и ингумационные сложно организованные погребения в кораблях достоверно практикуются в Скандинавии и англо-саксонской Англии в седьмом веке и, возможно на век или более ранее. Этот большой разрыв во времени вызывает недоумение, и ещё большее — изоляция могил в форме корабля на Готланде и по другую сторону Балтики в эпоху раннего Железа. Эта изоляция, однако, не будет столь полной, если мы обратимся от формы могилы самой по себе к кораблю, как символу, и к тому, что нам известно о религии северной Европы Бронзового века.

Наши знания о ней в основном основаны на картинках и символы, оставленных древними северянами на больших скальных стенах в горных районах Скандинавии. Эти рисунки — не натуралистические зарисовки животных и сцен охоты, подобные найденным в пещерах палеолита, но состоят из символических картин и групп, повторяющихся много раз как на одной той же скале, так и в отдалённых друг от друга регионах, изображённых геометрически и условно, хотя часто они энергичны и довольно наглядны. Любимая тема изображений — колеса, ступни ног, змеи, упряжки, топоры и корабли, в то время как человеческие фигуры сочетаются со всем этим в форме

23 Chadwick, *Antiquity*, op. cit. p. 76 f.

24 Bede, *Historia Ecclesiastica* (ed. Plummer, vol. 1), II, ; III, 22; II, 5.

шествий, тесных групп и боевых сцен, или же показаны танцующими, прыгающими, едущими верхом или ведущими боевые действия. О назначении этих наскальных рисунков велось много дискуссий. Сейчас уже общепризнано, что их значение в первую очередь религиозное и ритуальное, и убедительные аргументы Алмгрена,²⁵ что рисунки отражают реальные церемонии, поддерживаются сведениями об искусстве и ритуалах в других частях мира в сходные периоды развития цивилизации. Это могут подтвердить следы ритуальных костров и убитых животных, которые можно найти рядом с наскальными гравюрами в Швеции. Представляется очевидным, что рисунки основаны на культе плодородия, связанном с почитанием солнца и, возможно, в том числе, как считает Алмгрен, с концепцией перерождения; подобные идеи, возникшие на Востоке, выглядят полностью развитыми в искусстве и религии Египта и, предположительно, путешествовали к северу, чтобы добраться до Скандинавии во времена Бронзового века. В этом ритуале, видимо, важную роль играл корабль, ибо его изображают постоянно, иногда совместно с колесами и солнечными дисками, деревьями, змеями, рогатыми животными, или танцующими, скачущими или отправляющими культ людьми; человеческие фигуры иногда находятся в самом корабле, иногда образуют с ним группы, и иногда кажется, что несут его на руках.

Некоторые символы, обнаруженные на скалах, и корабль в том числе, встречаются также на стенах гробниц, на надгробиях и в окрестностях могильников; и корабль, и топор, в частности, найдены в центральной Европе как ограды одиночных могил. Было много споров, развивался ли ранний культ мёртвых, связанный с поклонением солнцу и с культурами плодородия, до тех пор, пока не стал, уйдя от захоронения, в первую очередь, религией жизни; или самым ранним культом было единое поклонение плодородию и солнцу, а позже включило в себя верования и обычаи, связанные со смертью, следуя от принципа возрождения в мире природы к возрождению после смерти и человека. Алмгрен²⁶ поддерживает вторую точку зрения, он допускает, что тесная связь определенных символов с захоронениями

свидетельствует о втором направлении, но, с другой стороны, доказывает, что наскальные рисунки в Швеции не находятся, как считают некоторые, исключительно в местах захоронения. Для окончательных выводов недостаточно информации, но развитый культ солнца в Египте, о чём были оставлены самые полные в мире записи, — безусловно хороший аргумент на стороне Алмгрена.

Все, что мы можем узнать о ритуалах и религии Бронзового века, вероятно, будет иметь значение для лучшего понимания погребальных кораблей; во-первых, потому что в них важную роль играл символ корабля и, более того, являлся оградой одиночных могил в центральной Европе; и во-вторых, потому что вблизи захоронений на Готланде имеются наскальные рисунки в форме кораблей, которые могут навести на какой-либо способ объяснить их загадочное предназначение. Несомненно, существует также связь с обнаруженными в болотах жертвенными лодками, датируемыми Железным веком и описанными Цезарем как благодарственные приношения для победы.²⁷ Если бы удалось точно узнать, в чём смысл корабля в наскальной живописи, мы прошли бы больше половины пути к пониманию смысла погребальных кораблей. Был ли это первоначально движущийся по небу корабль бога Солнца, как в Египте? И существовали ли вытекающие отсюда верования, что умерший может путешествовать вместе с богом в другую жизнь? Или это был всего лишь символ солнца и, следовательно, плодородия и перерождения, без включения туда какого-либо представления о странствии мёртвых?

Загадка, стоят ли за кораблём в могиле какие-либо реальные верования в плавание мёртвых, является одной из самых изысканных из всех, задаваемых скандинавскими похоронными обычаями. Есть так много примеров погребальных кораблей, и всё же нет прямого ответа. К этому вопросу могут иметь отношение два других обычая, обнаруженные, по большей части, вне Скандинавии; это практика укладки монет в уста мёртвых и похороны вместе с ними сундуков. Первый часто встречался во времена Римской империи и

25 Almgren *Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden* (Frankfurt. 1934).

26 *Op. cit.* p. 280 f.

27 *Ibid.* p. 64; Caesar, *De Bello Gallico*, VI, 17. Пример такого жертвоприношения — открытие в Хьёртспринг (*Nordiske Fortidsminder*, III, I, 1937), датируемое между четвёртым и вторым веками до н.э. В большом корабле найдено множество костей животных и оружия, ясно показывая определенное назначение.

был продолжен тевтонскими народами во многих частях Германии. Стерна²⁸ сделал на этом главный упор и утверждал, что обычай взят из греческих представлений об обязанности мертвеца заплатить Харону, распространившихся на севере в более усовершенствованной практике предоставления мёртвым лодки, чтобы те могли самостоятельно добраться до другого берега. Здесь, конечно, не учтён интерес к символизму корабля в Железном веке. На данный момент весьма актуальны аргументы, выдвинутые Эбертом.²⁹ Он утверждает, что к тому времени, как германцы смогли бы вступить в контакт с греками, отпала бы какая-либо насущность веры в Харона и его лодку забыли бы, поскольку на место столь наивных представлений о будущем мире пришли азиатские мистериальные культы и их учение. Либо монеты, положенные в рот мертвеца, были не более чем модой, имитирующей южан, либо они имели несколько другой смысл и, возможно, как предполагает Алмгрен, были предназначены в качестве символа имущества мёртвых или как защитные амулеты для них. Вторая практика значительно более вероятна. Сундуки хоронили вместе с покойниками в скифских, фракийских и кельтских могилах, и, вероятно, подобно тому, что из Осебергского корабля, использовали в могиле в качестве подставки для тела. Но если в кельтских захоронениях периода La Tène оказываются погребёнными боевые колесницы, мы, похоже, сталкиваемся с другими представлениями о нуждах мёртвых в будущем мире. И когда мы находим надгробие с изображением покидающего землю покойника в колеснице, к нам, по утверждению Эберта, приходит новая идея о колеснице в качестве средства достижения иного мира. Сундуки впервые встречаются в северных могилах в переходный период от Бронзового к Железному веку, то есть, в те же времена, когда на Готланде впервые появляются могилы в форме кораблей. Кажется возможным, что в этот период на севере могла возникнуть концепция посмертного путешествия, и что используемые сухопутными людьми повозки и колесницы, естественно, были заменены лодками и кораблями среди людей, для которых путешествие означало

прежде всего путешествие по морю. Так считает Алмгрен;³⁰ Эберт склонен думать, что мы встречаем следы идеи ещё раньше — в деревянных гробах, сделанных из выдолбленных стволов деревьев, в которые мёртвых укладывали в середине Бронзового века; подобное бытовало независимо от практики кремации и примерно в то же время, когда создавались наскальные рисунки, так что может иметь место связь между ними.

Но даже если мы решим, что концепция путешествия мёртвых пришла в какой-то период Бронзового века из южной Европы, это не обязательно означает, что появившиеся в шестом и седьмом веках погребальные корабли вдохновляла та же вера. Действительно, ориентация захоронений заставляет предположить, что второе появление корабля было взаимосвязано с первым,³¹ поскольку и на Готланде тела обращены головой на север, а ногами на юг, и то же верно в отношении ранней норвежской погребальной ладьи. Но разрыв во времени огромен, и трудно обосновать концепцию путешествия в другой мир, стоящую за северными корабельными захоронениями в эпоху Переселения Народов и в эпоху Викингов. Линдквист³² считает, что помещение судна в могилу возникло из желания предоставить мёртвым столь полный комплект снаряжения, сколь это возможно, отчасти под влиянием примера погребальных обрядов Меровингов на континенте. Он ссылается на загрузку камнями Осебергского корабля и его швартовку при помощи веревки к большому камню. находка погребальной камеры — ещё один аргумент против какой-либо веры в путешествие мёртвых; в Скандинавии у нас есть много хороших примеров, а в одной могиле из Карно в Норвегии бревенчатая могильная палата даже не была в корабле, но накрывала его, опираясь на две параллельные стены, выстроенные из камней за его пределами. С другой стороны, не следует забывать, что некоторые вёсла Осебергского корабля были оставлены в положении, словно ожидали гребцов.

Может привести к заблуждению излишняя концентрация на самых роскошных могилах; удивительна популярность обычая среди всех слоёв народа, что является, пожалуй,

28 Sterna, *Essays on Beowulf* (Viking Club, Coventry, 1912), p. mom C

29 Ebert, «Die Bootfahrt ins Jenseits», *Praehist. Zeit.* 1919, XI-XII, p. 179 f.

30 Almgren, *op. cit.* p. 395.

31 *Ibid.* p. 201.

32 Lindqvist, *Fornv nner*, 1921, p. 175

наиболее впечатляющей особенностью, и её едва ли можно объяснить изменением придворной моды. Кроме того, исследования Эбертом данных о погребальных кораблях привели его к выводу, отличному от Линдквиста.³³ Корабли и предшествующие им в Скандинавии надгробия с изображёнными на них кораблями, неполные макеты кораблей и образы кораблей из камня, которые кажутся признаком упадка обычая в конце эпохи Викингов, создают впечатление, что можно проследить чёткую линию развития,³⁴ и что символизм судна в могиле в конце языческого периода был чем-то более важным, чем одно лишь желание дать покойному для его пребывания в могиле всё, что он имел при жизни.

Но хотя наши знания о северной религии Бронзового века ограничены загадочными рисунками на скалах и сопровождающими предметами, захороненными в земле, поздний языческий период оставил иные свидетельства, к которым можно обратиться. Перед тем, как пытаться вывести какое-либо заключение относительно смерти из археологических данных, следует посмотреть, какие касающиеся этой темы идеи сохранились в литературе Севера, которая сохраняет воспоминания языческих времен. ◆◆

Продолжение следует...

³³ Ebert, *Præhist. Zeit.*, *op. cit.*

³⁴ Almgren, «*Vikingatidens grafskick...*» (*Nordiska Studier til. A. Noreen, Uppsala, 1904*), p. 317, цитирует интереснейший пример эволюции: очертание лодки формируют вертикально установленные камни внутри кургана, содержащего обожженные кости, оружие и заклёпки, последние предположительно от сгоревшего корабля, в захоронении Албар (Ølbør) возле Ставангера.

Эдред ТОРССОН

Перевод: Дмитрий ДАММЕР

A Book of Troth

Мы продолжаем печать перевода исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-40 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Глава XIX. Wyrđ

Немало было сказано о том, что у германцев свой, «фаталистичный» взгляд на судьбу. Во многом этому взгляду мы обязаны героической по духу германской религии. Поскольку мы сейчас живем в эпоху, нуждающуюся в героях больше, чем когда-либо, такая позиция важна для полноценного и современного понимания Трота. Однако само понятие «судьбы» оказалось сильно искажено.

Обычно, когда мы слышим слово «судьба», то прежде всего вспоминаем о предопределении, когда некий *трансцендентный* источник заранее решил, что произойдет с человеком или группой людей. Но для Трота такая идея не характерна. Наиболее типичные для германского мышления слова, касающиеся «судьбы», — *wyrđ* (сейчас произносится как *weird*) и «испытание» (*ordeal*).

Изначально испытание (*or-deal*) было результатом действия, совершенного (*dealt out*) когда-то в древности. Приставка *or-* значит «изначальный, древний, отдаленный» в отношении идей, обозначенных корневым словом, к которому оно присоединяется. Следовательно, «судьба» — это результат действия, которое человек — или его двойник — совершил в неопределенном прошлом. В каком-то смысле германская «судьба» идентична индийской концепции кармы, которая также буквально означает «действие» (с приложением взаимного «повторного действия»). Древненорвежское слово, обозначающее ту же идею, звучит как *orlog*, буквально «первозакон». Имеется в виду, что действие, совершенное в прошлом,

продолжает влиять на настоящее. Все это объясняет метафизику, стоящую за древней германской практикой суда испытанием как магической реализацией правосудия, основанного на действиях, совершенных в прошлом.

Слово *wyrđ* обладает примерно тем же значением. Существительное *wurđ* образовано от древнеанглийского глагола *weoþan*, «становиться или обернуться». Следовательно, *wyrđ* — это то, что стало (те «дела», которые «совершил» некто), влияющее на настоящее и грядущее. Древненорвежская форма этого слова — *urdr*, от нее происходит имя первой норны, Урд. Когда происходит нечто, несущее в себе жутковатый след произошедшего в древности, — мы совершенно правильно называем это *weird*. Сейчас это слово почти во всех контекстах утратило свое сакральное значение.

Все это объясняет метафизику, стоящую за германской законодательной системой, и лучше всего иллюстрируется Английским Общим Правом, основанным на прецеденте (действии в прошлом), определяющем, какие действия нужно предпринять в настоящем. Такая позиция противоположна иудео-римскому законодательству, основанному на решении высшей силы — бога или короля. В этой последней ситуации мы все чаще обнаруживаем себя сегодня.

Очевидно, что германская идея судьбы тесно связана с временем и причинностью. Что было, то и будет, случившееся раз случится повторно. Здесь, как и во многом в Троте, проявляется

простой и здравый подход к проблеме. Загадка трех норн («сестер судьбы») дает нам дальнейшие ключи к пониманию *wyrd*, но только первых двух ее условий. Эти условия порождают действия человека, пожинающего плоды этих действий. Норны — не обычные посредники, а скорее, нуминозные сущности, воспринимающие, трансформирующие и перенаправляющие энергии действия обратно к истоку.

В комплексе разум-тело эта работа проходит через двойника. Этот аспект души прикрепляется к человеку и воспринимает энергию его действий и того, что происходит в его окружении. Двойник облекает эти действия в форму, которая затем возвращается в жизнь человека, где эти действия в конечном итоге дают свои плоды. Процесс этот имморален, но по структуре совершенно естественен. Двойник может переходить из одной жизни в другую по линиям наследования, а иногда передается магически, независимо от клановых предписаний. В каждом случае груз накопленных в прошлом действий (судьбы/испытания) переходит из одной жизни в другую. Разумеется, германская идея судьбы сильно отличается от кальвинистской идеи предопределения. Наши предки знали, что они создают свою судьбу своими же действиями в прошлом. Заметно, однако, что этот феномен неверно понимают именно как «предопределение» — нечто, находящееся за пределами нашего контроля, — когда события, обуславливающие феномен, теряются в туманном прошлом (личностном или надличностном).

Желающий узнать свою судьбу человек традиции может сделать это в трех аспектах

прошлого: личностном, клановом и надличностном. Первое относится к настоящему, а последние два можно условно считать «прошлыми жизнями» — одна объясняется генетически, а другая находится за пределами истории клана. Первую можно исследовать через личностную ретроспективу прошлых действий и событий. Клановая область доступна через генеалогию, которая в древности считалась важным источником духовного знания. Надличностное знание мы черпаем из великого хранилища космической памяти, который находится в *myne* («коллективном бессознательном» в учении Юнга). Контакты, получаемые через связь с этим аспектом души, не следует понимать как «перевоплощение» индивидуальности. Знаний из этой области можно достичь посредством рефлексии. Лучше всего заниматься ей самому или с помощью близких друзей и соратников, поскольку вариации этой техники весьма часто облачены в самые дрянные, банальные и сумасбродные методы «диванных оккультистов».

Концепции судьбы и испытания играют центральную роль в религиозном мировоззрении Трота. Одно из величайших посланий Трота состоит в том, что каждый человек «должен найти свою судьбу и следовать ей». Всякому, кто хочет быть истинным и верным, уготовано особое задание и испытание. Когда мы ищем такое испытание, мы ищем свою судьбу. Истинным практиком Трота судьба не манипулирует, напротив, он сам отвечает за собственное испытание!

Продолжение следует...

Обряды жизненного цикла в древнескандинавской религии

Часть 1

Бритт-Мари НЕССТРЁМ
Перевод со шведского:
Анастасия ТИШУНИНА

Перевод первоначально опубликован
в сообществе «Библиотека викинга»
https://vk.com/public_ivikingu

Обряд имянаречения

Как правило, в список *rites des passages*, то есть обрядов жизненного цикла, включают имянаречение ребёнка, инициацию в период полового созревания, вступление в брак и похороны, а также инициации в особые союзы или социальные группы. Сведения об этих обрядах в древнескандинавских источниках скудны, но они несомненно существовали, как и в большинстве других религий.

Когда ребёнок рождался, сперва решалось, принимают ли его в род или же обрекают на смерть. Если ребёнка решали принять в род, то в ходе специальной церемонии его окропляли водой и нарекали именем, обычно в честь кого-то из родичей. Церемонию в большинстве случаев проводил самый старший и уважаемый в семье мужчина или же, как сказано в строфе 158 в «Речах Высокого», сам бог Один:

*Тринадцатым я
водою младенца
могу освятить, —
не коснутся мечи его,
и невредимым
в битвах он будет.*
(перевод А.И.Корсуна)

В Королевских сагах также изображены некоторые сцены окропления водой новорождённых мальчиков, и иногда, если мальчик был знатного

рода, такую церемонию проводили сами конунги. «Рагнхильд родила сына. Мальчик был окроплен водой и назван Харальдом». «Гутхорм герцог окропил водой старшего сына Харальда конунга и дал ему своё имя». «На следующий день Хакон конунг окропил мальчика водой и дал своё имя».

Этот же мотив повторяется несколько раз в эддической «Песни о Риге»:

строфа 7
*Родила она сына,
водой окропили,
он тёмен лицом был
и назван был Трэлем.*

строфа 21
*Ребенка тогда
родила эта бабка,
водой окроплён был
и назван был Карлом.*

строфа 34
*Сына Мать родила,
спеленала шелками,
водой окропила,
он назван был Ярлом.*
(перевод А.И.Корсуна)

В «Саге о Хёрде и островитянах» рассказывается о человеке по имени Торви, который не

хотел проводить обряд над своей новорождённой дочерью, пока не минует опасность для жизни его жены Сигню. Но от тяжёлых родов Сигню умерла, и тогда Торви впал в такую ярость, что приказал отнести девочку к реке и утопить. «Он велел Сигурду, своему приёмному сыну, взять ребенка и отнести к Реке Долины Дымов и там утопить. Сигурд сказал, что это было бы очень дурным делом, но всё же не посмел прекословить Торви. Вот взял Сигурд девочку и пустился с нею в путь. Девочка показалась ему красивой, и у него рука не поднялась бросить её в воду. Тогда он поворачивает ко Двору Сигню и кладет ребенка у ворот, надеясь, что его скоро найдут. А хозяин, Грим, сын Сигню, как раз стоял перед домом. Он подходит к ребёнку, берет на руки и относит домой. А жене своей Хельге велит сказать больно́й, будто это она родила девочку. Он окропил девочку водою и дал ей имя Торбьёрг». (перевод О.А.Смирницкой) Когда девочку возвращают отцу, Торви не может снова отдать свой приказ, поскольку убить ребёнка, уже получившего имя, считалось преступлением.

Имянаречение, по всей видимости, было равно по значимости окроплению водой, и обычно обе части обряда проводил отец ребёнка. В «Пряди о Торстейне Палаточнике» как раз рассказывается о том, как отец новорождённого мальчика окропляет его водой и даёт ему имя после того, как отказывается от своей первоначальной мысли обречь ребёнка на смерть и решает оставить его в живых.

Окропление водой (исл. *ausa vatn á*) — это элемент ещё дохристианских верований, и в период перехода в христианство церковь использовала такие термины как *skirn* и *skirsl*, означавшие «очищение». Имя ребёнку зачастую давали в честь кого-то из умерших родственников, как, например, рассказывается в «Саге о Гисли». Мальчика, родившегося после гибели его отца, называют в честь него Торгримом. Однако, подрастая, он оказывается совсем не похожим на отца и проявляет такие непокорство и жестокость, что ему дают другое, более подходящее имя, а именно Снорри.

Обряды инициации

Обряды инициации могли быть самыми разными и осуществляться по разным случаям, но для большинства древних обществ было характерно, что переход человека из детства во взрослую

жизнь сопровождался некими ритуальными действиями. Существовали также обряды для посвящения в разные социальные группы или тайные сообщества. Например, у Тацита можно найти

упоминание германского племени хатты, жившего на территории Нижнего и Верхнего Гессена (Германия). У них доказательство мужественности заключалось не в приношении жертв богам, а в ритуальном убийстве врага. Аналогичным образом иногда трактуется поведение бога Вали в момент убийства Бальдра.

К сожалению, в древнескандинавской литературе не сохранилось конкретных упоминаний каких-нибудь обрядов, связанных с переходом из детства во взрослую жизнь, что, конечно, не означает, что таковых не было вообще. Этот тип ритуалов зачастую связан с некими тайными, магическими знаниями, и поэтому он не пережил смену религии. Однако в некоторых сагах можно заподозрить отголоски упоминаний таких ритуалов, например, в саге о Хрольве. Одним из её действующих лиц является Бёдвар Медвежонок, берсерк и, таким образом, участник довольно закрытой социальной группы. Прибыв ко двору Хрольва, Бёдвар встретил молодого человека по имени Хётт, который подвергался жестоким издевательствам со стороны берсерков. После трапезы они принимались развлекаться, бросаясь в парня обглоданными костями, а тот, чтобы защититься, вынужден был возводить вокруг себя баррикады из столов. Запуганный и униженный, забившийся в угол, он ждал смерти, пока Бёдвар не пришёл ему на помощь.

По мере приближения Йоля бойцы Хрольва становились всё печальнее и печальнее. Хётт рассказал Бёдвару, что в последние две зимы прилетал огромный и страшный крылатый зверь, который убивал людей и причинял много ущерба. В тексте у Саксона Грамматика этот зверь описывается как гигантский медведь. Чудовище не берёт

никакое оружие. Однако Бёдвар не утратил мужества, а вышел на бой с чудовищем и победил его. Хётт сопровождал товарища, хотя и очень боялся. После победы Бёдвар приказал Хётту выпить два больших глотка крови зверя, а также съесть кусочек его сердца. В ходе этого ритуала Хётт обрёл силу и храбрость. После этого Бёдвар и Хётт поставили тушу чудовища на ноги так, чтобы оно казалось живым. И на следующий день Хётт на глазах у поражённых соратников вторично «убил» монстра. После этого подвига он получил новое имя — Хьяльти («герой») — и присоединился к кругу берсерков. Очевидно, что смена имени входит в комплекс обряда инициации, и это отражается в смысловых значениях имён. Хётт (Hött, hatt) означало «шляпа» и ассоциировалось с одним из прозвищ Одина, покровителя берсерков. Возможно, это имя традиционно носили все, кто готовился к прохождению инициации, но пока не сумел доказать своё мужество.

Про самого же Бёдвара Медвежонка, который провел обряд, известно, что его мать звали Бера («медведица»). Также рассказывается, что он был оборотнем и в бою мог принимать обличье медведя. В этой истории отражён и обряд инициации, и такое явление как тайные сообщества — в данном случае воины-берсерки.

*Перевод выполнен по книге
«Древнескандинавская религия: основы»
(шв. Fornskandinavisk religion : en grundbok, 2001)
Иллюстрация в тексте подобрана
переводчиком и не опубликована в книге
Автор иллюстрации: Ludvig Ledin*

Продолжение следует...

Волшебные норвежские сказки

Как два мальчика встретили троллей в Хедальском лесу

Автор: Peter Christen Asbjørnsen

Когда-то давно в местечке Вог в Гудбранской долине жил один бедный человек со своей женой. Детей у них было так много, что на всех не хватало похлёбки и каши. Поэтому старшим двум мальчикам часто приходилось бродить из деревни в деревню, чтобы заработать или выпросить себе кусок хлеба.

Так, странствуя с мешком за плечами, узнали мальчики все горные дорожки и лесные тропинки.

Однажды они собрались идти в Хедальский лес.

Они слышали, что птицеловы, охотники на соколов, построили там, недалеко от местечка Мэл, хижину. Мальчикам захотелось посмотреть на птиц и, если удастся, разузнать, как их заманивают и ловят.

Братья знали самый короткий путь в Хедаль.

Они свернули с проезжей дороги и пошли напрямик через лесную чащу.

Дело было поздней осенью, когда леса и горы становятся безлюдными.

Девушки, которые летом пасут на горных пастбищах скот, в эту пору уже дома, греются перед печкой, прядут шерсть, только что снятую с овец, да вышивают себе приданое, а их пастушьи избушки в горах стоят пустые и заколоченные.

Так что мальчикам негде было ни поесть, ни передохнуть в пути.

Осенний день недолог. Едва протоптанная тропинка была чуть видна, и скоро мальчики её совсем потеряли.

Пока они разыскивали тропинку, стало темнеть. Хижины птицеловов нигде не было видно. Мальчики были одни в дремучей чаще Хедальского леса. А тьма кругом сгущалась всё больше и больше.

Наступила ночь.

Мальчики подумали-подумали и решили, что до рассвета им отсюда никак не

выбраться. Надо ночевать в лесу. Они набрали целую кучу хворосту и шишек и развели костёр. Потом маленьким топориком, который был за поясом у старшего брата, нарубили еловых ветвей и смастерили из них шалаш. Постель они устроили себе из вереска и мягкого мха, благо и того и другого вокруг было более чем достаточно.

После этого они улеглись поближе друг к другу, чтобы было потеплей, и сразу же уснули, потому что порядком устали за день. Неизвестно, сколько они проспали, час или два, но вдруг они разом проснулись, словно их кто разбудил. Высокие сосны над их головами гнулись и шумели, как во время бури. А над вершинами сосен что-то тяжело пыхтело, сопело, фыркало...

Кто это — какой-нибудь огромный страшный зверь или, ещё того не легче, лесной дух, тролль? Мальчики так и замерли.

В это время где-то над соснами раздался треск, будто гром прокатился по небу, и голос скрипучий, как сырое дерево, сказал:

— Человеком пахнет!

Тут земля словно дрогнула, и послышались чьи-то шаги.

Шаги были такие тяжёлые, что от них раскалывались камни, а корабельные сосны дрожали от верхушки до самого корня.

— Тролли! — сказал старший мальчик младшему.

— Ох, боюсь!. Что же нам делать? — сказал младший.

— Стань здесь, под сосной, — сказал старший, — и чуть тролли подойдут сюда, хватай наши мешки и удирай что есть духу. А я возьму топор и останусь здесь. Может, и не пропадём.

Не успел он это сказать, как старые деревья возле них раздвинулись, словно мелкий кустарник, и появились тролли.

Они были огромные — выше самых высоких сосен — и шагали след в след, положив на плечи друг другу свои ручищи.

Их было трое, но глаз у них был только один. Один-единственный глаз был у них на всех троих, и они по очереди вставляли его в глазную впадину, которая была на лбу у каждого.

Сейчас круглый, светлый, как луна, глаз сиял во лбу у переднего тролля. Он был поводырём, а другие двое шли за ним.

— Беги! — шепнул старший брат младшему. — Но не слишком далеко. Спрячься вон там, в буреломе, и посмотри, как я с ними разделаюсь. Они глядят поверху, да ещё одним глазом. Где им разглядеть, что делается у них под ногами!

Младший бросился бежать, а тролли двинулись за ним.

Тут старший мальчик выскочил из-за деревьев и, размахнувшись изо всех сил, ударил своим топориком по пятке того тролля, что шёл позади. Тролль прямо взревел от боли. Он закричал таким страшным голосом, что поводырём даже вздрогнул и выронил из глазной впадины свой единственный драгоценный глаз.

Мальчик ловко подхватил его на лету и был таков.

Глаз был величиной с глиняный горшок и светлый, как месяц в полнолуние. Мальчик посмотрел сквозь него и увидел всё вокруг ясно-ясно: каждый куст вереска, каждую сосновую шишку, каждый камешек на земле. Как будто сейчас была не чёрная ночь, а белый день.

А тролли стояли, боясь пошевелиться, испуганные, слепые, и не могли понять, что с ними случилось. Наконец они догадались, что кто-то украл их единственный глаз.

Они стали рычать, браниться, шарить среди сосен и елей длинными узловатыми пальцами, но так и не могли поймать мальчика.

— Я не боюсь вас, тролли, — крикнул он смело. — У меня одного теперь три глаза, а у вас троих — ни одного. И у меня есть ещё топор. Раньше, чем вы поймаете меня, я изрублю вас на куски своим топором, как сухое дерево.

— Берегись, мальчишка! — закричали тролли. — Отдавай наш глаз, а не то мы превратим тебя в камень или пенёк.

— Ну что ж, — сказал мальчик, — это ваше колдовское дело. Но всё равно вы уже никогда не получите своего глаза.

Тролли замолчали — они поняли, что этого мальчика им не запугать никакими угрозами, и решили поладить с ним добром. Они обещали ему и золота, и серебра, и всего, чего он только ни пожелает, если он вернёт им глаз. Мальчику это понравилось.

— Хорошо! — сказал он. — Сходите к себе домой и принесите сюда столько золота и серебра, чтобы мы с братом доверху набили наши дорожные мешки. Да, кроме того, прихватите для нас по хорошему стальному луку. Тогда я вам отдам ваш глаз. А до тех пор не видеть вам ни глаза и ничего другого.

Тролли даже заскрипели зубами от злости.

— Негодный мальчишка! — сказали они. — Как же мы доберёмся до дому без нашего глаза?

— А это уж ваше дело. Вы же умеете колдовать!

Тогда тролли по очереди принялись звать свою хозяйку.

И вот издалека, из-за гор, отозвался чей-то голос, похожий на вой осеннего ветра.

Это лесная хозяйка, старая троллиха, услышала, что её зовут, и откликнулась.

Один из троллей сложил руки трубой и крикнул через реки и горы, чтоб она поскорей принесла в Хедальский лес два стальных лука и два полных ведра серебра и золота.

Прошло немного времени, и земля загудела, зашумели, затрещали деревья. Это лесная хозяйка прибежала на зов троллей с луками и ведрами, полными золота и серебра.

Узнав в чем дело, она так рассердилась, что выдернула с корнями большую сосну и переломила её о колено, словно это была не столетняя сосна, а сухой пруттик. Потом она вырвала у себя из головы длинный зелёный волос и стала им, как верёвкой, ловить мальчика. Но тролли, которым хотелось поскорей получить назад своё сокровище, стали уговаривать её не трогать этого мальчишку. Он жалит, как оса, а хитёр так, что, чего доброго, выдумает какую-нибудь новую уловку и отнимет глаз и у неё.

Лесная хозяйка зарычала, как разъяренная медведица, но не стала спорить. Она швырнула на землю два стальных лука и оба ведра — с золотом и серебром — и побежала обратно в горы, перепрыгивая на бегу через ели и сосны.

А тролли стояли перед мальчиком и протягивали к нему свои узловатые руки.

— Ну отдай же!!! Отдай!. -говорили они.

— Ладно, берите! — сказал мальчик и отдал троллям их глаз.

Они засмеялись от радости и, сотрясая землю, побежали вслед за лесной хозяйкой. Когда тролли скрылись за горами, из-за гор выплыло солнце.

Мальчики набили мешки золотом и серебром, вскинули за плечи стальные луки и, прихватив новые ведра из блестящей меди, весело зашагали домой.

С тех пор никто никогда не слышал, чтобы тролли бродили в Хедальском лесу.

Иллюстрация: Erik Werenskiold — the Trolls had only one Eye among them, and they took turns using it.

Источник: <http://skazkoved.ru/>

Об использовании тканой тесьмы в качестве отделки в женском скандинавском костюме Эпохи Викингов

Наталья ГАНУЗИНА
КИР "KATTHUND"
(<https://m.vk.com/katthund>)

В засилье импортных самитов и пафосных галунов мы при выборе отделки одежды стали незаслуженно забывать про старую добрую шерстяную тесьму, сотканную на дощечках. Пояса в этой технике, конечно, не теряют популярности у скандинавок, хотя наличие пояса в женском костюме лишь предполагается по потертостям в районе талии да находкам «подвешенных» предметов на костяке. Но использование тесьмы для отделки стало скорее атрибутом древних костюмов эпохи «Тоже форум». А зря.

Ряд текстильных находок эпохи викингов с территории Скандинавии, на наш взгляд, служит довольно надёжным подтверждением использования тесьмы в качестве отделки хангероков.

Пожалуй, самая известная из них — находка из Кёструпа (Køstrup, Дания), где довольно необычная тесьма с браным рисунком, сотканная на дощечках с двумя отверстиями, служила отделкой плиссированного хангерока. Вдоль обеих кромок тесьмы располагалось по паре шерстяных шнуров, мнения о функционале и способе крепления которых расходятся у разных исследователей. Wielandt (1980) считал, что они были пришиты к кромкам, подтверждая свое мнение наличием стежков на двух участках тесьмы. Rasmussen и Lønborg в работе 1993 года опровергали эту теорию, считая, что шнуры были пришиты друг к другу и самому хангероку только в одном месте.

Как бы то ни было, шнур, пришитый к краю тесьмы, появляется у находки из Каупанга (Kaupang, Норвегия). В одном из женских захоронений был найден фрагмент шерстяной ломаной саржи. Этот фрагмент был подвёрнут дважды, таким образом формируя трёхслойный рубец, к которому была пришита шерстяная тесьма шириной 0,6-0,9 см с рисунком из «галочек» и ромбов. Шерстяной шнур, сучёный из нескольких шерстяных нитей, был пришит к другой кромке тесьмы.

*Тесьма из Кёструпа и её реконструкция
(автор — Юлия Долгова)*

Исследовательница этих находок, Anne Stine Ingstad (1979), отмечает, что похожий фрагмент с пришитой тесьмой был найден в Værnes (также Норвегия). Принадлежность этого фрагмента хангероку она предполагает по остаткам аналогичного текстиля на обратной стороне овальных фибул. По предположению Ingstad, эта тесьма могла служить отделкой как верхней части хангерока, так и подола. Также она выражает убеждение, что именно шнур, пришитый к краю тесьмы, свидетельствует, что это была отделка подола,

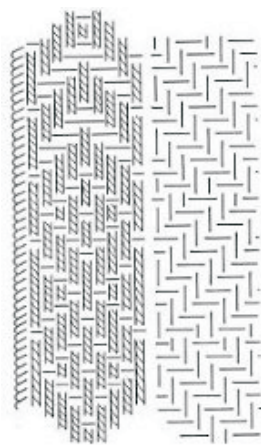
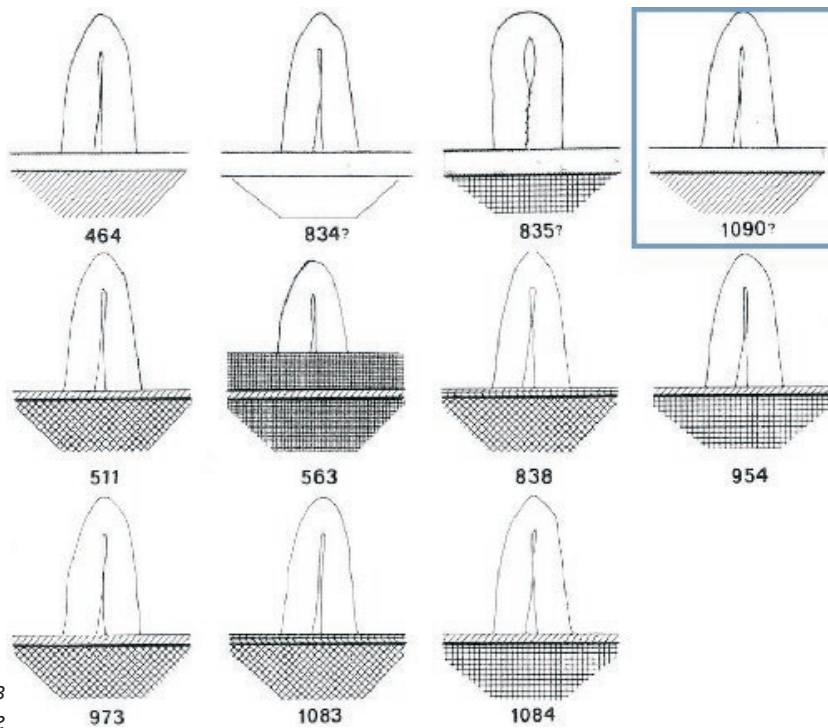

Схема тесьмы
из Каупанга

Схемы отделки хангероков
по Инге Хэгг

проводя аналогии с народными датскими и норвежскими костюмами.

Инга Хэгг в своей работе «Женская одежда Бирки» (1974), ссылаясь на исследования Агнес Гейер, описывает находку хангерока из захоронения bj 1090. Сам хангерок был сшит из ткани с синими и красными полосками, а верхняя его часть была отделана тесьмой. К сожалению, Хэгг не приводит более подробного описания тесьмы, указывая лишь примерную схему её расположения на кромке хангера.

Результаты относительно недавних исследований в Исландии также говорят в пользу нашей теории.

Самая свежая находка (и самая неисследованная) — из раскопок 2021 года в Seyðisfjörður, а именно — фрагмент текстиля с шерстяной петлёй и шерстяной тесьмой с узором в красном, синем и жёлтом (?) цветах. На данный момент эта находка еще исследуется, и публикаций по ней пока не вышло, поэтому мы не можем с уверенностью говорить, что это был фрагмент именно хангерока¹. Но наличие петли на этом фрагменте вызывает ассоциации именно с этим предметом одежды.

Тесьма из
Seyðisfjörður и её
реконструкция
(автор —
Ольга Смирнова,
мастерская
Kvitravn)

¹ Вроде бы сейчас исследовательница этого текстиля Марианне Веделер говорит что это фрагмент кафтана. Источник: clck.ru/34keq8

В захоронении «Дамы в синем» из Ketilsstaðir среди прочих артефактов был найден фрагмент хангерока из шерстяной саржи «ломаный ромб», отделанный шерстяной тесьмой с довольно простым волнообразным рисунком. Тесьма, по-видимому, была соткана вместе с тканью в качестве ее кромки. На этом моменте мы хотели бы остановиться подробнее, чтобы порассуждать об истоках этой традиции и её эволюции параллельно с развитием костюма.

Использование тесьмы, тканой на дощечках, в качестве стартовой кромки было довольно типично для Исландии и других частей Северной Атлантики при изготовлении ткани на вертикальных ткацких станках с использованием грузил. В этом случае уточные нити тесьмы выполняли роль основы для ткани. Так же могла обрабатываться и завершающая кромка. Возможно, что этот способ пришел из более древних времён, когда типичной женской одеждой был пеплос, появившийся в Европе в конце бронзового века. Этот вид одежды пережил эпоху викингов и сохранился после нее. Например, кромки пеплоса из Эуры (Финляндия) также были декорированы тесьмой. Таким образом, если считать, что хангерок эпохи викингов является наследником пеплоса, вполне объяснимым оказывается обычай его отделки тесьмой. Даже если кромка не ткалась вместе с тканью, она могла пришиваться впоследствии на готовое изделие, как в случае с хангерком из Каупанга. Не исключено, что с развитием торговли это трансформировалось в отделку верхнего края хангерока бейкой из шёлковой ткани, которую описывает Хэгг у находок с Бирки, — материалы изменились, но традиция осталась.

Думаем, вышеперечисленных аргументов вполне достаточно, чтобы девушки-скандинавки перестали бояться тесьмы и включили её в свои костюмы. Мы сделали первый шаг и сделали версию хангерока, компилирующего несколько находок. Тесьма с простым волнообразным рисунком пришита к подвёрнутой верхней кромке с одной стороны, а украшенная шерстяным шнуром — с другой.

Список литературы

1. *Viking Women: Aprondress*. Hilde Thunem
2. *Kvinnodräkten i Birka, Livplaggens rekonstruktion på grundval av arkeologiska materialet*. Inga Hägg, Uppsala, 1974
3. «Tangled Up in Blue»: *The Death, Dress and Identity of an Early Viking-Age Female Settler from Ketilsstaðir, Iceland*. Kevin P. Smith, Michele Hayeur Smith, Karin Margarita Frei, *Medieval Archeology* 63(1), 2019 (в переводе Виктории Барановой)
4. *Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials: A Comparative Study of Costume and Iron Age Textiles*. Margrethe Hald, National Museum of Denmark, 1980
5. *Ancient Finnish costumes*. Pirkko-Liisa Lehtosalo-Hilander, Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala, 1984

Благодарим КИР «Katthund»
за возможность публикации статьи

Скандинавская кухня

Часть 2

Василий БАРИНЦЕВ

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ

После середины XVIII века отношение к конине изменилось. Конина, обычно солёная и подаваемая варёной или в виде bjúga, разновидности копчёной колбасы, была распространена в Скандинавии с XIX века. В XIX веке национализм и школы для женщин сыграли важную роль в формализации традиционных методов и формировании современной скандинавской кухни.

Кроме того, датские купцы, поселившиеся в Скандинавии после снятия запрета в 1770 году, часто содержали большие домашние хозяйства, для которых характерно сочетание датских и других скандинавских обычаев. Рейкьявик, который к концу XVIII века превратился в деревню, начал расти и стал центром плавильного котла исландских и других скандинавских кулинарных традиций. Рыбацкие деревни образовались в XIX веке, многие из них расположены рядом с торговыми гаванями, которые ранее представляли собой нечто большее, чем просто естественную гавань и запёртый склад поблизости. Но кухня Скандинавии оказала наибольшее влияние в XIX веке и начале XX-го. Скандинавское влияние было наиболее заметно в кондитерском деле, поскольку в этом ремесле было не так много местных традиций. Этнические скандинавские пекари начали работать примерно в начале XX века как в Рейкьявике, так и в Акурейри. Некоторые скандинавские традиции изготовления кондитерских изделий сохранились в Исландии значительно дольше, чем в Скандинавии.

В начале XX века экономический бум, основанный на коммерческом рыболовстве и переработке, привёл к медленному переходу от традиционных молочных и мясных продуктов к потреблению рыбы и корнеплодов. Консервированные продукты стали заменяться более свежими ингредиентами.

В начале XX века фермеры, живущие недалеко от городов, продавали свою продукцию

в магазины и непосредственно домашним хозяйствам, часто по подписке. Чтобы справиться с Великой депрессией в 1930 году, правительства Скандинавии установили государственные монополии на импорт различных товаров, включая овощи. Они предоставили региональным фермерским кооперативам, большинство из которых были основаны примерно в начале XX века, монополию на производство молочной и мясной продукции для потребительского рынка. Это означало, что мелкие частные производители прекратили своё существование.

Считалось, что крупные кооперативы способны добиться эффекта масштаба в сельскохозяйственном производстве. Они инвестировали в производственные мощности, отвечающие современным стандартам гигиены пищевых продуктов. Эти кооперативы по-прежнему доминируют в сельскохозяйственном производстве Скандинавии и практически не имеют конкурентов. Они первыми разработали новые методы производства сыра на основе популярных европейских сортов гауда, голубого сыра, камамбера и др. Кооперативы способствовали развитию производства продукции, особенно молочной. Например, они продают сладкие напитки на основе молочной сыворотки и варианты традиционных продуктов. Одним из них является «Skyr.is», более сливочный и сладкий скюр, который повысил популярность этого старинного основного продукта.

В первой половине XX века по всей Скандинавии было открыто множество школ домоводства,

предназначенных для девочек в качестве среднего образования. В этих школах, во времена националистического рвения, многие скандинавские кулинарные традиции были формализованы и записаны учениками. Через несколько лет они были опубликованы в большом сборнике рецептов. Позднее акцент на гигиене питания и использовании свежих ингредиентов стал новинкой в стране, где кулинарные традиции основывались на сохранении продуктов питания для длительного использования.

Современная экономика начала расширяться за счёт коммерческого экспорта морепродуктов. Современное поколение отвергло многие традиционные продукты, приняв концепции «свежести» и «чистоты», связанные с морскими ингредиентами, особенно при продаже за рубежом. Во время бума урбанизации в конце 1940-х годов многие скандинавы создали региональные ассоциации. Как братства они возродили некоторые старые кулинарные и другие сельские традиции. Эти ассоциации организовали зимние фестивали, где они начали подавать «скандинавскую еду», традиционные деревенские блюда, подаваемые в виде шведского стола. В Исландии это было названо *Porramatr*.

Рыболовство в промышленных масштабах с помощью траулеров началось ещё до Первой

мировой войны. Свежая рыба стала дешёвым товаром в Скандинавии и основным продуктом кухни рыбацких деревень по всему региону. Примерно до 1990 года исследования показывали, что скандинавы потребляли гораздо больше рыбы на душу населения, чем любая другая европейская нация. Однако с тех пор резкий рост цен на рыбу привёл к снижению потребления.

До XX века мясо китов было более дешёвой альтернативой говядине. На маленьких китов охотились недалеко от берега с помощью небольших гребных лодок, использовавшихся для рыбной ловли. Выброшенные на берег киты также употреблялись в пищу. Слово, обозначающее выброшенного на берег кита, *hvalreki*, до сих пор используется для обозначения удачи. Когда в начале XX века в Скандинавии начался коммерческий китобойный промысел (в основном малых полосатиков), китовое мясо стало популярным в качестве дешёвого красного мяса. Его можно приготовить почти так же, как и более дорогую говядину. Сейчас отлов китов несколько сократился, но блюда из китового мяса можно по-прежнему встретить во многих ресторанах Скандинавии, хотя цена выросла из-за высокой стоимости китобойного промысла.

Популярные блюда в Скандинавии включают скюр, хангикьёт (копченую баранину), клейнур,

Хижина рыбака в Рейкьявике в 1835 году с рыбой, вывешенной на улице для сушки. Вяленая на ветру рыба остаётся популярной в Исландии.

лаувабрауд и боллур. Торрамат — «еда зимнего фестиваля» (набор из деревенских блюд Скандинавии, ставший новоизобретённой традицией со 2-й половины XX века). Концепция Þorramatr была изобретена рестораном в Рейкьявике в 1958 году, когда они начали рекламировать меню с выбором традиционных блюд сельской кухни, связывая его с традицией Þorrablót. Торрамат — это традиционный фуршет, который подают на зимних фестивалях «Торраблот»; он включает в себя выбор традиционно вяленых мясных и рыбных продуктов, которые подаются с ругбраудом (плотный тёмный и сладкий ржаной хлеб) и бренивинум (скандинавский аквавит). Идея стала очень популярной, и у старших поколений вкус еды навевал тёплые воспоминания о детстве или проведении летних каникул в сельской местности до Второй мировой войны и бума урбанизации. Ароматы этой традиционной деревенской еды проистекают из методов её хранения: маринование в ферментированной сыворотке или рассоле, сушка и копчение. Однако в последние годы þorramatr стал олицетворять предполагаемую странность и особенность традиционной скандинавской кухни, и само его упоминание вызывает дрожь у многих современных скандинавов, упускающих из виду тот факт, что многие обычные продукты также являются традиционными, хотя обычно не считаются частью категории þorramatr.

Скандинавская кухня вобрала в себя традиции крестьянской еды (сыр, хлеб, колбасу), богата блюдами из рыбы, мясного фарша, дичи и известна своими десертами и выпечкой. Скандинавы высоко ценят дары местной природы: ягоды, грибы, специи, а также продукты питания местного производства (молоко, сыр, колбаса). Во многие скандинавские блюда, в том числе мясные, добавляется сахар и варенье. Для поджаривания и тушения используется свиное сало.

Из-за большой протяжённости региона с севера на юг между кухней Северной и Южной Скандинавии существуют различия. На севере традиционными продуктами считается мясо оленей, блюда из дичи, некоторые из которых имеют корни в саамской культуре. В то время как на юге большую роль играют овощи, из которых готовят разнообразные салаты, рагу, пюре. Кроме того, типичным блюдом южной Скандинавии считается гусь.

Мясо и рыба всевозможных сортов, всегда отменного качества, — основа здешней кулинарии. Рыболовство имеет большое значение — рыба и морепродукты являются важнейшей составляющей скандинавской кухни. Несмотря на разнообразие мясной пищи, именно дары моря являются основой рациона скандинавов. Скандинавы употребляют в пищу рыбу, выловленную в водах северной части Атлантического океана. Свежую рыбу можно есть круглый год. Скандинавы едят в основном пикшу, камбалу, палтуса и креветки. Особой любовью пользуется сельдь. Также популярны треска, сардины и скумбрия. Лосось является одним из основных экспортируемых скандинавских продуктов.

Широко распространены блюда из морепродуктов и местные рыбные блюда как из морской рыбы (лосось, треска), так и речной (форель, угорь): всевозможная копчёная, маринованная и солёная рыба, жареная солёная сельдь, рулетики из угря, камбала по-скагенски, салат-коктейль из креветок, крабы. Один только лосось подаётся в нескольких десятках вариантов, не говоря уже о креветках, лобстерах и прочей добыче рыбаков. Во всем мире известен копчёный лосось. Фирменным блюдом можно назвать gakfiskr — забродившую форель. Другие рыбные продукты — гравлак, сильд, хакарль и хардфиск.

Hákarl (что в переводе означает «акула») — это частично разложившееся, а затем завяленное мясо акулы. Это блюдо является частью þorramatr, традиционной сезонной скандинавской кухни. Его часто сопровождает бренивин, местный шнапс. Вяленая на ветру рыба остаётся популярной в Скандинавии. Ферментированная акула, хакарль, является примером кулинарной традиции, которая продолжается и по сей день.

Мясные продукты — блейкья, лундабагги, свид и хангикьот. Изделия из крови или внутренностей животных — грьюпан, ливрарпюльса и слатр. Из баранины готовят множество блюд, в том числе фэрикаль, смалахёвуд (тушёная баранья голова), фенадлэр (засоленный и высушенный бараний окорок).

Скандинавская говядина обычно высшего качества с хорошей мраморностью из-за холодного климата. Скандинавский крупный рогатый скот питается травой и выращивается без гормонов роста и лекарств. Однако отсутствие традиций

Ферментированная акула, хакарль, является примером кулинарной традиции, которая продолжается с момента заселения Исландии в IX веке и по сей день.

употребления в пищу говядины привело к продажам мяса более низкого качества, что вынуждает покупателей проявлять осторожность.

Традиционными горячими мясными блюдами являются жареная или запечённая свинина (флестстейк), телячьи шницели, маринованная в анасном соке курица, говяжья отбивная лопатка, жареная печень, свиные рёбрышки в пиве, копчёный бекон, а также вяленая ягнятина. Кроме этого, популярны в регионе всевозможные колбаски, фрикадельки и мясные паштеты.

Северные олени были завезены в Исландию в конце XVIII века и живут в дикой природе на вересковых пустошах в восточной части страны. Каждую осень охотники убивают небольшое количество животных. Их мясо продаётся в магазинах и готовится в ресторанах большую часть года. Мясо северного оленя считается особым деликатесом и обычно стоит очень дорого. Мясо тюленя больше не употребляется в пищу и редко встречается в магазинах.

В скандинавских лесах добывают дичь, приготовленные блюда подают с кисло-сладкими соусами и ягодами можжевельника. Мелкая дичь в Скандинавии состоит в основном из морских (тупик, баклан и морская чайка) и водоплавающих птиц (кряква, серый гусь и короткоклювый гуменник). В мясе некоторых морских птиц содержится рыбий жир. Его помещают в таз с молоком

на ночь, чтобы извлечь масло перед приготовлением. Приготовление яиц и мелкой дичи и даже запекание в горячих источниках — особенность скандинавской кухни. Куропатки также водятся в Скандинавии, но охота на них была запрещена из-за резкого сокращения численности с конца XX века. Куропатка, подаваемая со сливочным соусом и джемом, была основным традиционным рождественским блюдом во многих скандинавских семьях.

Импорт сырого мяса в Скандинавию строго регулируется и зависит от конкретных лицензий, выданных импортёрам. Из-за изоляции Скандинавии большинство поголовья домашних животных, выращиваемых в Скандинавии, не обладает устойчивостью к некоторым болезням, распространённым в соседних странах. По этой причине туристам запрещено ввозить с собой даже вяленую ветчину или колбасу; они изымаются таможенниками. Правительства опасаются заражения.

Также одним из основных продуктов питания являются молоко и молочные продукты. Молочные продукты очень важны для скандинавов. Скандинавы пьют молоко в больших количествах, процент людей с непереносимостью лактозы один из самых низких по всему миру. Средний скандинав потребляет около 400 литров (100 галлонов США) молочных продуктов в год. Распространены кисломолочные продукты, широко употребляют

в пищу сливочное масло. Основной молочный продукт — скюр. Почётом пользуются различные производные коровьего и овечьего молока: сыры, молочные супы, кефир, домашний майонез, творог. Особенно популярна пшеничная каша на сливках. Наиболее популярными сортами сыра являются гамалост, пультоост, мюсуост (гейтоост).

Овощные продукты — ровустаппа (блюдо из репы). Обычно всевозможные овощи используются в качестве основного гарнира, наиболее часто отварной или запечённый картофель, горячую красную капусту, жареный и маринованный лук. В свежем виде на столе часто присутствуют помидоры, белый редис, огурцы и зелень. В отварном виде в салатах употребляют фасоль, морковь, сельдерей, свёклу, цветную капусту, перец, грибы. Производство и потребление овощей неуклонно растёт, при этом производство увеличилось примерно с 8000 тонн в 1977 году до почти 30 000 тонн в 2007 году. Холодный климат снижает потребность фермеров в использовании пестицидов. Такие овощи, как брюква, капуста и турнепс, обычно начинают выращивать в теплицах ранней весной, а помидоры и огурцы полностью выращивают в помещении. Скандинавия зависит от импорта почти всех видов сладких фруктов кроме ягод. С начала XX века впервые со Средневековья в некоторых местах снова стало возможным выращивать ячмень для потребления человеком.

Выращивание злаков возможно лишь в южной части региона, при этом здесь растут только овёс и ячмень. Эти злаки непригодны для дрожжевого теста, поэтому для Скандинавии типичны тонкие жёсткие хлебцы flatbrauð, которые могут храниться довольно долгое время. Если к тесту добавляют картофельную массу, лепёшки становятся более мягкими, похожими на лаваш. Такой хлеб называется лефса (lefsa).

Очень любят в Скандинавии разные виды хлеба, особенно хлеб домашней выпечки с различными добавками. Современные скандинавские пекарни предлагают широкий выбор хлеба и выпечки. Хлебные изделия — вулканический хлеб, лаувабрауд (тонкие лепёшки, буквально «листовой хлеб»), ругбрауд (сорт ржаного хлеба), флатбрауд. Традиционный хлеб, по-прежнему популярный в Скандинавии, включает гúgbrauð, плотный, тёмный и влажный ржаной хлеб, традиционно выпекаемый в горшочках или

специальных коробках, используемых для выпечки в ямах, вырытых возле горячих источников, и flatkaka, мягкие коричневые ржаные лепёшки. Хангикьот обычно подают тонкими ломтиками на flatkaka. К другим видам хлеба относятся skonsur, который представляет собой мягкий хлеб, и пшеничные лепешки Westfjord (Vestfirskar hveitikökur). Laufabrauð (букв. «Листовой хлеб»), очень тонкая вафля с узорами, нарезанными острым ножом и зубчатыми режущими дисками, и обжаренная в масле до хрустящей корочки — это традиционное йольское блюдо, иногда подаваемое с хангикьотом. Украшение laufabrauð (листового хлеба) — йольская традиция во многих скандинавских домах. В настоящее время наиболее любимыми сортами хлеба являются kneippbrauð, названный в честь Себастьяна Кнейппа, и franskbrauð, белый «французский хлеб». Из хлеба готовят суп и даже кашу с пивом — эльбрауд.

Многослойные бутерброды — смурбрауд — с разнообразными комбинированными начинками — гордость региона и изюминка здешней кухни. Таких бутербродов существуют сотни разновидностей, в каждом кафе или доме их готовят по-своему, сочетая иногда, казалось бы, совсем несочетаемые продукты: огурцы, сельдь, сыр, яйца, лук, масло, бекон, помидоры, паштеты, соусы... В высоту такой бутерброд может быть несколько десятков сантиметров, едят его послойно, снимая слой за слоем.

Во многих городах Скандинавии есть специализированные магазины, торгующие только бутербродами. Существует даже несколько известных ресторанов, специализирующихся именно на smurbrauð, например, Kommandanten.

Первыми профессиональными пекарями в Скандинавии были датчане, и это до сих пор отражается в профессиональных традициях скандинавских пекарей. К давним местным фаворитам относятся snúðr, вид булочки с корицей, обычно покрытой глазурью или растопленным шоколадом, и skúffukaka, однослойный шоколадный торт, испечённый на жаровне, покрытый шоколадной глазурью и посыпанный молотым кокосом. Традиционная выпечка включает kleina, небольшую жареную булочку из теста, где тесто сплющивают и разрезают на маленькие трапеции с помощью специального отрезного круга (kleinujárn), затем посередине делается прорезь, а затем один

конец протягивают через прорезь, чтобы сформировать «узел». Затем это обжаривается во фритюре в масле.

Десерты — абрюстир (пудинг из коровьего молозива) и винартерта. Разнообразные слоёные пироги, называемые *randalín*, *gandabraud* или просто *lagka*, были популярны в Скандинавии с XIX века. Они бывают разных сортов, и все они имеют пять общих слоёв коржа толщиной 1/2 дюйма (13 мм), чередующихся со слоями фруктового варенья, джема или глазури. Одна из разновидностей под названием *vínarterta*, популярная в конце XIX века, со слоями чернослива, стала частью кулинарных традиций скандинавских иммигрантов в США и Канаде.

Многочисленные северные ягоды (клюква, брусника, морошка, малина, ежевика, смородина и др.) широко используются в скандинавской кухне в качестве основы для разнообразных десертов. С ними готовят сладкие соусы, варенья, кисели, компоты, желе. Ягоды добавляют в каши и супы, начинают ими всевозможные пироги и торты. Классические местные десерты: ягодный суп со сливками и яблочный пирог со смородиновым желе. Очень популярна в стране и разнообразнейшая выпечка, например, пшеничные кексы в сырной крошке, дрожжевые блины, блины или оладьи *эплискивур*, или знаменитые скандинавские булочки, которые в самом регионе зовут «датским хлебом» в честь мастеров, впервые приготовивших его здесь в XIX веке.

Утром практически в каждой семье пьют молоко, зачастую добавляя туда специи. Коротать же вечера современные скандинавы предпочитают за кофе. Сейчас кофе является самым популярным напитком скандинавов. Что касается традиционных алкогольных напитков, в Скандинавии популярны домашний шнапс на травах и ликёры. Основной крепкий напиток — бренивин. Также популярно местное пиво, которое ранее изготавливали почти в каждой семье, особенно к Йолю. По праздникам здесь готовят особое подогретое вино с приправами. Из картофеля дистиллируют крепкий скандинавский алкогольный напиток аквавит. Пиво и аквавит употребляют со многими мясными и рыбными блюдами, к примеру, фэрикалю, лутфиском и копчёностями. Особая разновидность скандинавского аквавита носит название линуаквавита, этот напиток перед продажей

везут в Австралию и обратно, и благодаря долгому путешествию он лучше впитывает аромат дерева, из которого сделаны бочки.

Скандинавы, как и большинство европейцев, обычно едят три раза в день: завтрак, обед и ужин. Современный скандинавский завтрак довольно плотный и более напоминает английский завтрак, чем континентальный. Обед носит закусочный характер и часто состоит из холодных бутербродов (*смурбрауд*). В конце каждого обеда обычно подаётся сыр. Основным приёмом пищи является ужин, который состоит в 17–18 часов. Иногда также перекусывают около 21.00, часто это бывают кофе с пирогом.

В Скандинавии есть традиция самостоятельно выпекать хлеб, заготавливать конфитюры, джемы и другие продукты питания. Обычно скандинавы самостоятельно накладывают себе еду в тарелку. В Скандинавии не принято заранее разрезать на порции торты и пироги: каждый отрезает себе порцию самостоятельно. Поэтому в Скандинавии считается невежливым оставлять еду на тарелке. Для употребления алкогольных напитков гости обычно ждут первого тоста, произносимого хозяином, а затем пьют, когда хотят.

В Скандинавии йольский ужин традиционно подают в канун Йоля. Традиционными основными блюдами являются хангикьот (копчёная баранина), *hamborgarhrygg* (солёные свиные рёбрышки) и различные виды дичи, особенно тушёная куропатка, тупик (иногда слегка копчёный) и жареный серый гусь в тех местах, где они доступны. Обычно к ним добавляют бешамель или грибной соус, отварной картофель и горох, маринованную свёклу или краснокочанную капусту и джем. Традиционный десерт — рисовый пудинг с изюмом, посыпанный молотой корицей и сахаром, называемый *jólagrautr* («Йольская каша»).

23 декабря (малый канун Йоля) существует традиция подавать ферментированных скатов с топлёным жиром и варёным картофелем. Говорят, что кипячение йольского хангикьота на следующий день после подачи ската рассеивает сильный запах, который в противном случае может оставаться в доме на несколько дней.

За несколько недель до Йоля многие семьи пекут различное печенье, чтобы хранить его для друзей и семьи на протяжении всех праздников. К ним относится *pirarkökur*, вид имбирного

печенья, часто украшенный цветной глазурью. Laufabrauð также жарят за несколько дней до Йоля, и для многих это повод для семейных праздников.

Дни рождения, свадьбы, крещения — это различные поводы для приглашения большой семьи на обед или «послеобеденный чай», называемый kaffi, поскольку обычно подают фильтрованный кофе, а не чай. Традиционные блюда включают kransakaka и различные виды brauðterta с начинкой, например, из креветок, копчёного лосося или хангикьота и большим количеством майонеза между слоями белого хлеба. Также популярны для больших семейных праздников различные виды бисквитного торта со свежими или консервированными фруктами, взбитыми сливками, марципаном и безе. Эта традиция высмеивается в часто цитируемом отрывке из романа Халлдора Лакснеса «Под ледником», где персонаж Hnallþóga настаивает на том, чтобы во время всех трапез подавать посланнику епископа несколько видов роскошных тортов.

Хусманнскост (húsmannskostur) означает традиционные скандинавские блюда из местных ингредиентов, классическую повседневную скандинавскую кухню. Название происходит от слова «хусманн» (húsmadr), «владелец/хозяин дома» (без прилегающей земли), и этот термин первоначально использовался для большинства видов простой еды в сельской местности.

Подлинный скандинавский хусманнскост использует преимущественно местные ингредиенты, такие как свинина во всех видах, рыба, крупы, молоко, картофель, корнеплоды, капуста, лук, яблоки, ягоды и т. д.; говядина и баранина используются реже. Помимо ягод, яблоки являются наиболее используемыми традиционными фруктами, которые едят в свежем виде или подают как ингредиент яблочного пирога, яблочного соуса. Хусманнскост часто подразумевает трудоемкие способы приготовления, такие как ру (smjörbolla), а также умеренное использование специй.

Примерами хусманнскост являются гороховый суп (saltkjöt ok baunir), пюре из моркови, картофеля и брюквы, подаваемое со свининой (gótmós með fleski), блюда из лосося (гравлакс, жареного, маринованного), сельди (обычно маринованные, но также жареные, запеченные в масле и т. д.), рыбные биточки (fiskbollur), фрикадельки (kjötbollur), картофельные кнедлики с мясом или другими

ингредиентами (пальты), картофельные оладьи (jarðþrellisáta), каши (grautr), жареный картофель с разными видами мяса или колбасы и луком (pyttir í rönnu), тушеное мясо с луком и картофельные клецки с начинкой из лука и свинины (кроп-пкёкур). Хусманнскост является для скандинавов «ностальгичной едой» (англ. comfort food), связанной с приятными воспоминаниями.

Однако популярный вкус развивается, чтобы стать ближе к европейской норме. Например, потребление овощей в последние десятилетия значительно возросло, в то время как потребление рыбы сократилось, но всё ещё намного выше, чем в любой другой развитой стране, примерно в четыре раза превышая средний показатель.

Хусманнскост пережил ренессанс в течение последних десятилетий благодаря известным скандинавским поварам, таким как Торир Врейтманн, которые создают обновленные варианты классических скандинавских блюд. Использование жиров (которые ранее были необходимы при энергоёмком ручном труде) снизилось, и были введены некоторые новые ингредиенты. Методы приготовления совершенствуются для ускорения процесса готовки или повышения питательной ценности или вкуса блюд. Многие скандинавские рестораторы смешивают традиционный хусманнскост с современной изысканной кухней.

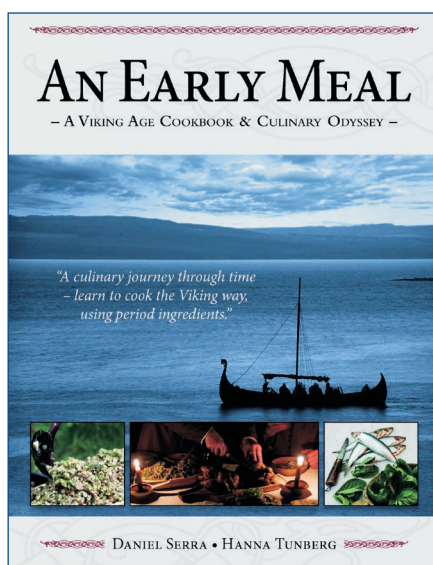
Современные скандинавские повара обычно делают акцент на качестве доступных ингредиентов, а не на вековых кулинарных традициях и методах. Многочисленные рестораны Скандинавии специализируются на морепродуктах. На ежегодном конкурсе шеф-поваров Food and Fun (проводится с 2004 года) участники создают инновационные блюда из свежих ингредиентов, произведённых в Скандинавии. Предметом гордости является качество мяса ягнёнка, морепродуктов и (в последнее время) скюра. К другим местным ингредиентам относятся морские птицы и водоплавающие птицы (включая их яйца), лосось и форель, водяника, черника, ревень, исландский мох, дикие грибы, дикий тимьян, любисток, дягель и сушёные морские водоросли, а также широкий ассортимент молочных продуктов.

Помимо национальной кухни скандинавы любят блюда из других стран, в первую очередь французской кухни, а также итальянской, азиатской и американской кухни.

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод: РАНХИЛЬД
(Мария ЮЛИНА)

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–40 номера.

Вегетарианская каша с дягилем

75 г соленого сливочного масла
400 мл дробленого ячменя (или перловки)
400 мл кислого молока
600 мл воды или бульона
Пучок черемши или лука-порея

Листья или стебель дягиля (*Angelica archangelica*) или любая другая ароматная трава, например, любисток (*Levisticum Officinale*) или корень петрушки

- Потомите лук-порея и дягиль в большом количестве сливочного масла (предпочтительнее использовать горшок из мыльного камня).
- Добавьте дробленый ячмень (или перловку) и хорошенько перемешайте.
- Добавьте сыворотку или кислое молоко, перемешайте и добавьте достаточное количество воды, чтобы она полностью покрывала крупу

- Томите на медленном огне, пока ячмень не станет мягким, при необходимости добавьте еще воды.
- Подавайте как гарнир к копченой рыбе или как самостоятельное блюдо.

Трудно что-то утверждать по поводу вегетарианских блюд с точки зрения исторического контекста. Исследования глиняных сосудов VII века из местечка Вендель (недалеко от озера Миларен, Швеция) показали, что, вероятнее всего, в большинстве из них готовились и хранились блюда с комбинацией животных и растительных жиров. Однако при этом достаточно немалое количество сосудов содержало исключительно растительные останки.

Вдохновением для этого блюда частично послужил рецепт капустной каши, которая была описана как еда фермеров в датской

поваренной книге 1616 года. Вероятнее всего, масло во времена викингов было более кислым, чем сейчас. Поэтому для аутентичного вкуса, а также чтобы сделать это блюдо более сытным, мы добавили в рецепт немного кислого молока. Для вкуса мы решили использовать сочетание ароматного дикого лука-поррея и дягиля (*Angelica archangelica*), который в те времена произрастал в Скандинавии и даже упоминался в сагах. Надо отметить, что сегодня мы чаще всего употребляем в еду корень этого растения, тогда как в эпоху викингов использовали его стебли и листья:

«Однажды они целый день взбирались по прибрежным скалам в поисках дягиля и на травянистом выступе, который позже стали называть Торгейршельфом, они отыскали и срезали большие стебли дягиля».

Fóstbræðra saga

Северная сушеная треска

Сушеная треска около 400 г
2 л воды
150 г солёного сливочного масла
1 ст. ложка семян коричневой горчицы
200 мл рыбного бульона

- Тщательно отбейте треску с помощью деревянного молотка (отбивать нужно не менее часа).
- Замочите отбитую, но все еще целую рыбу в горячей воде на 12 часов.
- Если получится, снимите кожицу.
- Поместите треску в большую кастрюлю, залейте водой, чтобы рыба была полностью покрыта.
- Варите в течение часа, постоянно снимая пену.
- Отделите филе от костей.
- Растопите в кастрюле сливочное масло.
- Добавьте к маслу семена горчицы и филе трески.
- Добавьте около 100 мл бульона, в котором до этого варилась треска, и доведите до кипения.
- Уменьшите огонь и выпаривайте бульон до состояния жидкого соуса.
- Подавайте с овощной кашей.

На Лофотенских островах вяленая рыба была широко известна еще со времен викингов. Однако со временем методы ее приготовления значительно изменились, поскольку теперь у нас есть доступ к новым технологиям, а также к чистой и холодной воде, в которой вяленая рыба должна вымачиваться около недели. Аутентичный метод приготовления вяленой рыбы полагался исключительно на грубую силу. Согласно французской кулинарной книге XIV века, такую рыбу нужно было отбивать в течение часа, а затем вымачивать в горячей воде в течение 12 часов. Указанный французский рецепт был нами взят за основу этого блюда, так как он — с некоторыми изменениями — вполне себе вписывается в кулинарные предпочтения эпохи викингов.

Отварной палтус

600 г палтуса
3 л воды
полстакана сушеного или свежего
тысячелистника
четверть стакана сушеного или свежего
корня дягиля
150 г дикого лука-порья или лука шалот

- Разрежьте палтус на четыре части
- Добавьте в воду специи и доведите до кипения
- Осторожно положите в кипящую воду кусочки палтуса и потомите на маленьком огне примерно 20 минут
- Подавайте с похлебкой с сыром и дикими травами¹

Останки палтуса были обнаружены среди археологических находок Лофотенских островов. Благодаря своему огромному размеру, палтус заслужил упоминания в сагах и, судя по всему, стал важной частью рациона в Северной Скандинавии. Вероятнее всего, его разделяли на кусочки и отваривали. Палтус имеет насыщенный вкус, приятную плотную консистенцию и в ароматизаторах особо не нуждается.

Отваренный в бульоне с травами, он приобретает свежесть и некоторую землистую нотку, что делает это блюдо подходящим для летних праздников.

Палтус доступен круглый год: зимой вместо трав его можно подавать с растопленным маслом. Однако стоит особо подчеркнуть, что сегодня палтус находится под угрозой исчезновения, и его следует есть только по праздникам. ❖

¹ Рецепт такой похлебки можно найти в 40 номере «Северного ветра»

Юлия НАСОНОВА
(Ulla SOL)

Склока с Локи

Текст предоставлен группой Асатру Урал
https://vk.com/asatru_ural

Представляем вашему вниманию литературную обработку (по сути, это новый перевод) одной из самых известных эддических песен «Lokasenna» («Склока с Локи» или, как она называется в более традиционном варианте, «Перебранка Локи»).

КОГДА Эгир, носящий также имя Гюмир, получил огромный котёл, который Тор привёз для него из Ётунхейма, он, как и обещал, приготовил пива и пригласил множество гостей. Один пришёл на этот пир со своей женой Фригг. Тор не явился, ведь он был в походе на востоке, но пришла Сив, его жена. Браги пришёл со своей женой Идунн. Пришёл туда и однорукий Тюр, который лишился своей правой руки, когда асы связывали волка Фенрира. Был там Ньёрд со своей женой Скади, Фрейр и Фрейя, сын Одина Видар. Был там и Локи, а также слуги Фрейра — Бюггвир и Бейла. Много асов и эльфов пришло на пир.

Золото, которое хранилось в чертогах у Эгира, блестело так ярко, что освещало просторные залы не хуже факелов. Слуг Эгира, разносивших гостям напитки, звали Фимафенг и Эльдир. Они настолько умело выполняли свою работу, что казалось, пиво само лилось в кубки. Как и на любом пиру, все гости были обязаны соблюдать мир. Они пировали и хвалили слуг Эгира за их отличную работу. Локи надоело это слушать, и он убил Фимафенга. Тогда асы, не смея нарушить мир, стали трясца щитами, бранить Локи и выдворили его из чертогов Эгира в лес, и только после этого вернулись к трапезе.

Спустя некоторое время Локи вернулся обратно и у входа в палаты Эгира встретил Эльдира, его слугу.

1. Локи сказал:

Ну что же ты, Эльдир, постой, не спеши,
Ответь, прежде чем унесут тебя ноги:
О чём, свои чаши с питьём осушив,
Беседуют сильные славные боги?

2. Эльдир сказал:

О битвах победных, доспехах своих
Беседы ведут всемогущие боги,
Ни ас и ни эльф ни единый из них
Добром не помянет жестокого Локи.

3. Локи сказал:

Но к Эгиру всё же в чертог я войду,
Сей пир без внимания я не оставлю,
Гостям принесу я раздор и вражду,
Их мёд золотистый я желчью разбавлю.

4. Эльдир сказал:

Коль к Эгиру в дом всё ж решил ты войти,
И праздничный пир посетить ты намерен,
Всё зло, что желаешь другим принести,
Тебе ж и вернётся, будь в этом уверен.

5. Локи сказал:

О, Эльдир, оставь, даже думать не смей,
Ведь если начнёшь ты браниться со мною,
Победа, конечно же, будет моей,
Хоть сколько болтай, не наступит иное.

После этих слов Локи вошел в зал — пир был в самом разгаре, гости шумели и веселились, но когда они увидели, кто вошёл, все сразу замолчали, наступила тишина.

6. Локи сказал:

Ведомый лишь жаждой, пришёл в этот дом,
Путь долгий проделал на празднество ваше,
Я — Лофт, я вас, асы, прошу об одном:
Налейте мне мёда искристого чашу.

7. Никто даже звука издать не дерзнёт?
Никто даже слова в ответ мне не скажет?
Никто не предложит войти, не нальёт?
И даже уйти мне никто не прикажет?

8. Браги сказал:

Никто из нас мёда тебе не нальёт,
Никто не запустит на это застолье,
Всем асам известно давно наперёд:
Не каждый на пир наш явиться достоин.

9. Локи сказал:

Про связь нашу, Один, успел ты забыть?
Как издавна смешана кровь была наша?
А как ты поклялся ни капли не пить,
Пока мне не подана полная чаша?

10. Один сказал:

Встань, Видар, и место своё уступи —
Пусть Волка Отец здесь присядет с дороги,
Пусть Локи молчит, с нами мёда испив,
И брани никто не услышит в чертоге.

Тогда Видар встал, наполнил чашу мёдом и подал её Локи. Но прежде чем выпить, Локи обратился к гостям:

11. Всем асам хвала, всем асиньям хвала!
Пусть ваша слава не меркнет отныне!
За здоровье ваше я выпью до дна!
За всех, кроме Браги, что сел в середине.

12. Браги сказал:

Мой меч забери и коня моего,
И кольца мои драгоценные тоже,
Лишь брань прекрати, устрашишь же богов!
Их гнев вызывать, как известно, негоже!

13. Локи сказал:

Да где же ты кольца добыл и коня?
В боях ты уж точно не смог бы нажиться,
Нет аса, нет эльфа трусливей тебя,
От битвы не раз ты пытался укрыться.

14. Браги сказал:

О, если б ты это не здесь произнёс,
И в честном бою я б сошёлся с тобою,
Рукою своей твою голову б снёс —
За ложь расплатился б ты тут же с лихвою.

15. Локи сказал:

Так смел, восседая за общим столом,
Скамьи украшенья ты лучшее, Браги,
Коль злишься, давай поединок начнём,
Тот медлить не будет, кто полон отваги.

16. Идунн сказала:

Спокойнее, Браги, достаточно ссор
Меж кровными и неродными сынами,
Давайте закончим сейчас этот спор,
Не быть в доме Эгира распрям меж нами.

17. Локи сказал:

О, Идунн, молчи, твой безмерен разврат,
Так падка на ласку, но всё тебе мало,
Ведь даже того, кем убит был твой брат,
Руками своими ты всласть обнимала.

18. Идунн сказала:

Совсем не хотела тебя оскорбить
У Эгира здесь, в его славном чертоге,
Хотела я Браги хмельного смирить,
Лишь только бы не было бойни жестокой.

19. Гевьон сказала:

Зачем же вы оба заспорили тут?
Бранитесь вы, асы, всецело напрасно,
Ведь Локи известный насмешник и плут,
Врагов наживает шутя ежечасно.

20. Локи сказал:

Молчала б ты, Гевьон, и я б, может, стих,
Не вспомнил, как ты поддалась искушенью,
Как русский юнец был меж бёдер твоих
За то, что дарил он тебе украшенья.

21. Один сказал:

Рассудок твой, Локи, покинул тебя,
Раз смеешь дерзить даже Гевьон так грязно,
Не зли её, ибо она, как и я,
Уделы всех сущих предвидит так ясно.

22. Локи сказал:

Молчал бы ты, Один, тебе ли не знать,
Как в битвах судьбу ты решаешь нечестно,
Ведь вместо того, чтобы храбрым отдать,
Победу ты трусам вручал неуместно.

23. Один сказал:

Уж если то правда, помянем скорей,
Как ты восемь зим провёл в мире подземном,
Доил там коров, нарожал там детей
В обличье жены, для мужей непотребном.

24. Локи сказал:

Не ты ли на острове Самсей гостил?
Ходил средь людей и бывал на постое,
Как ведьма, ты там колдовал, ворожил
В обличье жены, для мужей недостойном.

25. Фригг сказала:

О судьбах минувших зачем вспоминать?
Прошедшее зря вы тревожите оба.
О том, что случилось, не лучше ль молчать?
Пусть будет забыта вся старая злоба.

26. Локи сказал:

Дочь Фьёргюна, Фригг, помолчать бы тебе,
Развратней, чем ты, никого не знавали,
Хоть Видрир твой муж, но и Вили, и Ве —
В объятьях твоих они все побывали.

27. Фригг сказала:

Коль в Эгира доме был кто-то таков,
Чтоб самую малостью Бальдру подобен,
То пир этот славный с сынами богов
Без битвы покинуть ты б не был способен.

28. Локи сказал:

Ты хочешь ещё, Фригг? Сыта не вполне?
Продолжу тогда свои скверные речи:
В чертогах твоих по моей лишь вине
Не будет уж с Бальдром вовек твоей встречи.

29. Фрейя сказала:

Злодейством хвалиться решил напрямик?
То, значит, и вправду лишился рассудка,
Все судьбы грядущие ведомы Фригг,
Хоть в тайне хранит она их очень чутко.

30. Локи сказал:

О, Фрейя, молчи, для меня не секрет
Твои похождения и нрав твой столь пошлый,
Ни аса, ни эльфа на свете уж нет,
Кому б не была ты любовницей в прошлом.

31. Фрейя сказала:

Язык придержи свой, ведь лжив он и гнил,
Тебя приведёт он к несчастьям тяжёлым,
Асиний и асов уже разозлил,
Домой ты пойдёшь не таким же весёлым.

32. Локи сказал:

Ты ведьма жестокая, Фрейя, молчи,
А славу блудницы не зря ты снискала,
Когда тебя с братом застали в ночи,
В постели от страха ты ветры пускала.

33. Ньёрд сказал:

Не думаю я, что большая беда,
Коль женщина милого пустит на ложе,
Но странно, что ас к нам явился сюда
Рожавший детей, что лишь жёнам пригоже.

34. Локи сказал:

Молчал бы ты, Ньёрд! А не ты ль на восток
Был пленником сослан самими богами?
А Хюмира дочки мочились в твой рот —
Ты словно корытом для них был годами.

35. Ньёрд сказал:

Утешен уж я, хоть в плену я давно:
По воле богов край покинул родимый,
Но сына зачать было мне суждено,
Он лучший средь асов и всеми любимый.

36. Локи сказал:

Ты этим собрался хвалиться? Постой,
Ведь что мне известно, скрывать я не буду:
Зачал своё чадо с родною сестрой!
Что может быть хуже столь мерзкого блуда?

37. Тюр сказал:

Фрейр — первый храбрец среди великих богов,
И лучше не видела асов обитель,
Всегда вызволял он из тяжких оков,
Ни разу ни дев и ни жён не обидел.

38. Локи сказал:

Молчал бы ты, Тюр, всё равно ведь врага
Смирить никогда не умел ты добротню,
И где твоя правая, кстати, рука?
Ах, вспомнил, как грыз её Фенрир охотно.

39. Тюр сказал:

Лишился руки я, а Хродрвитнир где?
Мы оба с тобой пережили утрату,
Вдобавок у Волка нелёгкий удел:
В цепях и оковах богов ждать заката.

40. Локи сказал:

Молчи, Тюр, и помни: твоя-то жена
Дитя родила от меня ведь, однако.
Со мной ты не смог рассчитаться сполна —
Обиду стерпел, промолчал ты, бедняга.

41. Фрейр сказал:

Пусть в устье реки Волк и дальше лежит,
Кончины богов ждёт, цепями унятый,
А если сейчас же ты не замолчишь,
То тоже окажешься связан, проклятый!

42. Локи сказал:

Дал златом ты выкуп за Гюмира дочь,
Пришлось и с мечом тебе тоже расстаться,
Коль Муспелля рать через Мирквид пойдёт,
То чем же ты будешь, несчастный, сражаться?

43. Бюггвир сказал:

Коль был бы я Ингунар-Фрейру родней,
На равных в его жил дворце, а не гостем,
Ворону с коварной её болтовней
Я б вмиг растерзал, разломал бы все кости.

44. Локи сказал:

А что там за мелочь пищит под столом?
Виляет хвостом, ожидая хоть кроху,
Скрип жёрнова слушать и жалкий твой стон
Наскучило всем, даже Фрейру уж плохо!

45. Бюггвир сказал:

Я Бюггвир зовусь, среди богов и людей
Своей быстротою и прытью прославлен,
Среди родичей Хрофта, среди знатных гостей
Я здесь и горжусь, что мне кубок поставлен.

46. Локи сказал:

Молчи лучше, Бюггвир, себе ты не льсти,
Не смог даже пищу раздать ты умело,
Зато под соломой тебя не найти,
Пока не закончится ратное дело.

47. Хеймдалль сказал:

Стал Локи от хмеля безумен совсем,
Тебе замолчать в сей же час не пора ли?
Язык обуздать свой способны не все,
Тем паче, коль пива они перебрали.

48. Локи сказал:

Молчал бы ты, Хеймдалль, с начала времён
Навек тебе выпала тяжкая доля,
На страже богов ты стоять обречён,
Спина твоя взмокла и ноет от боли.

49. Скади сказала:

Как весел ты, Локи, но знай, что тебе
Осталось недолго глумиться над нами,
Ведь скоро совсем тебя боги к скале
Привяжут холодного сына кишками.

50. Локи сказал:

Коль скоро совсем меня боги к скале
Привяжут холодного сына кишками,
Знай, первым я был и последним из тех,
Кто с Тьяци покончил своими руками.

51. Скади сказала:

Коль первым ты был и последним из тех,
Кто с Тьяци покончил своими руками,
То знай, что отныне в чертогах моих
Тебя ожидать будет гибель веками.

52. Локи сказал:

Была ты нежнее на ложе своём,
Куда меня прежде сама приглашала,
Как это не вспомнить, раз счёт мы ведём
Недобрым деяниям, коих немало.

Тогда вперёд вышла Сив, налила для Локи мёд
в прозрачный кубок и сказала:

53. Да здравствует Локи! В знак мира испей
Из чаши хрустальной мёд зрелый, чудесный!
Средь асов великих меня ты не смей
На пиршестве этом порочить бесчестно.

Но он взял рог, выпил из него и сказал:

54. Коль впрямь ты была бы чиста без прикрас,
Тебя бы не стал я срамить в этой склоке,
Но Хлорриди всё ж изменила ты раз,
Не с кем-то иным, а с лукавейшим Локи!

55. Бэйла сказала:

Вы слышите, горы дрожат каково —
То Хлорриди к дому совсем уже близко,
Сумеет он вмиг успокоить того,
Богов и людей кто порочит так низко.

56. Локи сказал:

И Бэйла ужель, жена Бюггвира, здесь?
Не видели асы ещё такой мрази,
Молчала бы лучше ты, гадостей смесь,
Насквозь пропиталась навозом и грязью.

И тут вошёл Тор. Он сказал:

57. Тотчас прекрати свою лживую речь,
Иль молот мой Мьельнир тебе в том поможет,
Снесёт без труда он скалу твоих плеч,
Тебя он, подлец, навсегда уничтожит.

58. Локи сказал:

Земли славный сын к нам изволил прийти!
Зачем же ты, Тор, стал со мною браниться?
Не будешь столь смелым, когда на пути
Твоём встанет Волк — Отца Ратей убийца.

59. Тор сказал:

Тотчас прекрати свои речи, не то
Тебе в этом молот мой Мьельнир поможет,
Тебя подниму и швырну на восток,
Никто тебя там отыскать уж не сможет.

60. Локи сказал:

Не зря ль о востоке ты вспомнить посмел?
Не там ли достиг ты позорного краха?
Не ты ль, весь дрожа, в рукавице сидел,
Себя позабыв от кромешного страха?

61. Тор сказал:

Тотчас прекрати свою лживую речь,
Иль молот мой Мьельнир тебе в том поможет,
Уж в правой руке моей Хрунгнира смерть —
Все кости твои перебьёт, покорёжит.

62. Локи сказал:

Мне жить ещё долго, не так я и плох,
Хоть молот занёс ты уже надо мною,
А помнишь, ты с голоду чуть ли не сдох?
Не смог открыть Скрюмира сумку с едою.

63. Тор сказал:

Тотчас прекрати свою лживую речь,
Иль молот мой Мьельнир тебе в том поможет,
Пошлёт тебя Хрунгнира смерть прямо в Хель,
У гибельных врат твою жизнь подытожит.

64. Локи сказал:

Сказал я и асам, и асов сынам
Всё то, что хотел, на пиру этом знатном,
Уйду, уступлю я твоим лишь словам,
Ведь знаю, хорош ты на поприще ратном.

65. А ты, Эгир, зря столько пива сварил:

Пирам не бывать за твоими столами,
Пусть дом твой дотла со всем скарбом сгорит,
Пусть жжёт твою спину играючи пламя.

Закончив свою речь, Локи скрылся прежде, чем кто-либо успел опомниться. Приняв облик лосося, он спрятался в водопадах фьорда Франангр. Но асы отыскали и поймали его. Они привязали Локи к скале путами, сделанными из кишок его убитого сына. Другого его сына боги превратили в волка. Скади подвесила над лицом пленённого недруга асов змею, из пасти которой постоянно сочился яд.

Сигюн осталась возле мужа, держа над ним чашу, чтобы яд не попадал на его тело и не причинял ему боль. Но когда чаша наполняется, она вынуждена отойти, чтобы опустошить её, и в это время яд попадает прямо на Локи. От нестерпимой боли он корчится и бьётся так сильно, что земля вокруг начинает дрожать. От этого происходят землетрясения.

Зачын (*Forspjallsljóð*), або Крумкачыная замова Одзіна (*Hrafnagaldur Óðins*)

Пераклад са старажытнаісландскай
Яўгена ПАПАКУЛЯ

Одзін стварае,
альвы мяркуюць,
ведаюць ваны,
норны прадбачаць,
ётункі родзяць,
людзі трываюць,
турсы жадаюць,
прагнуць валькір'і.

Злыя намеры
асы раскрылі —
хітрыя сілы
збыталі руны;
Одрэрыр¹ Урд
давлялося захоўваць,
ды зберагчы
не змагла яго ў торы².

Хуг³ адлятае,
іншых шукае,
знак гэта воям:
нельга марудзіць;
Траіна сон
падаваўся злавесным,
Даіна сон
падаваўся таемным.

Доблесці ў двэргаў
робіцца меней,

знікнуць у прорве
Гінунга светы;
долу нярэдка
спускаецца Альсвід⁴,
часта збірае
тых, хто загінуў.

Знікнуць аднойчы
сонца з зямлёю,
будзе бруіцца
паветра з атрутай;
процьму хавае
Міма крыніца
ведаў каштоўных.
Дык мне працягваць?

Сталі даліны
домам для дзісы,
што з Ігдрасіля
долу ступіла;
з племені альваў,
Ідун завецца,
Івальдзі⁵ бацькам
быў у цікаўнай.

Не спадабаўся
спуск ёй з вяршыні
Ясеня-дрэва
з голлем магутным;

горшае гора
за родзіча Нёрві⁶
Ідун спазнала,
з дому сышоўшы.

Бачылі боствы
Наўму⁷ ў журбоце,
воўчую скуру
ля Дрэва паслалі;
толькі паспела
скуру накінуць —
нораў змяніла,
аблічча змяніла.

Выправіў Відрыр⁸
Біўраста варту⁹
яснае сонца
дзвярэй¹⁰ распытацца,
што ёй вядома
пра кожны са светаў.
Лопт разам з Брагі
дапамагалі.

Рогнін і Рэгін¹¹
заклены спявалі,

1 Одрэрыр (*Óðrærir* або *Óðrerir*) — мёд паззіі.
2 Месяц торы (*Þorri*) — чацвёрты зімовы месяц у старым ісландскім календары, што пачынаўся прыблізна ў сярэдзіне студзеня і азначаў сярэдзіну зімы.
3 Верагодна, маецца на ўвазе Хугін.

4 Альсвід (*Alsviðr*) — адзін з коней (разам з Арвакам), што цягнуць сонца. У дадзеным кантэксце гэтым хэйці, верагодна, называецца Одзін.
5 Часцей у тэкстах згадваюцца сыны Івальдзі (*synir Ívalda*) — дзэргі або цёмныя альвы, якія вырабілі карабель Скідбладнір, валасы Сіф і дзіду Гунгнір.

6 Нёрві (*Nörvi*) — ётун. Родзіч Нёрві — верагодна, ягоная дачка Нот (*Nótt*), то бок Ноч.
7 Наўма (*Nauma*) — або хэйці Ідун, або пад Наўмай разумеецца Нанна (*Nanna*) — жонка Бальдра. У другім выпадку, такім чынам, можа згадвацца гісторыя забойства Бальдра.
8 Хэйці Одзіна.
9 Хэймдаль.
10 Кенінг жанчыны.
11 Рогнін і Рэгін (*Rögnir og Reginn*) — верагодна, хэйці Локі і Брагі (ці Хэймдаля) з папярэдняй страфы.

чары іх неслі
да свету прыстанку;
слухае Одзін
на Хлідск'яльве¹² пільна,
просіць уладна
іх не спыняцца.

Мудры¹³ спытаўся
у трункаў падаўцы¹⁴
пра бостваў нашчадкаў
і іхнія лёсы,
Хэль і нябёсы,
кожны са светаў,
пра нараджэнне
і пра пагібель.

Толькі маўчала,
мовіць не ў стане,
Гэўён¹⁵ у смутку,
радасць згубіла;
слёзы па тарчах
твару¹⁶ збягалі,
знік назаўсёды
яркі румянец.

Выйшла з усходу
ад Элівагар
турсаў халодных
поля калючка¹⁷ —
Даін няшчадна
ёю народы
слаўнага Мідгарда
коле штоночы.

Сіла саслабла,
валіцца зброя,
белага аса
меч¹⁸ знепрытомнеў;

12 Хлідск'яльв (Hliðskjálf) — трон Одзіна.

13 Тут — хэйці Хэймдала.

14 Кенінг жанчыны.

15 Гэўён (Geirr) — асіня. Паводле "Сваркі Локі" яна магла прадбачыць будучыню і лёсы кожнага. Верагодна, гаворка працягвае ісці пра Ідун, і ў гэтым кантэксце Гэўён — хэйці Ідун.

16 Кенінг шчок.

17 Калючка поля халодных турсаў — верагодна, кенінг нямогі, хваробы або, улічваючы згадку пра Даіна, проста сну.

18 Меч белага аса (то бок меч Хэймдала) — кенінг галавы.

ётунак ветру
шал¹⁹ разышоўся —
ён хваляванне
спрэс суцішае.

Ёрун²⁰ і ўранку
смутак не кінуў,
боствы адказаў
не атрымалі;
сталі жанчыну
зноўку пытацца,
толькі размовы
плёну не мелі.

Рушыў наперад
смелы прадвеснік,
Іга ахоўнік
Г'ялара-рога²¹;
родзіча Наль²²
ён узяў памагатым,
Грымніра скальд²³
заставаўся на варце.

Відара²⁴ воі
былі ля Вінгольва²⁵,
Фарньёта дзеці²⁶
іх перанеслі;
рушылі ўнутр,
асаў віталі,
Іга самога
на хмельнай бяседзе.

Там Хангацюра²⁷,
шчаснага аса,
гаспадара,
услаўлялі абодва;

19 Верагодна, кенінг ночы.

20 Ёрун (Jórunn) — верагодна, хэйці Гэўён (Ідун). Такім чынам, паводле дадзенай паэмы Ідун, Наўма, Гэўён, Ёрун і жанчына, у якой Хэймдал, Локі і Брагі выпытвалі прадказанні (то бок вэльва), можа быць адным персанажам.

21 Хэймдаль.

22 Родзіч Наль (то бок Лаўвеі) — Локі.

23 Брагі.

24 Відар (Viðar) — сын Одзіна. Верагодна, у гэтым кантэксце, — хэйці самога Одзіна.

25 Вінгольв (Vingólf) — палац у Асгардзе.

26 Кенінг ветру.

27 Хэйці Одзіна.

боствам бяседы
зычылі слаўнай,
з Іг'юнгама²⁸ разам
радасць захоўваць.

Селі на лавы
Бэльвэрка²⁹ госці,
Сэхрымнір быў
пачастункам выдатным;
чэrpала Скёгуль
з Хнікара³⁰ чана
мёд для прысутных
у Міміра рогі.

Потым пытацца
сталі без спыну
Хэймдала асы,
Локі — асіны:
што прадказала
тая жанчына?
Прагаманілі
так да змяркання.

Толькі вандроўка
плёну не мела,
стала бясслаўем
асаў няўдача.
Раіцца сталі:
як жа прымусіць
тую жанчыну
разгаварыцца?

Омі³¹ адказаў,
слухалі асы:
"Ноч у запасе,
мы яшчэ маем,
хай не марнуе
кожны з нас часу
і прапануе
ранкам парад!"

Неслася ў моры
беднай Рынд гора

28 Верагодна, хэйці Одзіна.

29–31 Хэйці Одзіна.

30 Хэйці Одзіна.

31 Хэйці Одзіна.

воўка пажыва
Фэнрыра поля³²;
асы сышлі,
развітаўшыся ўдзячна,
з Хроптам³³ і Фрыг,
бо ўжо Хрымфаксі ехаў³⁴.

Скінфаксі ў збруі
дужа каштоўнай
Дэлінга родзіч
з неба прыспешваў³⁵;
грыва каня
па-над Мідгардам ззяла,
Дваліна цацку³⁶
вёз ён у возе.

У землях вялікіх
паўночнага краю
пад самым далёкім
коранем Дрэва³⁷
адпачывалі
ётункі, турсы,
наўе ды двэргі,
цёмныя альвы.

Сілы ўзмацнелі,
бляск альваў³⁸ схаваўся,
у Ніфльхэйм ноч
падалася на поўнач;
Арг'эль³⁹ узняўшы,
Ульврун нашчадак⁴⁰
гукам абудзіць
Хімінб'эрг слаўны.

32 *Воўка пажыва Фэнрыра поля — ваяры, што загінулі ў сечы, гора Рынд — хэйці Одзіна; верагодна, гаворка ідзе пра будучых эйнхэр'яў.*

33 *Хэйці Одзіна.*

34 *То бок надыходзіла ноч.*

35 *Родзіч Дэлінга — дзень. Першыя 4 радкі можна перакласці як пачыналася ноч.*

36 *Кенінг сонца.*

37 *Хэйці Ігдрасіля.*

38 *Кенінг сонца.*

39 *Арг'эль (Árgjöll) — верагодна, рог Г'ялархорн.*

40 *Хэймдаль.*

ОДИН (ÓÐINN): Бог викингов. Миф и реальность

Мария ЮЛИНА

«Принадлежность Одина к строительному и кузнечному ремеслу позволяет судить о нем как о сильной личности, отдающей не только приказы, обладая реальной властью, но и, что более всего ценно, умеющей поставить себя на место простого труженика, выполняющего грязную, рутинную работу». (с. 95)

Книга Т.Ф. Фадеевой «ОДИН (ÓÐINN): Бог викингов. Миф и реальность» знакомит читателя с образностями главы древнескандинавского мифологического пантеона, а также демонстрирует различные элементы мифотворчества, повлиявшие на формирование и трансформацию образа Одина в социокультурной сфере в древнесеверном социуме.

На страницах книги рассматриваются и объясняются изначальные принципы возникновения образа главы древнескандинавского пантеона, поскольку образ Одина является ключом к индоевропейской мифологической традиции в целом.

Первая на русском языке книга, в которой дается полная картина образа Одина через анализ текстов древнескандинавской словесности: «Старшей Эдды», «Младшей Эдды» и «Саги об Инглингах». Благодаря зафиксированным в литературных памятниках многочисленным упоминаниям об Одине в различных мифологических ситуациях раскрыт его образ как главы древнескандинавского пантеона. Приводимые в книге многочисленные ссылки (собранные в таблицы) на тексты Эдды позволяют безошибочно ориентироваться в эддической традиции. Более того, книга написана с опорой на большой массив научных исследований с применением различных методов исследования, таких как кросс-культурный анализ, историко-мифологический анализ.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, позволяет значительно расширить диапазон знакомства с культурным наследием древнесеверной мировоззренческой традиции. Первая глава построена на основе анализа обширного мифологического и литературного

материала. Также дана критическая оценка существующих научно-теоретических работ по скандинавской мифологической культуре. Вторая глава предпринимает попытку связать мифологическую единичную традицию с определенными историческими трансформациями древнескандинавского социума и культуры.

Книга опубликована в 2018 г. в издательстве «Северная звезда» (Санкт-Петербург).

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Человеку, не умеющему помнить прошлое,
нельзя мыслить о будущем.*

Н. Рерих.

В настоящее время у современного человека в эпоху преобладания в повседневности техники и многочисленных искусственно созданных информационных технологий не ослабевает интерес к различным мифологическим традициям. Подобного рода интерес рождается в ходе изучения разнообразных мифологических (архаических) памятников. Именно в этот момент перед современным человеком происходит открытие многоуровневого восприятия мира и многообразных представлений, существовавших в далеком прошлом. Поэтому изучение различных эпох с их мифопоэтическими традициями приводит к получению не только нового знания, но и к новым творческим опытам.

В каждом регионе мира люди стремились привести свою религиозно-культурную традицию к единому основанию, а изучение наследия предков демонстрирует то, что одним из факторов, оказавших влияние на этот процесс, является постепенное развитие и систематизация мифологических представлений.

В повседневной жизни при освоении необжитого пространства и обустройстве его под свои цели на вновь заселенной территории у человека проявляется некая потребность наделять разнообразным внутренним содержанием все то, что его окружает. В этом процессе формирования новых по смыслу духовных ценностей происходит творческая самореализация человека, которая может быть раскрыта через мифы, предания, эпические произведения или легенды различных стран.

Одной из многочисленных мифологических систем, зафиксировавших наследие прошлого и вызывающих пристальное внимание, является скандинавская мифология. Неподдельный интерес к этой традиции основан на том, что ее корпус на европейском континенте был объединен в единую систему мифолого-философских мировоззренческих установок в достаточно позднее время. До конца XI в. единственной формой коммуникативных письменных средств древних скандинавов оставались рунические знаки, не использовавшиеся для записи литературных текстов. Поэтому в настоящее время в распоряжении современного человека существует достаточно поздно зафиксированный корпус мифолого-философской скандинавской традиции, записанный только с введением латинской письменности. В свою очередь, факт поздней записи предоставляет богатый базовый материал для исследования формирования и структурирования ее внутренних процессов.

В настоящий момент необходимо сказать, что осмысление как таковой мифологической системы необходимо проводить через анализ образа главы пантеона. Более того, через различные религиозно-социальные структуры, досконально проработанные в его образе не одним поколением, можно рассматривать не только момент фиксации образа на письме, но и в целом всю культуру предшествующих поколений.

В данной работе для всестороннего рассмотрения образа Одина были проанализированы такие тексты древнескандинавской словесности как «Старшая Эдда», «Младшая Эдда» и «Сага об Инглингах». Благодаря зафиксированным в этих литературных памятниках многочисленным упоминаниям об Одине в той или иной мифологической ситуации можно практически полностью раскрыть его образ как главы древнескандинавского пантеона. Более того, постоянно приводимые в книге многочисленные ссылки на тексты Эдд позволяют безошибочно ориентироваться в эддической традиции. Наряду с этим в приложении собран материал, демонстрирующий все места в тексте, в которых существует упоминание об Одине под тем или иным именем. Также за основу исследования древнесеверного космопостроения, и в частности образа главы скандинавского пантеона, были взяты труды отечественных и зарубежных скандинавистов, работавших над этой проблематикой. Наряду с вышеназванными текстами была привлечена и другая исследовательская литература, содержащая сведения о культуре древних скандинавов. Монография Е.А. Гуревич и И.Г. Матюшиной «Скальдическая поэзия» дает исчерпывающую источниковедческую и лингвистическую базу самой ранней формы личной поэзии средневековой Европы. В этом же ряду стоят книги М.И. Стеблина-Каменского, такие как «Мир саги. Становление литературы», раскрывающей многогранный духовный мир исландской литературы, являющейся памятником европейского средневековья, и «Культура Исландии», поднимающей существенную проблематику духовного мира древнего общества. Книга «Славяне и Скандинавы» также предоставляет подробные характеристики экономического и культурного развития балтийского региона.

Перед тем как непосредственно обратиться к рассмотрению образа главы скандинавского пантеона необходимо остановиться на том, чем же в целом является древнесеверный мифологический комплекс. Затронутый вопрос необходимо раскрыть, так как в ходе его анализа будут определены основные элементы мифологии как древнейшего и синкретичного образования, а также и ее непосредственного восприятия архаическим сознанием как фактора культуры.

В основе любой мифологической системы присутствует ряд стержневых элементов, которые могут быть сведены к следующим пунктам:

1. Любая существовавшая ранее или функционирующая в настоящее время мифологическая система выстраивается на протяжении длительного времени. Такой временной отрезок, в свою очередь, предоставляет возможность внутри мифологической системы отразить те или иные социальные особенности. На этом основании формирование какой-либо мифолого-философской традиции предполагает усвоение социумом различных историко-культурных элементов, заимствованных из окружающего пространства. Поэтому процесс мифотворчества как таковой может быть рассмотрен в качестве одного из множества проявлений общественной жизни.
2. Любой миф в своей основе представляет авторитетное изложение вне зависимости от того, насколько описываемое в нем повествование расходится с законами природы и повседневным опытом. Данный факт происходит, поскольку миф, повествуя о различных фантастических событиях, не пытается доказывать их подлинность.
3. В целом развернутые, хорошо сформированные мифологические системы во всем мире всегда играли важную роль в обеспечении единства политической системы общества. Таким образом, основываясь на этом положении, миф можно, во-первых, определить как повествование особого типа, способное оказывать влияние на самосознание представителей социума. Во-вторых, будучи насыщенным образными структурами и глубоким смыслом, миф, в свою очередь, наделен значительной силой плодотворного воздействия на архаическое сознание.

Мифологическая система древних скандинавов была зафиксирована в Исландии в достаточно позднее время — в XI–XII в. В силу своей территориальной удаленности от континентальной Европы система дошла до настоящего времени с незначительными добавлениями

христианского мировоззрения. Однако подобная модификация текста не повлияла на сохранившиеся языческие представления древних скандинавов о формировании космоса в целом: о рождении и деятельности богов.

В целом, говоря о древнесеверной мифологической традиции, необходимо отметить, что одним из основных источников по изучению древнескандинавской мифологии является сборник поэтических гимнов — «Старшая Эдда», многочисленные саги, а также прозаический корпус «Младшей Эдды», составленный исландским скальдом и историком XIII в. Снорри Стурлусоном.

Древнескандинавская культура богата и многогранна, что делает ее исследование многоаспектным и позволяет привлекать различный материал.

С одной стороны, традиция Эдд стала основополагающим литературным памятником древнескандинавского мифотворчества, поскольку она является отражением поэтически образного мировосприятия. С другой стороны, важным источником, позволяющим осуществить реконструкцию мифологических представлений, стали археологические находки. Этот обнаруженный и вновь открытый для мира материал позволяет наилучшим образом воспринимать сведения, зафиксированные в литературных источниках.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава I. Образ Одина в древнескандинавской мифологической традиции

- Вотан — историко-мифологический предшественник Одина
- Именные формы главы древнескандинавского пантеона
- Общее обращение к языковой формации. Имя как фактор принадлежности к социокультурной жизни
- Одическая именная традиция
- Общий взгляд
- Частные случаи
- Отражение имен Одина в топонимике и календарном цикле древнесеверной традиции
- Генеалогическая ретроспектива образности Одина
- «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда» — целостный взгляд на родословную
- Родословная по прологу «Младшей Эдды»
- Внешность и атрибуты Одина, отраженные в древнесеверном эддическом мировоззрении
- Детализированные извлечения из родословной главы пантеона
- Утрата органа зрения и отражение этого факта в иконографии
- Пространственная локализация главы пантеона
- Одический престол — Хлидскьяльв в сакральном чертоге Валаскьяльв
- Пиршественный чертог Одина — Вальхалла
- Павшие герои-воины — эйнхерии и тема посмертного существования в эддической традиции
- Девы Одина, девы Воительницы — Валькирии
- Восьминогий конь Одина — Слейпнир
- Руны. Получение, хранение и использование рун во взаимосопричастных традициях — мифологической и социокультурной
- Гальдрастав. Символы рунической эпиграфики в одической традиции

Узел павших или узел избранных — Валькнут
Копье Одина — Гунгнир как символический элемент мировоззренческой системы древних скандинавов
Место кольца Драупнир в мировоззренческом поле северной мифологической системы
Мед Поэзии
Корабль Скидбладнир. Традиция судостроения как неотъемлемая часть религиозно-мифологического комплекса древнесеверной традиции
Судьба [гибель] богов — Рагнарёк. Эсхатологические элементы в древнесеверном мифотворчестве.
Природный элемент в скандинавском прикладном искусстве и единической традиции

Глава II. Социокультурная сфера: отражение целей и задач в образности главы пантеона

Образ Одина как показателя социальных трансформаций в древнескандинавском обществе
Социальный статус
Личный статус
Внутригрупповой статус
Статусные права
Статусный образ
Способности Одина
Военные
Эзотерические
Социокультурные
Один — культурный герой
Один — вождь-жрец
Жертвоприношение главы пантеона
Ценность жертвы
Замещение природ
Закрепление священного статуса.
Деформация тела при жертвоприношении
Процесс замещения глав пантеона (ассимиляция)

Заключение

Список использованных источников и литературы

Комментарии

Приложение

С другими работами Фадеевой Т.Ф. вы можете ознакомиться в 22 и 23 номерах «Северного ветра». А теперь скажем несколько слов об авторе.

ОБ АВТОРЕ

Фадеева Татьяна Федоровна — религиовед и культуролог, специалист широкого гуманитарного профиля, в частности, в области скандинавистики. Кандидат философских наук — 2006 г. В диссертационном исследовании «Один: структуризация образности главы древнескандинавского

пантеона в мифологической традиции и социокультурной сфере» она многосторонне анализировала мифопоэтическое мировоззрение древнесеверной традиции. В 2010 г. получила звание доцента кафедры религиоведения. За годы своей работы в Русской христианской гуманитарной академии осуществляла преподавательскую деятельность на кафедрах религиоведения, антиковедения и медиевистики. За это время она разработала и подготовила ряд авторских курсов, таких как: «Мировые календарные системы», «Этика и эстетика средних веков», «Обряды и ритуалы в средние века» и др., проводила семинары и факультативные занятия. В качестве экзаменатора принимала участие в приеме выпускных квалификационных экзаменов.

На протяжении нескольких лет (с 2005 г. по 2011 г.), Фадеева Т.Ф. являлась автором статей по культурологии, религиоведению, антропологии, а также была активным членом редакционного совета (с 2007 г. по 2012 г.) периодического научного журнала «Вестник Русской христианской гуманитарной академии», включенного в «Перечень» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России по отраслям «философия» и «культурология».

Со студенческих лет, помимо изучения древне-северной религиозной культуры, также занималась исследованием средневековой европейской алхимической традиции. Начиная с 2000 года, она являлась автором статей в приложении к журналу «Вестник Русской христианской гуманитарной академии» «Acta eruditorum. Научные доклады и сообщения», а с 2006 г. по 2011 г. и членом редакционной коллегии.

С 2002 г. по 2008 г. как автор докладов, которые в дальнейшем были опубликованы в качестве научных исследований, Фадеева Т.Ф. принимала участие в научной конференции, организованной МАЭ (Кунсткамера) РАН, Датским институтом культуры, кафедрой языков Северной Европы РГПУ им. А. И. Герцена и Санкт-Петербургским центром исследования истории и культуры скандинавских стран.

В качестве научного сотрудника и организатора с 2003 г. по 2011 г. принимала активное участие в подготовке и проведении Ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», проводимой Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ) совместно с Русской христианской гуманитарной академией (РХГА) и Санкт-Петербургской Ассоциацией международного сотрудничества.

Являлась членом редакционной коллегии сборников статей с 2006 г. по 2012 г.

Сформированный пакет документов, подтверждающий важность выхода в свет сборника научно-практической деятельности конференции, в 2007 г. был поддержан грантом Российского гуманитарного научного фонда.

В 2006–2011 гг. занимала должность Учёного секретаря в Русской христианской гуманитарной академии. За годы работы Фадеевой Т.Ф. осуществлялось документоведческое сопровождение проведения Ученых советов Академии и принятых на них решений. Также она принимала активное участие в подготовке пакетов документов по лицензированию и аккредитации учебного заведения.

С 2006–2011 гг. Фадеева Т.Ф. занимала должность заведующего аспирантурой в Русской христианской гуманитарной академии, участвуя в учебном и аттестационном процессах молодых ученых.

Осуществляя свою научно-практическую деятельность по изучению религиозно-мифологических традиций и курируя процесс обучения студентов старших курсов, с 2005 г. по 2011 г. входила в состав организаторов и сопровождающих лиц в ежегодных научно-практических поездках молодых исследователей в Финляндию и Швецию.

В 2018 г. входила в состав организаторов и участников научно-практической конференции с международным участием «Шаманизм и традиционная архаическая культура».

Фадеева Т.Ф. является автором более 35 научных и методических публикаций, в том числе монографии «ОДИН (Óðinn): Бог викингов. Миф и реальность», основой которой является диссертационное исследование.

Себастьян БЕРГ
Перевод с английского:
Анастасия ЗИМОВА

Девять высших ценностей Асатру

Языческие религии часто обвиняют в том, что они не в состоянии представить своим последователям какие-либо чёткие ценности и лишь противопоставляют себя другим системам воззрений. Общество будто бы пребывает в хаосе и безнравственности, отвергая простые принципы добра и зла.

Ценности Асатру основаны на трёх базовых концептах. Они получены от мудрости Одина, здравого смысла Тора и чести Тюра. Асатру учит нас, что настоящего баланса можно достичь, прислушиваясь в равной степени к разуму и чувствам. А также тому, что в человеке изначально заложена способность отличить добро от зла и принять правильное решение.

Дошедшие до нас тексты Эдд рассказывают нам о богах, об историях из их жизни и демонстрируют набор ценностей, которые направляли их поступки и в которые мы верим.

Современные последователи Асатру приняли 9 простых ценностей, сформулированных сообществом *Odinic Rite*, в надежде, что и остальные последователи веры разделят если не все, то хотя бы некоторые ценности из этого списка. Не стоит воспринимать приведённый ниже список как истину в последней инстанции или строгую инструкцию. Это всего лишь рекомендация, как можно жить в согласии с воззрениями Асатру.

1. Мужество

Трудно найти людей, которые не осознавали бы необходимость мужества в повседневной жизни.

Мы все сталкиваемся с моральными дилеммами, когда от нас требуется слепо следовать нормам, даже если мы внутренне не согласны с ними. В современном обществе жить достойно может быть непросто, и требуется настоящее мужество, чтобы отстаивать честь и правду.

2. Истина

К верованиям Асатру применимы два аспекта понятия «истина». Существует личный кодекс, заключающийся в том, чтобы быть предельно честным с самим собой и другими и избегать поступков, которые могли бы бросить на вас тень. Уважение своей личной чести и стремление к честности являются важной частью жизни последователя Асатру.

Второй вид Истины — это та, что с большой буквы. Эта Истина основана больше на религиозных и моральных принципах. Система взглядов Асатру признаёт, что у каждого из нас есть своя правда, но поиск окончательной Истины должен быть поиском всей вашей жизни. Если мы перестанем её искать, то перестанем и верить.

3. Честь

Хоть честь в нашем списке и стоит под номером три, но на самом деле она — основа для всей системы ценности последователя Асатру. Если коротко, то честь — это совокупность всех остальных ценностей. Если вы живёте по чести, то вам не о чем жалеть.

4. Верность

Обычно верность у людей ассоциируется с супружескими отношениями. Подразумевается, что надо хранить верность мужу или жене, при этом зачастую всё сводится лишь к верности в сексуальном

аспекте. Однако эта ценность применима и к Асатру. Важно понимать, какие священные узы формируются, когда вы присоединяетесь к вере.

Обряд вступления в веру похож на принесение брачных клятв, а отношения между вами и богами налагают на вас не меньшую ответственность. Вот почему так важна верность древним обычаям.

5. Дисциплина

Эту ценность можно описать как самодисциплину, а чтобы её развить, требуются честность и ответственность. Современное общество во многом поощряет отказ от моральных норм и самодисциплины. Чтобы держать себя под контролем, нужны твёрдая вера и способность противостоять чужому влиянию.

6. Доброжелательность

В древние времена странники были привычны к гостеприимству и ожидали его везде, где бы они ни остановились. Принятие и дружелюбие были обычным поведением, на этом строилось общество. И в современных условиях много где можно проявить эти качества. В некоторых языческих культурах считается приемлемым неуважение к другим религиям и верованиям, пренебрежительное отношение к их представителям. Но от последователей Асатру ожидается, что они будут одинаково уважительно относиться ко всем.

Способность признавать, что у других людей могут быть свои верования и воззрения, помогает Асатру-сообществам взаимодействовать и сотрудничать с последователями других вер. Объединяя наши ресурсы, мы развиваемся и становимся успешнее.

7. Трудолюбие

Боги не любят лентяев! И профессиональная, и личная жизнь должны быть наполнены тяжёлой работой, плоды которой приносят радость и гордость. Последователи Асатру должны без остатка отдаваться выбранному пути. А именно, поискам источников своей веры. Викинги не обрели бы славы, если бы сидели сложа руки. Напротив, они жили полной жизнью — каждый день как последний. Будьте трудолюбивыми и упорными в своих поисках.

8. Уверенность в себе

Сначала может показаться, что способность твёрдо стоять за свои убеждения и прокладывать свой собственный путь в жизни противоречит концепции доброжелательности и принятия. Конечно, если каждый может сам позаботиться о себе, то эта ценность покажется лишней. На самом деле, не могло бы быть никакого дружелюбия и никакой гостеприимности, если бы все отказывались от уверенности в себе и полагались бы исключительно на помощь со стороны.

Быть уверенным в себе — это значит брать на себя ответственность за свою судьбу. Не ждать, что общество решит за вас ваши проблемы, даст вам крышу над головой или обеспечит доходом. Будьте ответственны сами за свою мораль, за свою честь. И так слишком много пассажиров на поезде под названием общество: не будьте одним из них, будьте машинистом.

9. Упорство

Очень важна способность взять себя в руки и начать всё с начала после того, как вас постигла неудача. Достичь успеха можно только упорными стараниями. Последователи Асатру знают, что проиграть по-настоящему можно только во внутренней борьбе, то есть только самому себе. Они знают также, что лишь в самых тяжёлых битвах зарабатывается честь. Вот почему нужны и мужество, и самодисциплина, и сила. Сообщества Асатру сталкиваются с трудностями, преодолеть которые можно только упорством, чтобы стать ещё сильнее и крепче.

Эти простые ценности могут показаться очевидными, но последователи Асатру верят, что в их совокупности заключена мудрость древних богов.

Виталий КРИВОНОС

Славень Тору

Слався ти, Торе,
Слався ти, Одіна сину,
Моді та Маґні отець!
Мйольнір у моцній руці
Богів захищає,
людей захищає.

Слався ти, цапів господар,
Сів чоловік,
Йотунів вбивця;
Вбережи нас від лиха,
Небо розчисти,
Морок жени!

* * *

Heill-tu Þórr!
Heill-tu son Óðins,
Moða og Magna faðir!
Mjöllnir í sterkir handi
Vernda æsir,
Vernda veröld!

Heill-tu hafra dróttinn,
Sifjar verr,
jötunsbani;
Þjarga oss frá illu,
Hreinsar himininn,
Snýrð myrkrinu frá!

Славень Фрейї

Слався ти, Фрейє,
соколиношатна
матір юнаків полеглих,
володарка намиста,
ґаздиня Фолькванґу,
богиня кохання!

Прийми наше слово,
зміцни наші дух,
вкажи нам стежку в темряві,
зціли нам серця,
розпали багаття
любові та пристрасті!

* * *

Heill-tu nu, Freyja,
valshamkona,
valunglungamóðir,
brisinga-mens-ristill,
drottninga Fólk-vangs,
ástargyðju!

Tak-tu orð okkar,
styrkja huginn okkar,
sýn-du stiginn í myrkrinu,
lækna hjörtu okkar,
kveik-tu eldrinn
ástarinnar ok sjafna!

Страничка автора:
<https://t.me/ravensfjord>

Grimmahugr ORMSTUNGA

К МУНДИЛЬФАРИ

Бесценен дар твой. Тяжко бремя.
И всё вернуть бы вспять ты рад.
Увы, никто не ценит Время,
Пока не ощутит утрат.

Удел твой горек и нелегок,
Детей прекраснейших отец.
Ход времени нещадно долог,
Но и ему придёт конец.

С детьми разлука — за гордыню
Не слишком ли суров урок?
Служить им людям всем отныне,
Пока не грянет Рагнарёк.

Померкнет солнце, день угаснет.
Безлунной станет ночи тьма.
Лишь смерть твоих детей прекрасных
Навек избавит от ярма.

Светлана ЮЛИНА

* * *

Что слушаю в Вальпургиеву ночь?
Конечно же, шедевр «Полёт валькирий».
Какая потрясающая мощь.
За окнами темно, в подлунном мире

Природа спит в весеннем кураже,
В цветении прелестна и невинна.
Но ведьмы и валькирии уже
Слетаются на горные вершины.

На пиршество спешат и тут, и там,
Да что сказать: таинственной нет ночи.
Сегодня даже сны приходят к нам
Все вещие, и что-то нам пророчат.

А где-то зажигаются костры,
Бельтэйн уже вот-вот врата откроет
В иные, параллельные миры,
Весенней расцветающей порою.

А утром установят майский шест
И выберут на праздник королеву.
Средь гор, равнин и прочих древних мест
Вновь зазвучат старинные напевы.

Художница: Ольга Демидова ©
«Иггдрасиль»

Инстаграм: <https://instagram.com/olya.demidova.illustration>
Группа ВК: <https://vk.com/olya.demidova.illustration>
Магазин на озон: <https://www.ozon.ru/seller/sny-derevov-957588/>